

**УДИВИТЕЛЬНОЕ ЖИТИЕ ДОСТОЧТИМОГО СЛУГИ БОЖИЯ
БРАТА МАРТИНА ДЕ ПОРРЕСА, УРОЖЕНЦА ЛИМЫ, ЧЛЕНА
ТРЕТЬЕГО ОРДЕНА СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ДОМИНИКА**

Бернардо де Медина

Пер. с исп. Medina, Bernardo de. Vida prodigiosa del venerable siervo de Dios Fray Martín de Porras, natural de Lima, de la Tercera Orden de nuestro Padre Santo Domingo. Lima: Imprenta de Juan de Quevedo y Zárate, 1673.

В переводе Константина Чарухина

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I. О РОЖДЕНИИ СЛУГИ БОЖИЯ БРАТА МАРТИНА ДЕ ПОРРЕСА

Божественный Домовладыка (ср. Мф. 20:1), от сотворения мира насадивший таинственный виноградник Своей Церкви¹, не перестал во все времена прославлять его, даруя царственные ветви. В соединении с истинною лозою — Христом (ср. Ин. 15:1), они приносят обильные плоды добродетелей, которые укрепляют веру, возвышают надежду и возжигают любовь. Сей виноградник сперва был орошён влагой вселенской скорби — кровью праведника, вопиявшей к небесам об отмщении (ср. Быт. 4:10), а когда Отец светов (ср. Иак. 1:17) распространил Свою Церковь, изгнав из сего западного края, сиречь Нового Света, князя тьмы, который долгие века держал его в своей власти, вероломно порабощая бесчисленные души и обращая их в своих несчастных пленниц, Божественному милосердию было угодно, чтобы посреди столь плачевного мрака радостно воссиял свет Евангелия. После того как рассеялись тучи идолопоклонства, ещё ярче заблестало Солнце истины, дабы, оставив свои заблуждения, множество неверных, прозрев, приняли веру.

Итак, дабы новорождённая в этих краях Церковь возрастала, Господь посеял здесь мужей, превосходных в добродетелях. Творя Его именем чудеса, они должны были засвидетельствовать Его учение знамениями, чтобы единовременно укрепить в вере католиков и явить истину язычникам через очевидные чудеса, которые, как сказал святой Павел, Бог совершает с этой целью среди неверных (ср. 1 Кор. 14:22).

И хотя во всех монашеских орденах и сословиях во все времена появлялись святейшие мужи, которые, служа живым примером добрых дел, побуждали народы к подражанию, божественный свет, со всей явственностью, ярче всего воссиял на небесах, поддерживаемых великим атлантом Церкви — Домиником. На этом светозарном небосводе верховный Творец утвердил величественные светила, которые, уча мир истинной праведности словом и делом, сияют, подобно ярким звёздам, в веки вечные (ср. Дан. 12:3) — здесь обильнее всего пролилась божественная роса благодати.

И хотя нам невозможно постичь непостижимые суды Всевышнего, всё же дозволено некоторым образом проследить пути Его непреложного провидения. Так, мы можем понять следующее: поскольку из истории известно, что первыми делателями и усердными служителями Евангелия, которые, подобно божественным земледельцам, заботливо сеяли семя слова Божия на невспаханных землях Перу, были иноки нашего славного Патриарха святого Доминика, то Богу было угодно (и в том проявилась высочайшая премудрость Его!) воздать сему великому Отцу небесной монетой за неустанный труд его сыновей в обращении душ к вере.

Таким образом, те, кто первыми насадили в сердцах этого народа плодоносное семя Евангелия (ср. Лк. 8:5), прежде всех и насладились его плодами. И поскольку сии апостольские мужи были по своему призванию Проповедниками, то и дивное семя, которое они посеяли, без сомнения, принадлежало им, а потому согласно высшей правде и порядку плод тоже должен был достаться Проповедникам, ибо от Проповедников изошло и семя.

Свидетельством тому, среди прочих, служит превосходная дева Роза святой Марии, первый плод города Лимы. Её невинная жизнь, исключительная добродетель, невиданные подвиги и величие заслуг побудили наших Святейших Отцов Климента

IX и Климента X объявить миру о её святости, дабы верующие, воздавая ей благоговейное почитание, вверяли себя её заступничеству как святой. Ликование по случаю её беатификации охватило оба полушария с невиданной силой, а церковные торжества не прекращались так долго, словно святую сочли дочерью всего мира, а не одного лишь города Лимы.

Подлинным доказательством тому служит и достопочтенный слуга Божий брат Хуан Масиас², несравненный отец бедных, живой пример добродетелей, дивный муж, коему, словно ангел-хранитель, сопутствовал Вениамин Христов³, святой Иоанн Евангелист. Узнав о его чудесах, Господин наш Папа издал указ о проведении нового расследования его жизни, дабы можно было приступить к беатификации, которой мы так горячо желаем.

Недалёк от того, чтобы удостоиться оной (как мы свято веруем), и великий человек Божий брат Висенте Вернедо⁴, скончавшийся в имперском городе Потоси; народная молва тотчас провозгласила его святым, ибо редкая его добродетель, чудесная жизнь и дивный пример остались людям, подобно зажженным свечам. И небо воздало ему той же монетою: когда в городе Пуэнте-ла-Рейна, что в юрисдикции Памплоны, столицы королевства Наваррского, совершались по нему заупокойные службы, свечи горели, но нежный воск их чудесным образом не таял в пламени.

Также отмечен добродетелью был и слуга Божий брат Мигель де Санто-Доминго⁵ — смуглый лицом, донат по своему положению, зеркало иноческого жития, великий блюститель устава, пребывавший в непрестанной молитве и наделённый даром совета, к которому за наставлением для успешного правления часто обращались прелаты. Скончался он в ореоле святости и, как мы веруем, вечно живёт с Богом.

И ещё многих иноков, известных своим совершенством, явила сия славная провинция Перу; потребовался бы объёмистый том, чтобы хотя бы вкратце поведать об их добродетелях.

Немалыми были и добродетели досточтимого брата Мартина де Порреса, коему посвящена сия книга, одного из редчайших по своему совершенству мужей, рождённых Америкой, в чём нас убедит повествование о его достоивном житии. Дух его был необыкновенным, и милосердие его не знало себе равных; он настолько преуспел в сей божественной добродетели, царице всех прочих, что для похвалы ей неостанет никаких слов, а всякое преувеличение покажется лишь умалением. Верный признак его превосходной жизни — его необычайная сострадательность; ибо если на любви к Богу и ближним утверждается весь закон и пророки, как учит Спаситель в Своем Евангелии (ср. Мф. 22:40), то ясно, что тот, кто так пылал любовью к Богу, что любил ради Него не только людей, но и неразумных тварей, с избытком исполнял закон, а значит, и совершенством отличался выдающимся.

Был он «бурый», как говорят в народе, то есть цвета кожи не белого, но притом служил предметом всеобщего восхищения. Ведь Господь, Который взирает не на случайные приметы, вроде цвета кожи, а на достоинства человека, у Которого нет лицеприятия (ср. Рим. 2:11, Еф. 6:9), Который равно печётся обо всех (ср. Прем. 6:7) и для Которого все — одно, как сказал Апостол (ср. Кол. 3:11), так что нет для Бога ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужеского пола, ни женского, — соблаговолил наделить Своего слугу особыми качествами, дабы истина сия стала осязаемой в свете столь дивных милостей, какие даровала ему щедрая десница Его, и дабы стало как никогда очевидно, что не по вине Божией мы остаемся без

преуспевания, поскольку Господь не скупится на благодать Свою для всякого, кто готов её принять. И столь щедро оделил Он ею брата Мартина, что сама эта щедрость свидетельствовала о глубине его смирения, поскольку Бог одаривал его в той же мере, в какой он себя умалил, отчего как нельзя лучше подходит сюда богословская аксиома: *делающему что в его силах Бог не отказывает в благодати*⁷. Без сомнения, Господь избрал самое уничиженное в мире, чтобы посрамить сильных (ср. 1 Кор. 1:27), — обычай, Ему свойственный, ибо Он явил Своё могущество волхвам египетским не в больших змеях, которых те сотворили, а в презренных мошках, которых сотворить не смогли (ср. Исх. 7-8 гл.).

Итак, когда Вселенской Церковью как Наместник Христов руководил понтифик Григорий XIII, а в Испании правил Филипп II Благоразумный, досточтимый брат Мартин де Поррес родился в славном городе Лиме, митрополии и столице Перу, в среду, 9 декабря, в год от Рождества Господня 1579.

Он был незаконнорожденным сыном кавалера Ордена Алькантары по имени дон Хуан де Поррес — ибо Бог часто дарует Своим слугам знатных отцов, чтобы те ещё ревностнее стремились к добродетели. Матерью же его была свободная креолка-мулатка из Панамы по имени Ана Веласкес. От этой тёмной ночи родилась светлая заря, которой суждено было возрасти до сияющего Солнца, дабы освещать всех примером и многих — наставлением. Провидение Божие проявилось в том, чтобы дать брату Мартину столь неравных по происхождению родителей, дабы он, помня о низком происхождении матери, смирялся, а зная о знатности отца, выказывал благодарность Богу, Который всё обращает во благо любящим Его, как сказал Апостол (ср. Рим. 8:28). Если только не предположить, что в белом и чёрном цвете кожи родителей Бог желал предзнаменовать чёрно-белое облачение святого Доминика, в которое со временем предстояло облечься Мартину. Крещён он был в приходской церкви непобедимого мученика св. Себастьяна, которую небо также соблаговолило прославить тем, что в ней же спасительная роса крещения омыла благоухающую Розу святой Марии, когда та была ещё малым бутонem в своём младенчестве.

¹ «Кто владеет виноградником, то есть Церковью» (св. Григорий Великий, слово 19).

²Св. Хуан (Иоанн) Масиас (1585–1645) — испанский монах-доминиканец, подвизавшийся в Лиме. Был современником св. Мартина де Порреса и св. Розы Лимской. Прославился смирением, заботой о бедных и даром чудотворения. Канонизирован Папой Павлом VI в 1975 г. День памяти — 18 сентября.

³Вениамин Христов — образное именование св. Иоанна Евангелиста, отсылающее к библейскому Вениамину, младшему и нежно любимому сыну патриарха Иакова (Быт. 35:18). В духовной литературе «Вениамин» часто символизирует самого юного и возлюбленного ученика.

⁴Дост. Висенте Вернедо (исп. Vicente Bernedo, 1562–1619) — испанский монах-доминиканец, миссионер. Подвизался в вице-королевстве Перу (на территории современной Боливии), известен как «апостол Чаркаса». Скончался в Потоси, почитаемый святым. Процесс его беатификации был начат, но до настоящего времени не завершён.

⁵ Бр. Мигель де Санто-Доминго (ум. 1613) — доминиканский конверз, или донат, африканского происхождения. Брат Мигель подвизался в Лиме в монастыре Святого Розария, был духовным наставником и советником многих знатных лиц вице-королевства, включая архиепископа Лимы. Скончался в славе святости, однако процесс его канонизации не был начат.

⁶ Донат (лат. *donatus* — «подаренный», «посвящённый») — статус брата-мирянина в монашеском ордене. В отличие от полноправных иноков, донаты не принимали всех обетов и рукоположения, а посвящали себя в основном физическому труду и хозяйственным обязанностям в монастыре.

⁷ *Facienti quod in se est, Deus non denegat gratiam* (лат.) — известный принцип схоластического богословия, утверждающий, что Бог дарует Свою благодать тому, кто прилагает собственные усилия и делает всё, что в его силах, для достижения праведной цели.

ГЛАВА II. О ВОСПИТАНИИ И ДЕТСТВЕ ДОСТОЧТИМОГО БРАТА

По особому ли провидению вышнему, но в свидетельствах о младенчестве брата Мартина почти не говорится, — быть может, оттого, что в нём было так мало детского, что, казалось, он никогда и не был ребёнком. Такую же величавость прославлял в Крестителе и св. Амвросий¹.

Не сохранилось сколько-либо существенных свидетельств о его поступках и в раннем детстве. Известно лишь, что когда мать посылала его прикупить съестного домой, он всё раздавал нищим детям, которых встречал по дороге, уделяя им из той самой малости, в которой нуждался сам. Сие явственно предзнаменовало извержение того истого вулкана милосердия, что будет пылать в нём всю жизнь. Ибо тот, кому суждено стать Солнцем, уже в колыбели испускает лучи; так и Моисей ещё в младенчестве явил себя врагом царя-идолопоклонника египетского, сбросив на землю венец, который фараон возложил ему на голову².

Дон Хуан де Поррес признал слугу Божия своим сыном, что было редкостью для кавалеров, которые, дабы не выставить на свет свой позор, обыкновенно не признают таких детей. Но поскольку Мартину суждено было стать драгоценной эмалью, украсившей чистое золото отцовского благородства, то небеса и подготовили так, чтобы тот признал его сыном.

Случилось дону Хуану отправиться в город Сантьяго-де-Гуаякиль, и он взял мальчика с собой. Там Мартин и научился читать и писать, что имело немалое значение для того предназначения, которое уготовал ему Бог. Вместе с отцом он вернулся в родной город Лиму. И по мере того, как прибавлялись годы, возрастала в Мартине и добродетель, а Господь, избравший его для Себя, пожелал, чтобы он стал столь чужд миру, что, казалось, и не жил в нём.

Он понимал, как несовместны служение Богу и праздность, мать пороков. «Мачехой добродетелей» назвал её св. Бернард³, а потому Мартин решил вести с нею беспощадную войну, никогда не давая ей доступа к себе, дабы через неё не одолел его враг. С этой целью он обучился ремеслу цирюльника, дабы трудом своим зарабатывать на пропитание. В этом он следовал учению и примеру Апостола (ср. 2 Фес. 3:8), а также тех святых отшельников древней Церкви, что в пустынях Нитрии,

Египта и Фиваиды духом возносились к Богу в созерцании, а телом смиренно трудились⁴.

В этом ремесле брат Мартин упражнял своё человеколюбие, которое, казалось, и составляло всю его жизнь. Всё, что он зарабатывал или что ему давали (ибо платы он никогда не просил), не задерживалось в его руках, что, казалось, были точёными, как у Жениха из Песни Песней (ср. Песн. 5:14). Его сострадание тотчас вынуждало передать всё заработанное нуждающимся.

Среди сверстников он жил так, как никто другой, и это было действием божественной благодати, ибо Тот, Кто сумел сохранить святость Авраама в Халдее, праведность его племянника Лота в Содоме, невинность терпеливого Иова среди идумеев, а также боголюбие Даниила и его товарищей во дворце царя вавилонского, — Тот же смог сохранить и брата Мартина в чистоте среди сверстников его круга, которые, как учит опыт, обыкновенно легко предаются порокам.

Итак, вся забота его состояла в том, чтобы избегать этих пороков, доказательством тому служит следующий случай.

Пока слуга Божий жил в миру, он имел обыкновение каждый вечер просить у хозяйки дома, где снимал комнату, одну свечу, ибо состояние его, должно быть, было столь скудным, что не хватало даже на самое необходимое. Просьбы его со временем стали столь настойчивы, что в них уже нельзя было узнать учтивого обращения постояльца, но слышалось докучливое попрошайничество нищего. Такого ничтожного повода оказалось довольно, чтобы хозяйка возымела кое-какие подозрения, ибо, как говорит Дух Святой, «всякая злость мала в сравнении со злостью жены» (Сир. 25:18). Ей показалось, что столь упорные просьбы о свете непременно скрывают некое тёмное дело, творимое в его комнате, хотя могла бы она предположить и обратное, ведь, по слову Спасителя, «всякий, делающий злое, ненавидит свет» (Ин. 3:20). Но чтобы дурно помыслить о ближнем, человеческому суду довольно воображения, а чтобы помыслить благое — не хватает и опыта.

Желая удостовериться в своих недобрых догадках, обманувшаяся женщина подсмотрела однажды ночью в дверную щель и, к своему изумлению, увидела, как благонравный юноша, поставив свечу перед иконой, коленопреклонённо и горячо молился, проливая обильные слёзы. Женщина та была посрамлена в своей опрометчивости и, сокрушаясь, раскаялась в своей вине, ибо не увидела ничего дурного, что могло бы её оскорбить, но лишь добродетель, послужившую ей в назидание.

Именно к добродетели всегда устремлялись помыслы сего сосредоточенного юноши, а чтобы они не остались тщетными, он прибегал под священный покров Царицы Небесной, Которую Бог, избрав Себе в Матери, указал и нам как нашу Матерь, устроив так, чтобы всякое благо, ниспосылаемое с небес смертным, всегда проходило через руки Марии, как говорит св. Бернард⁵. Брат Мартин простирался у Её стоп и с душераздирающими вздохами, источая из глаз потоки слёз, молясь перед святым образом, просил Матерь Божию и нашу Матерь, дабы Она благосклонно вняла его устремлениям, день ото дня укрепляя его в служении Своему Сыну; чтобы стала ему верною путеводной звездой в бурном море сего мира.

По плодам стала видна и сила столь праведных прошений, и то, как много может Матерь пред Христом, и что Мария облечена силою Божией, дабы творить милости

своим слугам. Ибо столь велико было преуспеяние слуги Божия, что, возрастая от силы в силу (ср. Пс. 83:8), он, будучи ещё юношей, во цвете лет приносил уже зрелые плоды совершенства.

¹ Ср. св. Амвросий Медиоланский, «Толкование на Евангелие от Луки», кн. 2.

² Аллюзия на апокрифическую традицию, изложенную, в частности, у Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» (кн. 2, гл. 9).

³ Ср. св. Бернард Клервоский, послание 87, к Ричарду, аббату Фаунтинскому.

⁴ Ср. св. Иероним Стридонский, послание 22, к Евстохию.

⁵ Ср. св. Бернард Клервоский, проповедь «О водопроводе» (*De Aquaeductu*).

ГЛАВА III. О ТОМ, КАК СЛУГА БОЖИЙ ПРИНЯЛ ОБЛАЧЕНИЕ В МОНАСТЫРЕ ПРОПОВЕДНИКОВ В ЛИМЕ

Нет сомнения, что иноческая жизнь, будучи домом Божиим, служит надёжным убежищем от опасностей мира, врачевством от его язв и исправлением его заблуждений. «В монастыре, — говорит святой Бернард, — человек поступает осмотрительнее, реже впадает в грех, скорее восстаёт [от падения], умирает с бóльшим упованием и обильнее вознаграждается»¹.

Это постиг брат Мартин по божественному озарению, и за ясным познанием блага в нём тотчас последовало действенное желание его достичь. Горячо возжелал он блаженного иноческого состояния, и хотя мог бы вступить в любой из утверждённых [папою] орденов, пределом его желаний стал орден нашего славного Патриарха св. Доминика, чья сияющая на челе звезда² служила путеводной звездой его устремлениям.

Виновницей сих устремлений была божественная любовь, которая, по слову святого Григория, «не знает праздности»³ в душах, где она обрела себе обитель (ср. Ин. 14:23). Поселившись в душе брата Мартина, она побуждала его желать духовного преуспеяния и внушала ему сии святые помыслы, ведь, как сказал св. Павел, мы не способны помыслить ничего доброго сами от себя, но на всё нам потребен Бог (ср. 2 Кор. 3:5). И поскольку деяния Господа совершенны (ср. Втор. 32:4), Он пожелал, чтобы желания, которые Он зажёл в сердце Своего слуги, обрели благополучное исполнение.

Итак, решив оставить мир, дабы теснее прилепиться к Богу, он отправился в монастырь Богоматери Святого Розария в Лиме, принадлежавший Ордену проповедников. С великим смирением и благоговением он испросил облачение доната у отца-магистра брата Хуана де Лоренсаны, мужа, достойного бессмертной памяти за его великую добродетель и обширные познания, который в то время служил провинциалом. Приором же монастыря состоял Его преосвященство о. бр. Агустин де Вега, епископ Парагвайский, зачинатель строгого уставного соблюдения в этой провинции. Оба они возблагодарили Бога и с необычайной душевной радостью вручили Его слуге облачение, поздравляя друг друга с обретением такого собрата. Быть может, они уже были наслышаны о его добродетели, а быть может,

рассмотрели её в его скромности и благообразии, ибо слуги Божии носят на челе своём печать добродетели.

Когда отец брата Мартина узнал о его новом положении, он выказал сильное огорчение — не оттого, что сын его вступил в орден, а оттого, что тот облачился в смиренный хабит доната. По этой причине прелаты хотели было дать брату Мартину облачение полноправного инока, но слуга Божий, взиравший на вещи в ином свете, нежели его отец (который, в конечном счёте, судил обо всём по-мирски), не пожелал принять оказанной ему чести. Для него смиренное одеяние, дающее повод к унижению, было дороже почётно́го облачения, которое могло бы породить гордыню, ибо он прекрасно понимал, что, раз оставив мир, нехорошо возвращаться к нему, уже пребывая в ордене.

Прошёл год испытания, предписанный святым Тридентским собором⁴, и он провёл его, подавая пример жизни, какой только можно ожидать от человека столь высокой добродетели. Настало время принесения обетов, которое он совершил с примечательной радостью в душе, отдавая себя в живую жертву (ср. Рим. 12:1) всесожжения Богу и многократно благодаря Его за то, что удостоился стать слугой Его слуг в Его же доме, приняв на себя священный знак воина, сражающегося под Его знаменем. Приняв на себя новые обеты, он с исключительным усердием стал стремиться к вершине евангельского совершенства, что и составляет долг всякого инока⁵. Рвение его в этом было таково, что он казался не новоначальным, а опытным, давно уже подвизающимся в ордене братом, который до тонкостей вник в устав и до буквы соблюдал все его предписания⁶.

Немаловажное значение в монастырях имеют так называемые «обряды» — как те, что относятся к богослужению, которому и посвящена иноческая жизнь, так и те, что определяют уставной порядок этого состояния. И хотя нарушение их не вменяется даже в простительный грех (если только не совершается с презрением, что уже будет грехом смертным, к которому располагает себя тот, кто постоянно так поступает), однако же кто пренебрегает малым, рискует со временем пренебречь и бóльшим, по слову Духа Святого⁷. И как сущность не сохраняется без своих акциденций, так и иноческая жизнь без обрядов не стоит твёрдо, но приходит в упадок. Самсон лишился силы, как только ему остригли волосы, ибо он был назорей, посвящённый Богу телесной силой для защиты евреев, а ношение длинных волос являлось назорейским обрядом. Потому-то дар силы и оставил Самсона, как только он нарушил обряд (ср. Суд. 16)⁸.

Так вот брат Мартин был ревностным блюстителем этих предписаний и, прекрасно понимая их великую важность в иноческой жизни, следил за их исполнением с таким вниманием, словно нарушение их влекло за собой вину в самом тяжком смертном грехе. Дабы во всём поступать безупречно, он поставил себе за правило подражать добродетелям, которые подмечал в других, смиренно желая быть учеником каждого, хотя сам уже был достоин стать наставником для многих. Святой завистью завидовал он духовному преуспеянию своих братьев, как то и советует св. Павел (ср. 1 Кор. 12:31): у одного он учился смирению, у другого — молитве, у третьего — человеколюбию, а у прочих — иным добродетелям, как повествуют жития о великом Антонии⁹.

Превыше же всего образцом для своей жизни он почитал досточтимого отца нашего, славного Патриарха св. Доминика. Восхищаясь в нём тем, что было достойно лишь

восхищения, он старался научиться тому, чему можно было подражать, понимая, сколь дурно носить имя сынов Авраамовых, но не желать быть таковыми в делах (ср. Ин. 8:39).

¹ Ср. св. Бернард Клервоский, *Послание 2*.

² Звезда на лбу или над головой — один из главных иконографических атрибутов св. Доминика, основателя ордена Проповедников.

³ Ср. св. Григорий Великий, *Гомилии на Евангелия*, 30.

⁴ Тридентский собор (1545–1563), сессия 25, гл. 15, «О реформе монашествующих».

⁵ Ссылки на Фому Аквинского, *Summa Theologiae*, II-II, q. 186, art. 1 & art. 9.

⁶ *Ibid.*, q. 174, art. 3.

⁷ *Ibid.*, q. 186, art. 9.

⁸ Николай де Лира, *комментарий на Книгу Судей*, 16.

⁹ Ср. св. Афанасий Великий, «Житие преподобного отца нашего Антония».

ГЛАВА IV. О ГЛУБОКОМ СМирЕНИИ И ТЕРПЕНИИ СЛУГИ БОЖИЯ

Сын Божий так ценил смирение, что убеждал Своих учеников подражать Ему в этом, говоря, что Он «кроток и смирен сердцем» (Мф. 11:29), хотя Сам Он — сила Отчая и хранилище сокровищ Его бесконечной премудрости (ср. 1 Кор. 1:24). Сия-то добродетель столь ярко сияла в слуге Божиим брате Мартине де Порресе, что в нём сразу угадывался истинный ученик Христов. Было видно, что он хорошо усвоил уроки Его школы, где первое, чему учат, — это смирение, которое служит опорой духовного здания и основанием христианского совершенства.

Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем самоуничтожение, превосходное качество, о котором повествуют и в житии нашего славного отца св. Доминика. Последнему, как известно, тягостно было пребывать в Тулузе, где все его почитали, и он с радостью отправлялся в Каркассон, где все его поносили¹. Брат Мартин так доказывал своё духовное сыновство св. Доминику через смирение, что его самоуничтожение вызывало у всех восхищение.

Редко видели, чтобы он поднимал взгляд от земли, ибо считал себя недостойным и ступать по ней. Когда его зазывали в келью к какому-нибудь иноку, то, как ни упрашивали его сесть, смирение его не позволяло этого сделать. В итоге он падал ниц и в таком положении вёл беседу с иноками.

Если кто-нибудь, побуждаемый молвой о его добродетели и чудесных деяниях — верных свидетельствах святости его жизни, — превозносил его и возвещал похвалы, которые могли бы усладить слух другого, он заметно огорчился и умолял не говорить ему подобного, ибо он — «худший в мире» и за грехи свои заслуживает быть головнёй, вечно горящей в аду. Это верный признак его великого смирения, ибо истинно смиренный тяжелее переносит похвалу себе, нежели гордец — поношения и брань.

Часто слышали от него, как он молил Бога соделать его подобным некоему образцовому иноку. Таков обычай смиренных: дабы стяжать ещё большее смирение, они не находят в себе и малейшего изъяна, который не сочли бы за тяжкий грех, и не видят в других и тени теплостыни, которой не позавидовали бы как великому рвению.

Он смирялся во всякое время и на всяком месте, взяв себе за обыкновение подметать самые нечистые уголки монастыря и те проходы, где ступала нога каждого. Порою он и сам бросался в грязь, желая быть всеми попираем.

Будучи отцом гордыни, бес ненавидел столь глубокое смирение и то и дело пытался возмутить умиротворённый дух брата Мартина. Не брезговал он для этого никакими кознями и не упускал ни единого случая, ибо, как сказал святой Иларий, «победа над святыми — самая желанная»² для его злобы, а потому на них-то он и направляет свои самые яростные удары, ведь чем большее сопротивление встречают его искушения в праведниках, тем сильнее он жаждет одержать над ними верх.

Так он и поступил с братом Мартином, подстрекая и убеждая других в монастыре обращаться с ним презрительно и оскорбительно. Но всякий раз, когда рассчитывал выйти победителем, враг оставался в проигрыше.

Однажды некий инок обругал слугу Божия, хотя тот не дал к тому ни малейшего повода: назвал его «псом-мулатом», добавил, что достоин он лишь галер, и осыпал его прочими подобными оскорблениями, какие только может подсказать гнев и посоветовать бес. Но человек Божий, с лицом, подобным лику ангела, как у первомученика Стефана, когда противники поносили его в синагории (ср. Деян. 6:15), смиренно простёрся у стоп обидчика и, лобызая их, сказал, что за свои прегрешения заслуживает много большего, в чём сам и сознаётся.

В другой раз один брат, страдавший от тяжкого недуга, позвал слугу Божия, чтобы тот, как монастырский больничник, помог ему. И хотя брат Мартин поспешил на зов с усердием, какое только можно ожидать от его милосердия, болящему в его нетерпении показалось, что слуга Божий мешкает. Вне себя от гнева и по наущению бесовскому, он, осыпав его многократными оскорблениями, в сердцах воскликнул: «Вот оно, твоё милосердие, лицемер, обманщик? Давно бы мне следовало тебя раскусить!» На это брат Мартин смиренно отвечал: «В том-то и состоит моя беда, отче мой, что, столько лет пытаюсь себя узнать, я так и не уразумел своей сути, а Ваше преподобие желает постичь её за те четыре дня, что вы меня великодушно терпите. Но не тревожьтесь, вы ещё узнаете меня лучше, ибо с каждым днём взору вашему будут открываться всё новые мои прегрешения и несовершенства, ведь я — воистину худший из людей».

Однажды некий прелат возымел намерение испытать чистоту совершенства досточтимого брата и узнать, соответствовало ли внешнее в его поступках внутреннему устроению его духа. И поскольку смирение — это пробирный камень, на коем проверяется качество добродетели, настоятель решил испытать брата Мартина именно таким образом. Он обошёлся с ним нарочито уничижительно и презрительно, сделав ему суровый выговор, отчего в монастыре произошло некоторое смущение и немалое огорчение, ибо все очень ценили и любили человека Божия. Ведь как, по слову Философа, благо есть предмет всякого устремления³, а

добродетель столь блага, что и обладающего ею делает благим⁴, то она, подобно магниту, притягивает к себе даже стальные сердца.

Брат Мартин с несказанным смирением выслушал суровый выговор. И хотя резкость его могла бы пробудить нетерпение в душе менее обузданной, чем его, — ибо, по Аристотелю, презрение побуждает ко гневу⁵, — на слугу Божия она не возымела почти никакого действия. Простершись у ног настоятеля и многократно облобызав их, он сказал: «Ныне я познал ревность Вашего преподобия и великую любовь, которую вы ко мне питаете, раз обходитесь с этим псом-мулатом так, как он того заслуживает».

Он совершенно отрёкся от себя, последовав совету Спасителя (ср. Мф. 16:24), отчего казалось, будто один говорил, а другой страдал, как сказал святой Августин о непобедимом мученике святом Викентии⁶.

Не раз и не два, но многократно Господь изволил испытать терпение Своего слуги, а бес при этом пытался заставить его это терпение потерять, искушая дурным обращением, оскорблениями и поношениями. Ибо порой резкое слово ранит сильнее, чем вредоносное действие. Лавану, дяде и тестю Иакова, Бог сказал во сне, чтобы тот остерегался говорить дурно своему племяннику (ср. Быт. 31:24). Не сказал Он: «не причиняй ему зла», но — «говори с ним хорошо», ибо одно можно стерпеть, другое же — невыносимо. Но поскольку смирение слуги Божия пустило столь глубокие корни в почву его души, враг, сеющий плевелы среди пшеницы (ср. Мф. 13:25), не мог с лёгкостью их вырвать, и сколь бы коварно он ни пытался одолеть его, брат Мартин всякий раз выходил победителем.

Однажды его позвал один старый инок, быть может, для врачевания какого-то недуга, ибо человек Божий исполнял, как было сказано ранее, служение больничника. Но прийти сразу он не смог, так как другая, более неотложная нужда задержала его на этом послушании. Когда же, управившись с делами, он наконец пришёл в келью к тому иноку, то застал его в великом нетерпении из-за промедления. Подстрекаемый гневом, тот накинулся на него с оскорблениями, изрыгая столь неумеренные речи, столь обидные слова и столь болезненные поношения, что стало совершенно ясно, какая страсть обуяла сердце его и сколь мало в нём подлинного благочестия. Ибо, как сказал св. Иаков, пуста и суетна вера того, кто не умеет обуздывать свой язык, даже если он и почитает себя благочестивым (ср. Иак. 1:26).

Многим кажется, что они обладают терпением и неким подобием добродетели, но им недостаёт самой её сути, как и предупреждал св. Павел (ср. 2 Тим. 3:5). Под личиной добродетели они позволяют себе осуждать каждого, а потому судят всякого, ропщут на всех и обо всём соблазняются, прикрываясь добродетелью, принимая злое за доброе, а доброе за злое, называя тьму светом, а свет — тьмою (ср. Ис. 5:20).

Так поступил и этот старый инок, которому по причине его преклонных лет и в силу того, что гневливые и вожделеющие страсти должны были в нём умереть, надлежало бы быть более терпеливым. Но он поступил совершенно иначе: тяжко оскорбив слугу Божия и, подобно тем, на кого жаловался Давид, «против неба отвержая уста свои» (Пс. 72:9), он вменил ему в вину то, в чём тот был невинен.

Но как бы ни силились сии надменные волны оскорблений и безумств возмутить смиреннейший дух человека Божия, море его терпения пребыло столь ясным и спокойным, что он, не заступаясь за себя и не защищаясь, с великой скромностью и благоразумием уклонился от столкновения, дабы, по совету св. Павла, дать место гневу (ср. Рим. 12:19). Он тотчас вошёл в свою келью, чтобы молиться Богу за своего гонителя, подражая Господу, Который, претерпевая смерть, чтобы даровать нам жизнь, молился на Кресте за тех, кто Его на этот Крест возвёл (ср. Лк. 23:34).

Спустя недолгое время брат Мартин вернулся, полагая, что гнев уже утих и уступил место разуму; но вышло совсем наоборот. Бес вновь раздул пламя ярости, и инок принялся повторять оскорбления, умножил клевету и развязал язык на тысячи поношений. Он делал это с такой яростью и едкостью, что слуга Божий, пав к его ногам и источая одновременно из глаз слёзы, из сердца — вздохи, а из уст — слова мольбы, начал просить у него прощения за вину, которой не было.

Но и такого смирения не хватило, чтобы смягчить жестокое сердца, тогда как и неразумные скоты умеют прощать того, кто перед ними смиряется. Ругатель перешёл от слов к делу, усугубив обиду. На крик сбежались несколько иноков и, увидев человека Божия, простёртого у стоп своего сурового обличителя, один из них спросил: «Брат Мартин, что здесь происходит?»

На что досточтимый брат ответил с радостным лицом и сугубой любезностью: «Отче, принимаю пепел не в Пепельную среду. Сей отец открыл мне глаза на прах, из коего я создан, и возложил на чело моё пепел грехов моих. И я, благодарный за столь важное напоминание, не целую ему рук, ибо недостойн касаться того, к чему нисходит Сам Бог⁷, но остаюсь у его стоп, но даже их, как стоп священника, я недостойн лобызать. И поверьте, Ваше преподобие, это лучший день в моей жизни, ибо я знаю, что хотя отец сей в гневе и обошёлся со мной оскорбительно, он не в ярости меня обидел, но мудро наказал, чтобы я не забывал, кто я такой, находясь в обществе Ваших преподобий, которого недостойн. И чтобы я не возгордился от тщеславия, будучи всеми почитаем, он напоминает мне о низости моего существа и порочности моих нравов, дабы я смирился».

Все эти порождённые его смиреннейшим духом слова, которыми он оправдывал обидчика и уничижал самого себя, помогли ему, вопреки сатане, выйти из битвы победителем. Ибо, по словам Еврипида (а в этом он мыслил не как языческий писатель, но как христианский философ), битвы терпения таковы, что в них всегда лучше быть побеждённым, нежели победить⁸.

¹ Ср. Эрнандо дель Кастильо, *«Всеобщая история святого Доминика и его ордена Проповедников»*.

² Ср. св. Иларий Пиктавийский, комментарий на Евангелие от Матфея (согласно «Катенам» св. Фомы Аквинского).

³ Аристотель, *«Никомахова этика»*, кн. I, гл. 1: «Благо есть то, к чему всё стремится».

⁴ Аристотель, *«Никомахова этика»*, кн. II.

⁵ Аристотель, *«Риторика»*, кн. II.

⁶ Ср. св. Августин, *Проповеди на день памяти св. Викентия* (*Sermones 274-277*).

⁷ В руках священника, совершающего мессу, происходит пресуществление хлеба и вина в истинные Тело и Кровь Христовы.

⁸ Сентенция не является прямой цитатой, но представляет собой христианскую адаптацию изречения из утраченной трагедии Еврипида «Антиона»: «Благородно проиграть лучше, чем одержать постыдную победу» (*Fr. 202, Nauck*).

ГЛАВА V. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРЕДЫДУЩАЯ ТЕМА

Смиряться тому, у кого нет причин для гордыни, — невеликая заслуга; но когда смиряется тот, кого мир встречает рукоплесканиями, — это многого стоит. В таком именно положении и находился слуга Божий: все его почитали, знатные люди оказывали ему уважение, и к нему постоянно приходили с визитом особы важные и высокого положения.

Преосвященнейший владыка Педро де Ортега Сотомайор, епископ Куско, муж учёнейший и блистательных дарований; преосвященнейший владыка Фелисиано де Вега, архиепископ Мехико, известный своей добродетелью и великими познаниями, — оба они, состоя в тесной дружбе с сим человеком Божиим и почитая себя недостойными её, наперебой выказывали ему почтение и уважение. Так же поступали и многие судьи местной Королевской аудиенсии. А что ещё важнее, Его Превосходительство дон Луис Херонимо де Кабрера-и-Бобадилья, граф де Чинчон, в бытность свою вице-королём здешнего королевства, высоко ценил брата Мартина, о чём подробнее будет сказано позже. И другие знатные особы почитали его, одни прося у него совета в своих делах, другие — облегчения в тяготах, и все — его молитв перед Богом.

Так, он стал желанным гостем у правителей и советником у судей; кавалеры искали его общества, а знать выказывала ему глубокое уважение. Мирская слава окружала его, и все почитали его за святого по причине его героических деяний. Подобные почести обыкновенно служат пищей для надменности, и даже на белоснежных ризах добродетели от них появляются пятна гордыни. Но чем выше возносили брата Мартина хвалы, тем глубже он смирялся, аж равняясь с прахом земным. Погружённый в бездну своего ничтожества, он нисколько не заботился о мирских почестях, которые так ценят люди мирские, и сии суетные впечатления не достигали небес его духа.

Напротив, ещё бóльшие высоты открываются нам в глубоком смирении брата Мартина. Он не только презирал оказываемые ему почести, считая себя нисколько не достойным их и почитая себя самым презренным в мире, и не только терпеливо сносил оскорбления, которые ему наносили, но паче того, всякий раз, когда его поносили, многократно благодарил Бога, говоря о тех, кто дурно с ним обходился: «Вот эти-то меня и узнали». Он и сам выставлял себя на посмешище, чтобы другие ни во что его не ставили. И когда так поступали и оскорбляли его, он ни словом, ни делом не выказывал ни обиды, ни малейшего неудовольствия, чем доказывал своё великое совершенство. Ибо, по слову святого Иакова, «кто не согрешает в слове, тот человек совершенный» (Иак. 3:2).

Слуга Божий был столь далёк от гнева, что испытывал безмерную радость, сталкиваясь с презрением к себе. И не только потому, что, как говорит Аристотель, добродетельные поступки доставляют наслаждение тому, кто их совершает¹, но и потому, что он страдал за Бога, Которого любил, а это, по святому Августину, и есть высшее проявление любви².

Вершиной смирения слуги Божия, кажется, стал один поразительный случай, в котором просияли многие его добродетели.

Случилось однажды, что приор монастыря оказался в крайней нужде: ему срочно требовались средства для содержания больницы. Забота эта так его тяготила, что он уже готов был выйти на площадь и выставить на торги некое имущество, в котором монастырь имел свою долю. Узнав об этом, человек Божий, движимый пламенным милосердием и редким смирением, пошёл к приору и сказал ему: «Отче, я пришёл, чтобы помочь в нужде, которую терпит монастырь. Не скорбите, ибо выход есть. Продайте этого пса-мулата, ведь он — раб ордена, да столь никчёмный, что ни на что не годен. Он и служит-то плохо, потому что с ним хорошо обращаются. Быть может, он найдёт себе господина, которому, терпя дурное обращение, будет служить хорошо».

На это приор, проливая потоки слёз, ответил: «Ступайте, брат Мартин, в монастырь, ибо вы нам нужны, а Бог уже послал нам помощь».

Завершим же эту главу, как златою виньеткой, повествованием о его необычайном терпении в тяготах и напастьях. Терпение, которое один Учитель Церкви³ назвал «наукой о мире», — родная сестра смирения, и кто смирен сердцем, тот непременно будет и терпелив. Так было и с этим человеком Божиим. Когда Господь укрощал его, посылая ему тяготы, дабы сплести ему венец на небесах, и болезни, дабы очистить его на земле, он, понимая, что в немощах, по слову Апостола, свершается сила Божия (ср. 2 Кор. 12:9), проявлял столь восхитительное терпение, что приводил в изумление весь монастырь.

Он обыкновенно говорил, что страдания его — ничто в сравнении с тем, что он, будучи худшим из людей, заслуживает претерпеть. Долгое время каждую зиму слугу Божия мучила жесточайшая четырёхдневная лихорадка, но он переносил её с таким терпением, что почти не подавал вида. Пока длился озноб, немного отдыхал, а как только начинался жар, вставал и, словно ничего не случилось, с той же внимательностью и усердием, что и в прочие дни, исполнял своё послушание в больнице.

И поскольку больные от горечи своих недугов делались порой столь несносны, что и сами себе становились в тягость, слуга Божий постоянно подавал им пример терпения и стяжания заслуг. Все их упрёки он принимал с радостным лицом, как человек, знающий, что в обмен на временную скорбь он обретёт вечные радости, и что, как говорит Апостол, «кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор. 4:17).

¹ Аристотель, «Никомахова этика», кн. I, гл. 8.

² Популярная в барочных текстах сентенция «сладостнее страдать за возлюбленного» (лат. *dulcius pro amato pati*), приписываемая св. Августину, не

является прямой цитатой из его трудов, но выражает одну из важнейших сторон его учения о любви. Эта мысль наиболее полно раскрывается в его проповедях о мучениках (особенно о св. Лаврентии), где он говорит, что любовь ко Христу претворяет муки в сладость.

³ Речь идёт о Хуане де Палафоксе-и-Мендосе (1600–1659), испанском епископе и духовном писателе.

ГЛАВА VI. О СУРОВОМ САМООБУЗДАНИИ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

Поскольку из-за греха прародителей, коим заразилось их потомство, силы души восстали против разума, то, хотя душа и тело и составляют единое целое, между ними не прекращается тяжба, и плоть, как сказал святой Павел, всегда ведёт неустанную брань против духа (ср. Гал. 5:17). А потому, дабы тело, как раб, подчинилось душе, как своей госпоже, на пути добродетели необходимо укрощение плоти.

Досточтимый брат Мартин, понимая всю важность сего дела, с таким рвением предался подвигам, что суровость его казалась невероятной. Создавалось впечатление, что от спасительного покаяния он перешёл к кровавой жестокости. В глазах людей он представлял не кающимся грешником, налагающим на себя епитимию за свои вины, а свирепым палачом, мстящим самому себе, — столь жестоки были его самобичевания. Он не только бичом терзал свою плоть, но и дух оскорблениями уязвлял. Так, после дневных трудов, он запирался ночью для самобичевания. Взяв в руку железную цепь со стальными крючьями на концах, он наносил себе столь частые удары, что орошал пол потоками крови. И при каждом ударе он повторял те поношения, которыми нетерпеливые больные осыпали его днём. Таким образом, он не только мучил тело бичом, но и ранил душу оскорблениями.

Завершив эту муку, он подвергал себя новому виду истязания: врачевал свои раны уксусом и солью, чувствуя от этого лекарства боль даже более сильную, чем от самих язв, что нанёс себе.

В полночь он после долгой молитвы обыкновенно уединялся в зале капитула и там продолжал её перед святым Распятием, проливая обильные слёзы и прося о милосердии и прощении грехов своих. По окончании этой продолжительной молитвы следовало новое кровопролитие, и он с радостью расточал свою кровь в уплату за грехи и в приношение Богу.

Когда же он раздевался для второго самобичевания, его туника присыхала к кровоточащим ранам от первого, и, безжалостно сдирая её с себя рывками, он вновь обнажал язвы. При этом истязании слуга Божий испытывал одну из величайших мук, какие претерпел Спаситель на Голгофе.

Утешением и врачевством, к которому он прибегал, было вот что: обнажив всё тело и не щадя ни единой его части, он нещадно бичевал себя плетью или грубым бичом. Он делал это с такой необычайной суровостью, что потоки крови, стекая по бороздам от ударов, орошали пол в зале капитула. Звуки бича сопровождались слезами, а слёзы — жалобными возгласами, которые он повторял, говоря: «Милосердия, Господи, милосердия!»

Совершив сие кровавое истязание над телом своим, слуга Божий и ночной отдых обращал в неменьшую муку. Ложем ему служил гроб, в котором хоронят иноков, и в нём он, засыпая, представлял себя усопшим, дабы, помня о смерти, научиться умирать праведно, ибо сон есть образ холодной смерти¹.

Так он отдыхал краткое время, либо прикорнув на скамье в зале капитула, либо у подножия постели какого-нибудь больного, сохраняя при этом такую пристойность и благообразие в положении тела, будто и не спал вовсе. И не стоит удивляться, что столь мало времени уделял он отдыху, ибо, как говорит Аристотель, сон происходит от паров, что от пищи поднимаются к голове и усыпляют её². А поскольку пища досточтимого брата была, как будет сказано далее, весьма скудна, то и не диво, что мало спал тот, кто так мало ел.

После кратчайшего отдыха он пробуждался в урочный час, чтобы бить в колокол к утренней молитве, — благочестивый обычай, которого он придерживался всю свою жизнь. В эти часы он горячо приветствовал прекрасную Утреннюю Звезду, Пресвятую Деву Марию, нашу Госпожу. Исполнив усердно эту обязанность, он вновь возгревал дух молитвою, по окончании которой, — а конец, как говорит Мудрец, лучше начала (ср. Еккл. 7:8), — на рассвете он снова предавался бичеванию. На сей раз оно было ещё суровее, ибо совершалось другими и притом розгами из айвы. Его били от плеч до самых икр и ступней, оставляя всё тело в ранах.

Эту муку он принимал то в своей келье, то в подвале, почитая за честь получить удары от монастырских негров. Из всех самобичеваний, которым он себя подвергал, одно он приносил в уплату и возмещение за свои грехи; другое — за тех, кто пребывал в смертном грехе, моля Бога избавить их по бесконечной Своей благодати от бесконечного несчастья греха. Третье же самобичевание он приносил за души, страдавшие в ненасытном пламени чистилища, которые, не имея сил помочь самим себе, нуждаются во внешней помощи, дабы выбраться из несказанно суровых мук своих. Таким образом, каждую ночь он принимал три самобичевания, не желая отставать в суровости от нашего славного отца нашего св. Доминика, чьим сыном он себя с гордостью почитал.

Однажды некий друг брата Мартина увидел, как тот бичует себя острейшими шипами, и, движимый состраданием, сказал ему, чтобы тот умерил своё рвение, ибо и в добродетели нужна рассудительность. На это брат Мартин ответил, что именно это [если рассудить,] и необходимо ему для спасения, и что за грехи свои он заслуживает много большего.

В другие разы он имел обыкновение принимать бичевание на верхних хорах. Полностью обнажившись, он в течение часа наносил себе двумя тяжёлыми плетями жесточайшие удары по всему телу, оставляя пол в хоре залитым кровью. Отдохновением и облегчением от этого ему служила молитва, в которой он пребывал до самого рассвета, подражая святому тёзке своему, Мартину [Турскому], о коем повествуют жития, что весь его отдых состоял в смене одного труда другим.

Также слуга Божий, скрываясь от посторонних глаз, имел обыкновение уходить в склепы усопших. Там, среди мёртвых, он свободно предавался своим покаянным подвигам. Имея перед глазами то ничто, в которое предстояло обратиться его телу, и взирая на нагие кости, напоминавшие ему о смерти, он приводил свою жизнь в ещё больший порядок, жестоко бичуя себя в этом жутком месте, свободный среди мёртвых (ср. Пс. 87:6, Вульг.).

¹ Ср. Овидий, «Любовные элегии», II, 9, 41: «*Quid est aliud, quam gelidae mortis imago?*» («Что есть сон, как не холодный образ смерти?»).

² Аристотель, «О сне и бодрствовании».

ГЛАВА VII. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ТЕМА ПРЕДЫДУЩЕЙ ГЛАВЫ

Не знал слуга Божий времени, свободного от трудов и умерщвления своего неутомимого тела. В праздники Пятидесятницы, когда люди мирские, пренебрегая своим христианским долгом, вместо благодарения небесам предавались суетным забавам, нередко вставая на путь греха и рискуя своей честью, слуга Божий имел обыкновение уходить в монастырь святой Магдалины. Там в обществе своего друга, великого человека Божия брата Хуана Масиаса, он удалялся в сад, где всё их развлечение и праздничная утеха сводились к непрестанной молитве, слезам и покаянным подвигам. И поскольку брат Мартин бывал сильно изранен от самобичеваний, он прибегал к помощи своего друга, прося того омыть ему раны укусом и солью, которые он всегда носил с собой, куда бы ни шёл.

Подражая авве Макарию¹, он завёл ещё обычай, обнажившись, отдавать себя на съедение комарам — не только ради умерщвления плоти, но и чтобы напитать их своей кровью.

Однажды, в один из тех дней, когда слуга Божий хаживал в предместье города, называемое Аманкаэс, где он выращивал лекарственные травы в помощь бедным, в провожатые с ним пошёл юноша, которого он воспитал. Заметив, что солнце уже село и наступает тёмная ночь, юноша сказал досточтимому брату: «Отче, взгляните, нам пора назад, ведь поздно, а до монастыря далеко».

Слова эти словно бы послужили Мартину призывом к его обычному покаянному подвигу: он тотчас совлёк с себя одежду, достал из-за пояса грубый бич, пал на колени и принялся с нечеловеческой жестокостью хлестать себя по спине, икрам и другим сокровенным частям тела. По окончании сего жестокого истязания он, чудесным образом преодолев немалое расстояние до монастыря, в мгновение ока предстал у его врат, приведя в изумление своего спутника, о чём подробнее будет рассказано позже.

Слуга Божий состоял в близкой и сердечной дружбе с одним иноком ордена нашего серафического отца св. Франциска из Лимского монастыря босоногих братьев², который, без сомнения, и поныне стоит твёрдо благодаря их великому благочестию и строгости жизни. Однажды вечером человек Божий пошёл навестить своего духовного друга, и они, с любовью обнявшись, удалились для отдохновения в сад. А поскольку слуги Божьи всякое время и всякое место обращают в повод для почитания великого Господа, вселенского Самодержца всего сотворённого, то и отдохновение, и развлечение их состояло в том, что они поместили на одном из садовых деревьев образ святого Распятия — дерева жизни, на котором благословенный Плод девственного чрева Марии принёс Себя в жертву, дабы Своею смертью даровать нам жизнь.

И вот, когда перед их глазами оказался образ самой Жизни, брат Мартин, воспламенившись огнём горячей любви, сказал серафическому сыну Франциска: «Попотчует же наши тела, ибо не подобает нам провести день долгожданной нашей встречи в праздности».

Они начали молиться столь горячо, что всё вокруг наполнилось стенаниями, рыданиями и вздохами: братия орошали землю обильными слезами, желая принести плоды, достойные покаяния (ср. Мф. 3:8), а молитву и плач сопровождало также самобичевание. Когда же сие упражнение, продлившееся долгое время, завершилось, они оделись и возблагодарили Бога за сладостно проведённый вечер, пожелав друг другу многократно повторить такое отдохновение. Ибо как сыны Велиала обыкновенно собираются вместе, чтобы оскорблять своими преступлениями небеса, так и сынам Господним подобает собираться для поклонения Ему.

Ревностный дух сего героического мужа не знал отдохновения, и всякое место становилось для него поприщем для умерщвления плоти. Когда он оказывался в поместье Лиматамбо, то удалялся в оливковую рощу и там бичевал себя столь сурово, что не выпускал плети из рук, покуда обильные потоки крови не начинали струиться с его спины на землю. И хотя он совершал это суровое истязание со всей возможной скрытностью, негры из поместья много раз становились тому свидетелями, так что, завидев идущего слугу Божия, говорили: «Вот идёт брат Мартин орошать оливковую рощу своей кровью». О, благословенное подражание Господу, Который, проливая кровавый пот во исцеление наших недугов, оросил Своей кровью Масличную гору!

И небеса не преминули явить, сколь угодна им была кровавая жертва, в которую человек Божий приносил самого себя. Ибо не раз, но многократно случалось видеть, как он шествовал по монастырским галереям, словно в крестном ходу, и бичевал себя, а путь ему освещали четверо прекраснейших юношей, в коих легко угадывались ангелы небесные. Они служили этому человеку Божию священосцами по повелению Спасителя, Который сказал, что пришёл в мир не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить (ср. Мф. 20:28).

¹ *Maest. Villegas. lib. de Fruct.S. (глоссанаполях). Вероятно, отсылка к популярному в то время житийному сборнику Алонсо де Вильегаса, где приводится история о том, как авва Макарий Египетский, убив комара, в наказание самому себе сидел нагим в болоте, пока его тело не распухло от укусов.*

² *Босоногие братья (исп. Descalzos) — общее наименование для реформистских течений внутри католических орденов, стремившихся к возвращению к первоначальной строгости устава. Хождение босиком или в простых сандалиях служило символом нестяжания. В Лиме находился знаменитый монастырь босоногих францисканцев (Convento de los Descalzos), известный своим благочестием.*

ГЛАВА VIII. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ РАССКАЗ О СУРОВЫХ ПОДВИГАХ СЛУГИ БОЖИЯ

Суровости самобичеваний досточтимого брата соответствовала и грубость его одеяния. Хабит его был пошит из грубого сукна, а под ним он носил сорочку из чрезвычайно жёсткой волосяной ткани, которую некоторые порой видели всю в крови. И хотя одной этой грубой ткани было бы довольно для умерщвления плоти, человек Божий, не довольствуясь её жёсткостью, носил на голом теле грубую власяницу, доходившую ему до колен и непрестанно терзавшую его.

Эту одежду он поддевал в дни канунов и праздников Христа, Его Матери и святых, чувствуя их таким образом, подобно св. Антонию Великому, ведь тот почитал за честь носить плащ, сплетённый из пальмовых листьев, в который облакался св. Павел, первый пустынный¹.

Помимо этой власяницы, брат Мартин использовал для самоистязания и другие орудия из различных материалов: железные цепи, колющие репейники и жёсткие верёвки из щетины. С их помощью он подчинял тело духу, наказывая каждую его часть, ибо, как признавался св. Павел, чувствовал во всех своих членах иной закон, противящийся закону духа (ср. Рим. 7:23). А потому он и стремился к тому, чтобы все его члены страдали, ведь во всех них он видел опасность.

Кроме того, он носил на теле железную цепь, столь плотно прилегавшую к плоти, что она врезалась до самых костей. В его убогой келье стояла койка, подобная гробу, с продранным одеялом и деревянным брусом вместо подушки. На ней он отдыхал краткие мгновения по ночам или во время болезней, но, казалось, и лёжа на ней, он скорее мучился, нежели отдыхал во сне.

Столь велико было его желание страдать за Бога и обращаться со своим телом, как с мятежным рабом и смертельным врагом, что он, словно безжалостный палач самому себе, держал под рукой различные орудия для истязаний: стальные цепи, репейники, проволоку, колющие ремни, розги из айвы и бичи из разных материалов. К этому он прибавлял, как будет сказано далее, суровые посты, необычайное воздержание и долгие бдения, не пропуская при этом и полунощницы.

Поистине, то был дивный муж, о котором можно сказать то же, что сказал св. Иоанн Златоуст о великом пророке Иоанне Крестителе: «Удивительно было видеть в человеческом теле столь поразительное терпение»².

Время отдохновения, которое святой устав милостиво позволяет инокам, дабы, дав передышку духу, они с новым рвением возвращались к трудам добродетели, эти краткие перерывы, столь необходимые в духовной жизни, человек Божий посвящал труду. Он отправлялся на монастырскую ферму, именуемую Лиматамбо, где его отдохновение состояло в неустанной работе: он копал землю и сажал лекарственные травы для бедных. После этого он удалялся в самое укромное место хутора, чтобы предаться своим покаянным подвигам и молитве.

Случалось и так, что он уходил в монастырь св. Марии Магдалины. Там, в обществе великого слуги Божия брата Хуана Масиаса, он удалялся в сад, где они совершали свои обычные духовные упражнения, помогая друг другу, как братья на пути добродетели. Их беседа, как и подобает тем, чьё «жительство — на небесах» (ср. Флп. 3:20), была о горнем, а во время её они явственно постигали ничтожество мира с его суетой и усадками, как о том повествуется в житии святого Августина и его матери, святой Моники³.

Человек Божий обуздывал все свои чувства: не только осязание его страдало от неустанный труд рук, сурового бичевания и жёсткой власяницы, но и глаза его претерпевали свою муку, ибо он не взирал на то, что могло бы их усладить, и поднимал взгляд от земли лишь в случае крайней необходимости, дабы увидеть нужды ближних. Поскольку же нужды сии пронзали его душу, а сам он пылал божественной любовью, его милосердие не довольствовалось одним лишь созерцанием бед, но и понуждало к их деятельному устранению.

Слух ему уязвляли оскорбления и поношения, что в нетерпении изрекали больные. Уши его не служили для восприятия лести; напротив, когда похвалы, способные усладить слух другого, достигали его, они становились для него мучением. Таким образом, он страдал не только от оскорблений, которые ему наносили, но и от похвал, которые его терзали.

Обоняние он также укрощал, постоянно находясь среди смрада и язв болящих, неустанно прибирая в отхожих местах монастыря — ибо видел в том не только повод смириться, исполняя самое низкое служение, но и способ укротить плоть свою отвращением. В этом он подражал великому Арсению, о котором пишут, что, находясь в пустыне, он истязал своё обоняние дурным запахом в наказание за те благовония, коими некогда услаждался во дворце императора Аркадия⁴.

Вкус его также не знал пощады, ибо он истязал его скудной пищей и муками жажды. Но самому суровому испытанию подверглось это чувство в одном необычайном случае, который произошёл со слугой Божиим, когда он исполнял послушание больничника.

Один инок по имени брат Андрес де Вилоа страдал от смертельной водянки — недуга столь докучливого, что чем больше уступаешь его требованиям, тем сильнее он разрастается. Обыкновенно её лечат, искусственно выпуская из больного воду, которая, застоявшись в жилах, своим дурным запахом отравляет дыхание страдальца⁵. У вышеупомянутого больного выпустили такой гнилостной воды, заполнив ею целую плошку, отчего зловоние стало невыносимым не только для присутствовавших, но и для обитателей соседних келий.

Слуга Божий как больничник присутствовал при этой процедуре. И хотя он был тем, кем был, он не мог противиться естеству и, как и прочие, почувствовал дурноту от гнилостного смрада, сделав движение, будто хотел отвернуться и зажать нос, как то обыкновенно делают люди, побуждаемые самой природой. Но, заметив за собой это, брат Мартин укорил себя в недостатке милосердия и в том, что он сам отвратительнее этой гнили, и, выбравив себя, залпом выпил целую плошку гнилостной жидкости. Он глотал её с таким наслаждением, будто это был небесный нектар или сладчайшая амброзия. Так он одновременно умертвил обоняние зловонием, а вкус — отвратительным питьём. То был истинный плод любви, о которой сказал св. Павел, что она всё переносит и всё претерпевает (ср. 1 Кор. 13:7).

В соблюдении молчания человек Божий был столь строг и ревностен, что не отверзал уст, кроме как по крайней необходимости, зная, что «при многословии не миновать греха» (Притч. 10:19). Все слова его устремлялись к Богу, к вящей славе Его, и ими он убеждал почитать Его всех, кого только мог. Он говорил с такой явной заботой о благе ближних, что слушавшим досточтимого брата глубоко западало в душу его учение. И пламенный дух, которым полнились его слова, столь осязаемо

сообщался слушавшим, что они по милости Божией выходили из плачевного своего греховного состояния и впредь исправляли свою жизнь.

Слова свои он также обращал на утешение денно и нощно страждущих, на наставление в таинствах веры негров-новичков⁶ и диких индейцев, дабы одни из них смогли принять крещение, а другие — утвердиться в христианской вере. И в этом ему столь явно содействовали небеса, что не оставалось сомнений: Господь уделил ему дар языков, дабы учение его принесло плод.

¹ Ср. св. Иероним Стридонский, «Житие Павла, первого пустынноика».

² Ср. св. Иоанн Златоуст, Беседы на Евангелие от Матфея, 37.

³ Ср. св. Августин, «Исповедь», кн. IX, гл. 10.

⁴ *Magistr. Villeg. (гlossa на полях). Вероятно, отсылка к «Flos Sanctorum» Алонсо де Вильегаса, где приводится эта история из жития св. Арсения Великого.*

⁵ *Vener. Bed in Luc. 14 (гlossa на полях). Ср. комментарий Беды Достопочтенного на Евангелие от Луки 14:2, где он пишет, что больной водянойкой символизирует человека, отягощённого избытком «водянистых соков» греха.*

⁶ *В orig.bozales, т.е. «плохо говорящие по-испански» — термин, использовавшийся в испанских колониях для обозначения рабов, недавно привезённых из Африки и ещё не знавших испанского языка и не принявших христианства, в отличие от ладино — рабов, уже аккультурированных.*

ГЛАВА IX. О НЕОБЫЧАЙНОМ ВОЗДЕРЖАНИИ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

В духовной жизни воздержание имеет немаловажное значение. Ибо как плоть, по слову св. Иеронима, от пресыщения яствами набирает силу против духа¹, так и дух укрепляется постом, который служит опорой добродетели. Эту истину явил нам Сам Господь, постившись в пустыне целых сорок дней не по Своей нужде, но нам в наставление (ср. Мф. 4:2).

Слуга Божий брат Мартин де Поррес столь преуспел в этой небесной добродетели, что вся жизнь его представляла собой один непрерывный пост. В этом героическом подвиге он мог бы сравниться с теми святыми отшельниками Древней Церкви², которые так изнуряли свою плоть воздержанием, что приводили весь мир в изумление, каковое в немалой мере вызывал и сей превосходный муж своими постами.

За всё время, что он прожил в ордене, а именно тридцать восемь лет, никто ни разу не видел, чтобы он ел мясо. Во все дни Четырехдесятницы он постился на хлебе и воде, а начиная с Великого Четверга, не вкушал ни крошки до полудня вплоть до Пасхи, и величайшим угощением, которое он себе тогда позволял, были лишь какие-то земляные коренья, произрастающие в тех краях, а они мало питательны, хотя и наполняют желудок. В прочие дни пасхальной недели пища его была столь скудна, что сводилась лишь к кое-как приправленным овощам да чашке похлёбки, уже потерявшей и цвет, и вкус, — и это он позволял себе лишь по случаю великого праздника.

Помимо этого, почти весь год его обычной пищей служили хлеб и вода. Самое большее, на что простирался его аппетит в памятные дни святых ордена, были упомянутые корни, что он вкушал и на Пасху.

Из той пищи, что полагалась ему по уставу, слуга Божий не оставлял себе ничего — всё принадлежало бедным. Выходя из общей трапезной, он брал свою порцию в горшке и вместе с тем, что собирал в трапезной, шёл в больницу. Там его уже с нетерпением ожидали многие бедняки: испанцы, индейцы, негры, а также дети с горшками, чтобы отнести пропитание своим матерям. Даже неразумные животные ждали от брата Мартина помощи. Прежде чем раздать еду, слуга Божий осенял её крестным знамением, говоря: «Да умножит сие Господь по бесконечному Своему милосердию». И казалось, так оно и происходило, и пища зримо умножалась в щедрых руках досточтимого брата, ибо, сколь бы мало ни было пропитания, которое он раздавал, все ели и оставались сыты. Сам же он испытывал такое удовольствие, раздавая пищу, что чувствовал в душе безмерную радость, говоря: «Нет большей улады, чем давать бедным, и этой-то улады несчастные лишают себя из-за того, что сами несчастны». Он отдавал нищим свою еду, лишая себя самого необходимого, и не было для него большей отрады, чем видеть, как насыщаются бедные.

Человек Божий являл не только добродетель воздержания, лишая себя пищи и по пламенному своему милосердию отдавая её бедным, но и глубочайшее смирение, ибо считал себя недостойным даже того пропитания, которое ему давали и в котором он нуждался.

Слуга Божий, как уже было сказано, имел обыкновение бывать на хуторе Лиматамбо. И вот, когда он, уединившись в самом укромном его уголке, проводил день в святом подвиге, с наступлением ночи его заставляли за кормлением рабочего скота. И это после того, как дух и плоть его претерпели немалые труды в продолжительной молитве и великих покаянных подвигах.

Когда же ему говорили, чтобы он оставил докучный труд, ибо негры сами справятся, так как это их обязанность, он отвечал, что рабы, должно быть, изнемогли от тягот непосильного дневного труда, а неразумные животные, продолжал он, потрудились больше него и заслужили пропитание, и было бы недостатком милосердия не дать им того, чего они заслуживают и в чём нуждаются.

«Я же, — продолжал слуга Божий, — не заслужил себе пропитания и недостойн его, ибо сегодня не сделал ничего в услужение моему Богу. А потому и понуждаю себя к этому труду, дабы нынешний день не прошёл без хоть какого-нибудь деяния».

¹ *S. Hieron. Venter repletus excitat libidinem* (гlossa на полях: «Св. Иероним: Пресыщенное чрево возбуждает похоть»).

² *Lib. vit. Patr.* (гlossa на полях). Отсылка к «Книге житий Отцов» — собирательному названию для сборников житий пустынных отцов IV–V веков.

ГЛАВА X. О НЕОБЫЧАЙНОМ ПОСЛУШАНИИ ДОСТОЧТИМОГО БРАТА

Свобода — драгоценнейший дар, вложенный Богом в человека. А потому отречься от неё ради послушания и добровольно принести в дар небесам то самое, что мы от них

получили, подчинив собственную волю воле начальствующего и сообразуя с ней все свои поступки, — это один из самых героических подвигов, на которые способен христианин, и за него на небесах уготована великая награда.

Не захотел лишать себя столь великой заслуги и брат Мартин, а потому посвятил Богу свою свободу, дабы, повинаясь Его служителям, тем самым и Ему оказать служение, притом совершеннейшее. И хотя он принёс лишь простые обеты как донат, послушание его всегда было полным и нерушимым. Оно распространялось не только на старших, но и на прочих иноков — урок, который он, без сомнения, усвоил в школе небесного Учителя. Ибо Тот, став человеком ради людей, пожелал и Сам повиноваться людям (ср. Лк. 2:51), не будучи к тому обязан, дабы люди научились повиноваться Богу, как долг их требует.

Случалось, что настоятели, приходя, чтобы отдать ему какое-либо распоряжение, заставляли его уже исполняющим его. Таким образом, он не просто исполнял приказ, услышав его, но предугадывал его прежде, чем тот бывал отдан. Свои собственные дела и намерения он исполнял неспешно, но на приказ настоятеля откликался с такой быстротой, с какой движутся небеса, что, увлекаемые вращением высшей сферы, совершают путь всего за один день, тогда как в своём собственном движении им требуются многие годы¹.

Столь точен он был в повиновении, столь скор в исполнении приказанного, что, почитая Бога в каждом из своих начальников, никогда не противился и не прекословил их распоряжениям, будь то дело великое или малое, лёгкое или трудное, разумное или нет. Отказавшись от себя, он отрёкся не только от воли, способной желать, но и от разума, готового судить, твёрдо веря, что приказ настоятеля подобен [королевской] грамоте (пускай она и не скреплена печатью разума) и требует равного повиновения. Послушание его было слепым: он не разбирал повелений, а лишь повиновался.

Подлинным доказательством этой истины служит один случай, произошедший со слугой Божиим. Как уже говорилось, каждую зиму его мучила жестокая четырёхдневная лихорадка. Видя, сколь худ и измождён он стал от этого недуга и от своих суровых подвигов, некоторые иноки, почитавшие его как отца и сострадавшие ему, сообщили магистру брату Хуану де Сарате, который в ту пору исполнял должность приора монастыря, о том, как дурно обращается с собой человек Божий, и о его убогом ложе, представлявшем собой лишь убогую бычью шкуру. Они просили приора, дабы он, пользуясь властью послушания, умерил столь великую суровость и приказал брату, ссылаясь на болезнь его, лечь в постель с простынями и матрасом, говоря, что если они лишатся брата Мартина, то что же станет с монастырём?

Приор так и повелел брату Мартину в силу святого послушания. Тот же, как истинно послушный инок, без малейшего промедления положил на бычью шкуру матрас, простыни и одеяло — не для того, чтобы насладиться малой толикой удобств при своём недуге, но дабы исполнить непреложный приказ настоятеля. Ибо когда те же иноки вновь пришли проведать его, то обнаружили, что он, раскрыв постель, лёг в неё одетым и обутом, как был.

Они сообщили приору о случившемся, почитая это за непослушание со стороны слуги Божия. Но приор, как человек книжный, глубже разумевший суть вещей, ответил им, чтобы они оставили его, ибо брат Мартин — боговидец, и прекрасно

знает, что делает, совмещая обуздание плоти с исполнением приказа, а послушание — с суровым подвигом.

Ещё один случай, подобный предыдущему, явил нам не только редкое послушание сего человека Божия, но и его великое смирение. Когда магистр брат Луис де Бильбао, честь и слава здешней провинции, исполнял обязанности провинциала, до него дошли сведения о том, с каким пренебрежением досточтимый брат относится к себе во время болезни. Он приказал ему (поскольку боли от недуга заменяют ему покаянные подвиги) не небречь собою в болезни, как то советует Дух Святой (ср. Сир. 38:9), а, положив предел чрезмерной суровости, на время недуга обращаться с собой как с больным, то есть ложиться на простыни, доставляя телу облегчение.

Брат Мартин выслушал провинциала и с глубоким смирением ответил ему: «Псумулату, которому в миру нечего было бы есть и не на чем спать, Ваше преподобие приказывает лечь на простыни? Ради любви Божией, не допускайте этого!»

Настоятель, однако, настоял, чтобы тот исполнил приказанное. И брат Мартин, дабы не нарушить послушания, поступил так же, как и в прошлый раз: положил на свою шкуру матрас и простыни и, как был, одетым и обутым, лёг на них. Провинциал узнал об этом и, убедившись воочию, спросил его: «Как же ты ослушался приказа?»

На что человек Божий с великой радостью ответил, что для такого пса, как он, и этой роскоши довольно; что, постелив на кровать простыни и матрас, он исполнил послушание, а ложась одетым, обошёлся с собой так, как того заслуживает, не позволив себе этой неги.

¹ Fr. Joan de S. Geminiano (гlossа на полях). Автор ссылается на доминиканского богослова XIV века Иоанна из Сан-Джиминьяно, который, вероятно, использовал эту распространённую космологическую метафору для иллюстрации добродетели послушания. В докоперниковской астрономии считалось, что небесные тела участвуют в двух движениях: 1) **общем суточном движении** — быстром вращении всего небосвода с востока на запад, которое задаётся внешней сферой (Перводвигателем) и совершается за 24 часа; оно символизирует мгновенное и беспрекословное повиновение приказу настоятеля; 2) **собственном движении** (*motus proprius*) — очень медленном, индивидуальном движении каждой планеты в противоположном направлении, которое занимает месяцы или годы; оно символизирует неспешное исполнение собственных дел и намерений.

ГЛАВА XI. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ТЕМА ПРЕДЫДУЩЕЙ ГЛАВЫ

До смерти обещал слуга Божий повиноваться, и до смерти повиновался, подражая Спасителю мира, о Котором сказал святой Павел, что Он был послушен Отцу даже до смерти, ибо таков был Его завет (ср. Флп. 2:8). Подобным же [Отцу] образом и настоятель именем Божиим обязал брата Мартина поведать в смертный час о суровости своих покаянных подвигов.

Настиг человека Божия последний недуг, в котором временным его страданиям наступал конец, а вечному покою — начало. И он, горя желанием разрешиться от уз плоти, стремился обрести свободу духа со Христом (ср. Флп. 1:23). Но поскольку он

хранил глубочайшее молчание о милостях, полученных им свыше, то, дабы они не канули навек в вечное забвение и чтобы сияющий свет героических деяний сего превосходного мужа не скрылся под спудом молчания, приор монастыря, которым в ту пору был магистр брат Гаспар де Сальданья, приказал ему, памятуя о послушании, правдиво ответить на всё, о чём он его спросит, — во славу Божию и в назидание верующим.

Первым делом он спросил, правда ли, как говорят, что тот каждую ночь принимал три самобичевания в подражание нашему славному отцу св. Доминику.

При этих словах слуга Божий, как истинно смиренный, пришёл в сокрушение, в сей последний час страшась тщеславия более, чем когда-либо, ибо и опасность была велика. Но поскольку послушание превозмогло в нём страх, брат Мартин ответил приору: «Ах, отче, когда Бог пожелает, всё и откроется. Три самобичевания я принимал каждый день в подражание отцу нашему св. Доминику».

Едва произнеся эти слова, он стал настоятельно молить приора ради любви к Богу и Его Пресвятой Матери снять с него это суровое послушание и более не расспрашивать его об этом.

Прелат, тронутый его сокрушением, внял его мольбам и тотчас освободил его от приказа, изумляясь тому покаянному подвигу, о котором тот поведал из послушания, и ещё более желая узнать о тех, которые он по смирению своему скрывал.

Но с наибольшей силой послушание этого человека Божия проявилось в одном необычайном случае. В году 1639 в Город Королей¹ прибыл Его преосвященство владыка Фелисиано де Вега, епископ Ла-Паса и избранный архиепископ Мехико². Здесь его постиг смертельный недуг — столь злокачественная боль в боку, что она явно грозила лишить его жизни.

Лечением архиепископа занимались все самые именитые врачи города, с усердием, какого только можно было ожидать при их почтении к его особе. И хотя они многократно прибегали к кровопусканию, что служит обычным способом лечения этой хвори, и применяли все средства, какие только предписывает искусство врачевания, боль не унималась, казалась неизлечимой, и недуг с каждым мгновением лишь усиливался. Врачи, видя, что ничего более сделать не могут, оставили всякую надежду на исцеление архиепископа и сказали ему, чтобы он привёл в порядок свои дела и принял Напутствие перед неотвратимым отшествием, ибо он, без сомнения, вскорости от сей болезни умрёт. Поскольку добродетель сего славного прелата была всем известна, врачи не захотели тешить его пустыми надеждами на выздоровление, как то некоторые делают со многими, нарушая свой христианский долг и не желая открыть глаза тому, кому их вот-вот откроет сама смерть. Поступают они так и вопреки Латеранскому собору, который предписывает врачам прежде всего убеждать больных позаботиться о здравии души, дабы после того возымели действие и телесные лекарства³.

И хотя земные врачи возвестили болящему о его скорой кончине, которая должна была бы последовать согласно естественному ходу вещей, подобно тому как пророк Исаия повелел царю иудейскому Езекии сделать завещание (ср. Ис. 38:1), небесный Врачеватель, будучи Владыкой смерти и жизни, всё же изволил продлить жизнь

архиепископу. Побудили Его к тому не мольбы болящего, как в случае с Езекией, но заслуги Его слуги, брата Мартина.

При больном находился племянник, Его преосвященство брат Киприан де Медина⁴, один из славнейших сынов провинции Перу и один из тех, кто более всего её прославил. Он скончался, исполняя свой долг, будучи епископом Уаманги и успев преобразовать свою епархию по примеру первохристианских иерархов. Сей владыка, сокрушаясь о тяжком недуге своего дяди и желая ему исцеления, сказал ему:

— Почему Ваше преосвященство не велели позвать брата Мартина де Порреса, нашего больничника? Уж он-то наверняка исцелил бы вас, и хворь не зашла бы так далеко.

Но, видно, в том и состоял Божественный промысел, чтобы недуг довёл прелата до смертельной черты, дабы, когда все человеческие средства окажутся бессильны, чудо исцеления было бы по всей справедливости приписано небесам.

— Ты прав, — ответил архиепископ. — Ступай, племянник, в монастырь и скажи отцу-провинциалу, чтобы он прислал ко мне брата Мартина.

На что племянник его сказал:

— Ваше преосвященство, как только он придёт, велите ему возложить руку туда, где вы испытываете боль, и увидите, как он вас исцелит. Ведь мы в монастыре не раз были свидетелями чудес, которые Господь творит его руками, и это вселяет в меня твёрдую уверенность.

Отправился досточтимый брат Киприан в монастырь и передал просьбу провинциалу, которым в ту пору был магистр брат Луис де ла Рега, и тот велел немедленно позвать брата Мартина. Но, проискав его с семи до девяти часов утра по всему монастырю, так и не нашли.

Поскольку стало известно, что это был день причастия, а в такие дни брат Мартин обыкновенно не появлялся, уединяясь для общения с Богом или, как полагают, переносясь духом для проповеди в Японию, о чём будет сказано позже, то провинциал в окружении многих иноков пребывал в ризнице, сокрушаясь о том, что слугу Божию не удаётся найти. Между тем, больной слабел, и гонцы от него прибывали один за другим. Тогда, по вдохновению Божию, преосвященный брат Киприан сказал провинциалу: «Ваше преподобие, а повелите-ка не сходя с места брату Мартину явиться немедленно по послушанию, и увидите, с какой лёгкостью он повинуется».

И случилось дивное чудо, случай, наполнивший изумлением всех присутствующих. Едва провинциал произнёс слова приказа, как в двери ризницы вошёл брат Мартин, готовый без промедления исполнить то, что ему велели по послушанию. Провинциал наказал ему без всякого промедления идти в дом архиепископа и во всём повиноваться ему как своему начальнику.

Брат Мартин со всей поспешностью отправился исполнять приказ настоятеля. Однако, догадываясь о намерении и цели, с которой его звал архиепископ, он чувствовал, сколь велик сей повод к тщеславию и сколь ужасно искушение от диавола. Но поскольку послушание его было столь же велико, он счёл, что безопаснее ввериться в руки Божии, повинаясь, нежели бежать от славы, нарушая

прямой приказ. Он был уверен, что выйдет из этой битвы победителем, ибо сам Бог вверг его в эту опасность. Ведь и Спаситель мира одержал победу над сатаной не только потому, что был Сыном Божиим, но и потому, что Дух Святой вывел Его в пустыню для искушения (ср. Мф. 4:1).

Прибыл слуга Божий в дом архиепископа и, войдя в покои, где тот лежал, предстал перед всей его челядью и множеством других людей, которые его навещали. Архиепископ же, едва его завидев, принялся укорять брата Мартина, пеняя ему на нелюбовь и малое сострадание, ведь тот не навестил его в болезни. Смирнейший брат пал ниц наземь — обряд, который совершается в моём ордене, когда настоятель делает выговор или хвалит инока, а также и в других случаях.

Архиепископ сделал ему знак подняться, подойти к постели и подать руку. Тут-то благоговейная скромность брата Мартина и потребовала усиленного обуздания, ибо в нём боролись послушание со смирением, а скромность — с повелением. Он никак не мог решиться повиноваться, чтобы не подвергнуться риску возгордиться.

— Зачем, владыко, — сказал слуга Божий, — такому вельможе рука бедного и никчёмного мулата?

Тогда архиепископ сказал:

— Разве не приказал тебе настоятель, брат Мартин, повиноваться мне, как если бы я сам был твоим начальником? Разве ты не знаешь, что покорное послушание угоднее Богу, нежели добровольная жертва? (ср. 1 Цар. 15:22).

— Да, владыко, это так, — смиренно ответил слуга Божий.

— Тогда дай мне руку, — продолжал болящий, — и положи её на тот бок, где меня терзает боль.

Брат Мартин, после многократных отказов, повиновался, вопреки своей скромности. И едва он возложил руку туда, куда указал ему больной, и подержал её краткое время, как архиепископ внезапно почувствовал себя совершенно здоровым от докучливого недуга и мучительной боли, которая его терзала. Казалось, болезнь сняло как рукой. Врачи, бывшие при нём, изумились и признали его выздоровление чудом.

Больной начал поправляться от своего недуга, найдя исцеление в руках слуги Божия, ибо вверился им, а тот, в свою очередь, вверился рукам послушания. Благодарный архиепископ не отпускал его из своего дома и просил начальствующих, чтобы те позволили ему взять брата Мартина с собой в Мехико себе на утешение. Досточтимый брат и сам был бы весьма рад поехать со столь славным прелатом, ибо полагал, что, оказавшись в Мехико, найдёт способ перебраться в Японию. Его заветным желанием было засвидетельствовать своей кровью исповедуемую им веру и стяжать пальму мученичества, к которой он стремился всей душой. Ибо поскольку мученичество является высшим проявлением любви, то ясно, что человек, всю жизнь преуспевавший в этой добродетели, должен был его жаждать.

Но поскольку ни праведники, ни прочие люди не выбирают себе смерть, брат Мартин остался без мученической кончины и умер три месяца спустя. Однако мы свято веруем, что он не лишился награды и венца, по сути своей мученического, хотя меч тирана и не коснулся его, как о том поёт Церковь о святом, тезоименитом ему⁵.

¹ *Город Королей (Ciudad de los Reyes) — официальное название, данное городу Лима его основателем Франсиско Писарро. Город был заложен 18 января 1535 года, вблизи от праздника Богоявления, который в испанской традиции именуется Днём Трёх Королей (волхвов).*

² *Фелисиано де ла Вега-и-Падилья (1582–1640) — выдающийся перуанский церковный деятель. «Избранный» (лат. electus, исп. electo) — канонический термин, означающий, что кандидат уже получил папское назначение на кафедру, но ещё не вступил в управление ею. Владыка Фелисиано был назначен архиепископом Мехико, но скончался до того, как смог вступить в должность.*

³ *Concilio Lateranense sub Innocen. 3. (гlossa на полях). Имеется в виду IV Латеранский собор (1215 г.) под председательством папы Иннокентия III, канон 22.*

⁴ *Киприан де Медина-и-Вега (исп. Cipriano de Medina y Vega, 1594–1664) — выдающийся перуанский доминиканец, племянник архиепископа Фелисиано де Веги. Служил профессором богословия в Университете Сан-Маркос, приором в монастырях Куско, Арекипы и Лимы. В 1661 году был назначен епископом Уаманги (совр. Аякучо), где завершил строительство и освятил кафедральный собор.*

⁵ *Ex offic. Eccles. (гlossa на полях). Речь идёт о богослужебных текстах на день памяти св. Мартина Турского, тезки брата Мартина, содержащих упоминание о том, что хотя св. Мартин и не претерпел физической смерти от гонителей, однако за своё стремление и готовности пострадать за Христа стяжал венец мученика.*

ГЛАВА XII. О ТОМ, С КАКОЙ СТРОГОСТЬЮ ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ БЛЮЛ УСТАВ

Соблюдение устава столь близко к послушанию, что лишь оно одно придаёт ему блистательный глянец и совершенство. Послушание внимает повелению живого закона, воплощённого в начальствующем; соблюдение же устава исполняет то, что предписывает ему закон мёртвый, запечатлённый в письменах. Послушный брат Мартин с величайшей точностью исполнял и то, и другое: не только предписания настоятеля, но и строгие повеления уставов, которые он блюл с необычайным усердием.

Столь ревностен и прилежен он был в соблюдении устава, что, дабы не нарушить молчания, которое тот строго предписывает, никогда не входил в келью другого инока, если только его не звали туда по самой крайней нужде. Он редко просил дозволения выйти из монастыря, а выходил чаще всего лишь по послушанию. И хотя послушание это не давало ему и шагу ступить в мир самостоятельно, он испытывал от этих выходов такое сокрушение, что и само это ограничение служило ему поводом для самообуздания. Он чувствовал, что дух того, кто, сражаясь под знаменем Христовым, впутывается в назойливые мирские дела, охладевает, как о том с отвращением говорит святой Павел (ср. 2 Тим. 2:4).

Сестра слуги Божия жила в надуманной обиде на него, ибо он её не навещал. Приходя к воротам монастыря, чтобы попенять брату Мартину, она умоляла его прийти к ней, а он в свою очередь просил её забыть о нём. Однажды сестра, растрогавшись, сказала ему:

— Неужели, брат, ты настолько отрёкся от родной крови, что из всех часов, которые отдаёшь своим братьям-инокам, не уделишь и единого своей сестре?

На что человек Божий ответил:

— Сестра, если бы я был тем, кем должен быть, и прикладывался бы глазами к следам стоп иноческих, то даже тогда не исполнил бы своего долга. Разве я не в неоплатном долгу перед ними? Они дают мне кров, сажают меня за свой стол, удостаивают меня своего общества. А я, по своей низости достойный лишь попраiania и по своей злобе — осуждения, чем могу им воздать? Неужели ты не видишь, сестра, что милость, которую оказывают мне иноки, не по особому ли промыслу небес ниспослана мне, дабы служить мне уздою? Ибо я таков, что если бы не видел, как меня любят, терпят и уважают, то стал бы сущим бесом. Оставь же меня в моей обители и ступай домой, ибо Бог призвал меня в больничники не для того, чтобы ты то и дело звала меня к воротам.

Поскольку слуга Божий был всецело устремлён к духовному, он и от родных своих жил в отдалении, по возможности избегая общения с ними, из почтения к Господу, Который устами Своего Апостола сказал, что не угодны Богу те, кто уступает влечениям плоти и крови (ср. Рим. 8:8).

Забота о соблюдении устава была у сего человека Божия столь ревностной, что он не держал её в себе одном, но старался передать и другим. И когда он замечал, что по причине разрушительного действия времени¹ в ком-то ослабевает иноческое рвение, и забываются обряды и уставы, он всеми силами старался их восстановить.

Однажды бросилось ему в глаза, что один инок, мало приверженный уставу, нарушает его, нося тунику из руанского полотна², тогда как устав запрещает это, повелевая всем носить одеяние из шерсти, за исключением тех случаев, когда тому препятствует какой-либо недуг, ибо нужда не знает закона. Слуга Божий, верный своему нраву, предпочёл истолковать это отступление от правила в самом благожелательном духе и, не судя по тому, что видели его глаза, как о том пророчествовал Исаия о Христе (ср. Ис. 11:3), предположил, что инок, должно быть, страдает от какой-то болезни, и что этот недуг и служит причиной ношения льняной одежды. Он спросил его, не болен ли он случаем. Инок ответил, что нет, и добавил:

— А отчего ты с такой заботой об этом спрашиваешь?

— Говорю это, — возразил брат Мартин, — потому что, если Бог даровал тебе здоровье и никакой недуг тебя не мучит, что же ты нарушаешь устав, нося лён?

— Потому что у меня нет шерстяной туники, чтобы её носить, — ответил инок.

Брат Мартин, сострадая его бедности и чувствуя, как сердце сжимается от скорби, помолившись сперва Богу, дабы нужда более не служила иноку оправданием, тотчас вышел на улицу Купцов и с глубоким смирением стал просить милостыню. И поскольку его дивная добродетель и добрая слава снискали ему такое расположение в сердцах всех людей, что, казалось, он имел власть даже над их имуществом, собрать ему удалось столь значительную сумму, что он выдал по три туники из анаскота³ каждому иноку, от старших до новичиев и донатов, увещевая их постоянно носить шерсть, как того и требует устав.

В другой раз он изготовил более восьмидесяти туник из анаскота, которые раздал инокам, а туники из руанского полотна собрал для больных. Когда же те выздоравливали, он забирал у них льняные и возвращал шерстяные. И хотя к другим он был весьма сострадателен, к себе в своих недугах он был так суров, что никогда не позволял себе ни малейшего отступления от своих правил.

¹ *Tempus edax rerum. Ovid. Metam. 15 (гlossa на полях: «Время, пожиратель вещей. Овидий, Метаморфозы, кн. XV»).*

² *Руанское полотно (исп. tela de Ruan) — высококачественная и дорогая льняная ткань, производившаяся во французском городе Руан.*

³ *Анаскот (исп. anascote) — вид камлота, плотной шерстяной или полушерстяной ткани.*

ГЛАВА XIII. О ДИВНОМ НЕСТЯЖАНИИ СЛУГИ БОЖИЯ

Нищета духовная — сокровище, столь сокрытое от мира, что большинство язычников никогда и не почитали её за добродетель, хотя некоторые мудрецы и принимали её. Сын Божий же в Своем Евангелии столь высоко её поставил, что, дабы люди возжелали её, соделал само Царство Небесное её залогом (ср. Мф. 5:3, Лк. 6:20).

Слуга Божий брат Мартин де Поррес не только ради столь известной награды всегда стремился к этому превосходному благу, но и потому, что любовь к сей героической добродетели из самого его сердца исходила. Он был столь велик в своём нестяжании, что не только отказывал себе в излишнем, но находил усладу в отказе даже от необходимого.

Одеяние его было самым убогим и скромным, из грубого сукна или жёсткой ткани. Однажды один инок увидел, как он облачился в хабит из грубейшего корделлата¹, и в шутку поздравил его с обновкой. На это брат Мартин ответил: «Так ведь в этом облачении меня и похоронят, отче мой». И пророчество это исполнилось в точности, как и сказал слуга Божий.

Плащ его более походил на рубище назойливого попрошайки, нежели на одеяние нестяжательного инок. Шляпа его была столь жалкой и бесполезной, что он лишь носил её на тесёмках за спиной, но никогда не надевал на голову, даже если палящие лучи солнца в самом зените и требовали того. А когда кто-нибудь, движимый состраданием к его нищете, предлагал ему денег на одежду, он не принимал, говоря (дабы не проявить грубой неблагодарности), что весьма нерадив в хранении своих вещей и оставляет их, где придётся, будучи уверен, что их никогда не украдут, ибо на такие некто не позарится. А новая одежда, продолжал он, доставит ему лишь постоянных хлопот о её сохранности.

Обувь он никогда не надевал новую, но лишь ту, что выбрасывали другие инок и которую он у них испрашивал в милостыню. Если же случалось, что ему вручали новую, он, считая себя недостойным носить её и по безудержной щедрости своей тотчас передавал её нищим.

Это же подтверждает следующий случай, произошедший с ним и одним донатом, подмастерьем сапожника, который подвизался в новициате. У того болела рука от раны, полученной им ещё в миру. Во время новолуния, которое так мучительно для болящих, он страдал от жестоких болей, ибо рука его нарывала, и не было надежды на исцеление. Он пришёл к брату Мартину, чтобы тот излечил его как хирург, а не исцелил как друг Божий.

Досточтимый брат коснулся его руки, сотворив знамение Креста и помазав её толикой слюны, и сказал больному:

— Ну же, брате, мужайся, скоро будешь здоров.

Больному же такое простое врачевание показалось насмешкой; не помыслив о добродетели целителя, он вообразил, что брат Мартин, без сомнения, смеётся над его недугом. Почувствовав себя оскорблённым, он сказал ему несколько обидных слов. Человек Божий стерпел их, как обычно, и ответил:

— Ну же, брате, успокойся.

И, не отступившись от своего милосердия из-за того, что больной его оскорбил, он отрезал кусок от старого сапога и, не прибегая ни к какому иному лекарству, приложил его к опухоли.

На следующий день больной проснулся здоровым, без опухоли и боли, которые его мучили. В знак благодарности он предложил брату Мартину новую обувь, заметив, сколь изношена та, что была на нём. Но слуга Божий не захотел её принять, сказав: «Господь наш, брат, исцелил тебя, а потому Ему и воздай благодарение, отдав эту обувь в милостыню какому-нибудь бедняку, ибо великое это дело — помогать нуждающимся». Тот так и поступил.

Слуга Божий имел только одну тунику из грубой ткани, которую он носил под хабитом, внимая верховному Учителю, Который, живя на земле с людьми и наставляя их евангельской нищете, запретил Своим ученикам иметь по две одежды (ср. Лк. 9:3).

Поскольку обычные занятия брата Мартина — пускать кровь одним, лечить других, служить всем и подметать нечистые места в монастыре — неизбежно оставляли следы на его одеянии, сестра его, видя его неопрятный вид, предложила сшить ему другую тунику и хабит, дабы он мог исполнять свои ежедневные обязанности в более опрятном виде. Она ожидала, что брат, видя её заботу и собственную нужду, поблагодарит за предложение, но он смиренно и рассудительно ответил ей:

— Сестра, в ордене не позорят заплаты и бедная одежда, но позорят нравы рваные, гнусные и нечистые. Имей я две туники, я не мог бы в полной мере ощутить нужду, в которой живёт бедный инок. Я же познаю её на собственном опыте, когда, чтобы постирать тунику, остаюсь в одном лишь хабите, а для стирки хабита мне приходится довольствоваться единственной туникой. Так что у меня есть всё, что мне нужно.

В этом брат Мартин был истинным подражателем святого Павла, который сказал, что довольствуется тем, что имеет пропитание и одежду (ср. 1 Тим. 6:8).

Келью, которая должна служить иноку уединённым жилищем, он устроил в кладовой для одежды, которая является местом общего пользования. В ней не было

ни утвари, ни убранства, и главным её украшением была убогая койка, которой он пользовался во время болезней. Ибо в то время, когда он не страдал от недугов, у него, как говорят, не было и кровати, на которой бы он отдыхал – и в этом он был подобен нашему великому Патриарху св. Доминику, у которого её никогда не было, и которому даже для того, чтобы отдать Богу душу, пришлось упокоиться на одолженном ложе.

Столь истинно беден был брат Мартин, что никогда не имел ничего собственного, даже того, что с позволения настоятелей мог бы иметь. Ни книги, ни иконы у него не было, лишь деревянный крест и розарий, которые он держал с разрешения настоятеля. Духовные книги, которые он читал, чтобы без преткновения идти по пути добродетели, были взяты взаймы, и то с позволения прелата. Наконец, его обычное пропитание, его келья и его одежда ясно свидетельствовали о его дивном нестяжании и о том, что он от всего сердца радовался, претерпевая нужду, следуя по стопам Спасителя, Который, будучи богат, обнищал ради нас, так что, хотя даже лисицы имеют норы, а птицы небесные — гнёзда, Сын Человеческий не имел, где приклонить голову (ср. 2 Кор. 8:9, Мф. 8:20).

¹ *Корделлат (исп. cordellate) — грубая шерстяная ткань, похожая на фланель или байку, использовавшаяся для самой простой одежды.*

ГЛАВА XIV. О ЧИСТОТЕ И ЦЕЛОМУДРИИ СЛУГИ БОЖИЯ

За нищетой духовной следует исключительное целомудрие брата Мартина. И хотя все добродетели сцеплены между собой как бы в одну цепь, нищета и целомудрие, как известно, особенно близки друг другу. Так вот целомудрие сего человека Божия сияло с дивной силой, и хотя брань врага против этой добродетели не прекращается, а победы человека, по слову св. Бернарда, редки, не сохранилось свидетельств, чтобы сатана когда-либо одолел чистоту досточтимого брата. Напротив, следует заключить, что он сохранил себя чистым и непорочным всю свою жизнь, ибо с тех пор, как в нём забрезжил свет разума, он умел держать свои страсти в подчинении духу.

И поскольку относительно того, что касается этой добродетели, как и прочих, человек Божий всегда хранил дивное молчание (о чём будет сказано позже), то ничего особенного не известно ни о его чистоте, ни о докучных борениях, которые он вёл с бесами. Но об исключительной чистоте его души можно судить по тому, как беспощадно он обращался со своим телом. Ибо как мог бы уступить запретным усладам вожделения тот, кто отказывал своей плоти даже в дозволенном? Как мог бы погрязнуть в чувственной нечистоте тот, кто так заботился о чистоте духа? Как мог бы дерзнуть на смертные грехи тот, кто трепетал и пред самомалейшими? Как могла бы плоть возобладать над духом, когда дух его безраздельно господствовал над плотью, когда для него пищей был пост, сном — изнеможение, а отдыхом — труд? Как мог бы поддаться лести пороков тот, кто стяжал столько добродетелей? И если порой Бог попускает Своим слугам впадать в грехи плотские, дабы через явное прегрешение они познали сокрытую гордыню, которой не замечали, то как мог бы Он допустить плотское падение тому, кто обладал столь героическим смирением?

Противостоять наущениям бесовским, совершая молитвенные изъявления любви (анагогические, т.е. возводящие душу к Богу, как называют их богословы-мистики), — самое действенное средство для победы над искушениями врага. И он, преисполненный столь великой и несказанной любви к Богу, без сомнения, противостоял сатане, чтобы прогнать его, как и советует святой Иаков (ср. Иак. 4:7).

Наконец, не приходится сомневаться, что человек Божий был чистейшим, целомудреннейшим и великим ревнителем этой небесной добродетели, ибо он всегда почитал за честь быть совершенным подражателем нашего славного Патриарха св. Доминика, а о последнем Церковь поёт, прославляя его целомудрие, подобное чистейшей слоновой кости; целомудрие, ставшее прямо-таки гербом и знаменем его вечной славы. Духовники же брата Мартина, истинного сына святого патриарха, свидетельствовали о его целомудрии, говоря, что за непорочность всегда почитали его скорее ангелом, нежели смертным человеком из плоти и крови. И если, по учению святых Отцов, ангельское служение — это удел одних лишь девственников, по сродству их чистой природы, то и милость, явленная брату Мартину небесами, служит веским доказательством его девственной непорочности, ведь, как уже было рассказано выше, ему освещали путь то двое, то четверо ангелов в образе прекраснейших юношей с зажжёнными факелами в руках.

Наконец, и деяния Римского капитула Ордена проповедников, состоявшегося в 1656 году, подтверждают его девственную чистоту, ибо в них, среди прочих похвал досточтимому слуге Божию, засвидетельствовано, что он хранил непорочное девство всю свою жизнь¹.

¹ *Virginitatem perpetuo coluit illibatam. Cap. Rom. 1656* (гlossa на полях: «Он вечно хранил незапятнанное девство. Римский Капитул 1656 г.»).

ГЛАВА XV. О ПЛАМЕННОЙ ЛЮБВИ К БОГУ, КОТОРУЮ СТЯЖАЛ ДОСТОЧТИМЫЙ БРАТ

Если бы все языки человеческие слились в один, и всё красноречие всех ораторов объединилось, то и тогда невозможно было бы в достаточной мере восхвалить пламенное благочестие брата Мартина и тот горящий вулкан боголюбия, в котором он всегда пылал, живя, подобно божественной саламандре, в огне любви к Богу. Потребовались бы перья Серафимов, чтобы описать пожар, бушевавший в его груди. Столько доказательств этой истины явил он, что от обилия поводов для его восхваления не знаешь, за какой случай взяться, и невозможно найти дна в бездонном море его любви.

И если истинно то (а это так), что люди своими добродетелями, которые они явили в мире, восполняют число павших ангелов из всех иерархий и чинов¹, то я не сомневаюсь, что сей дивный муж, который, как мы свято веруем, ныне наслаждается лицезрением Бога в небесном отечестве, будучи пламенеющим серафимом при жизни, по смерти был помещён своей блаженной душой в лике сих ангелов. Ибо они суть те высшие духи, что, находясь ближе всего к Богу, вечно пылают в божественном огне Его любви.

Огонь этот так воспламенил брата Мартина, что его могучая любовь прославилась во всём мире. И поскольку первое движение сей добродетели есть любовь к Богу, он столь преуспел в ней, что в его делах, помыслах и словах проявлялось, сколь сильно он любил достопоклоняемого своего Господа. А будучи уязвлён сей любовью, он с такой скорбью и сокрушением духа воспринимал всякое оскорбление, наносимое Богу, что, если бы мог, не пощадил бы и собственной крови, лишь бы этому воспрепятствовать.

Любовь его не замыкалась в нём одном; он старался разжечь огонь божественной любви во всех, чтобы он, воспламенив их сердца, истребил в них шлак греха, оставив лишь чистое золото добродетели. В этом состояла цель его устремлений, предел его желаний; к этому были направлены его дела, его беседы и увещания. Никогда не упускал он случая, благоприятного для этой цели, а если случая и не представлялось, он, кстати и некстати (ср. 2 Тим. 4:2), убеждал всех любить Бога и служить Ему. Этому делу он предавался с таким пламенным рвением, что приводил в изумление тех, кто его видел. И когда он беседовал с иноками, они не только назидались его благочестием, но и восхищались его учёностью, ибо, в конечном счёте, его наставником был Сам Бог — Он его учил.

Блаженный брат явно желал умереть мучеником, как истинный сын и подражатель отца нашего св. Доминика; и как тот, подобно уязвлённому оленю, жаждал источников водных (ср. Пс. 41:2), так и брат Мартин жаждал мученичества. Движимый этим безмерным желанием, он хотел, чтобы вера в Спасителя, которую он исповедовал, распространилась по всему миру, даже если бы для этого пришлось излить всю кровь свою. Он желал, чтобы все творения узнали о Боге, и, узнав, возлюбили Его, а возлюбив, достигли с Ним единения.

Столь велико было его желание, чтобы все создания благословляли и восхваляли Творца, что, дабы дать им повод к тому, он прибегал к необычайным ухищрениям. Когда его послушания давали ему передышку, он имел обыкновение ходить в одно прелестное место близ Лимы, в народе называемое Аманкаэс. Холмы там столь нарядно пестреют цветами, что в зимнюю пору становятся излюбленным местом отдохновения для горожан. Но не для одного лишь праздного увеселения сотворил Бог сие благолепие. И хотя и диких благовонных цветов, и свежих трав, что сами собой произрастали на тех холмах, было бы довольно, чтобы всякий, пришедший туда для дозволенного телесного отдохновения, вознёс свой дух к Богу, истинный слуга Его брат Мартин тем не менее брал на себя труд сеять там и другие, разнообразнейшие и прекраснейшие цветы, а творил он сие с единственной целью: чтобы те, кто по праву там отдыхает, услаждая взор красотой и вдыхая благоухание, прославляли и восхваляли Творца, Который, не лишая творений Своих насущного, пожелал одарить их и тем, что приносит отраду.

¹ D. Tho. 1. p. q. 63. art. 9. Et q. 108. art. 8. (гlossы на полях). Автор ссылается на учение св. Фомы Аквинского (*Summa Theologiae*, I, q. 63, a. 9; q. 108, a. 8), согласно которому святые люди после смерти занимают в небесной иерархии места, опустевшие после падения ангелов, причём каждый попадает в тот ангельский чин, добродетели которого он в наибольшей степени подражал на земле.

ГЛАВА XVI. О НЕСРАВНЕННОМ ЧЕЛОВЕКОЛЮБИИ СЛУГИ БОЖИЯ

Любовь к ближнему проистекает из любви к Богу, как из своего источника, ибо в ближнем сияет Его образ и подобие (ср. Быт. 1:26). А потому в той же мере, в какой брат Мартин любил Господа, он подвизался и в любви к ближнему, достигнув в ней столь героической высоты, что устам не под силу о том поведать, а скудному человеческому разумению — то постичь. Он не просто исполнял заповедь, любя ближнего как самого себя, но любил его даже больше себя, ибо о нуждах других он пёкся более, чем о собственных удобствах, как то видно из многих случаев.

Однажды, идя в Лиматамбо, монастырское поместье, слуга Божий заметил одну индианку, которая в растерянности сидела верхом на уставшей ламе, не зная, куда направиться: вперёд или назад, ибо ручьи, выйдя из берегов, затопили дороги, и она не могла разобрать, где пролегает тропа. Брат Мартин сжалился над несчастной, и сострадание его было тем сильнее, чем беспомощнее казалась женщина. Чтобы проводить её на путь, он, сняв обувь, вошёл в воду, не помышляя о вреде, который мог причинить своему здоровью, но стремясь лишь помочь в нужде, ибо его к тому, как и святого Павла, понуждала любовь Христова (ср. 2 Кор. 5:14).

В другой раз одна женщина оказалась в крайней нужде: ей не хватало шести песо. Она не знала, к кому и прибегнуть в своей бедности, и, не находя никакого средства, была объята скорбью и смятением. Но слуга Божий, получив откровение о её горе, пошёл к ней в дом и, дав ей нужную сумму, сказал: «Возьми, сестра, эту помощь», — прочитав её скорбную мысль и избавив её от унижительной необходимости просить.

Также испытали на себе его пламенное милосердие некая женщина с дочерью, жившие на отшибе. Бедны они были настолько, что из-за отсутствия платьев не выходили из дому даже по самой крайней необходимости, скрываясь от людей, ибо были наги и стыдились своей нищеты. И хотя они никому не говорили о своей нужде, однако не смогли утаить её от того, кому её открыл Сам Бог. И вот, слуга Божий, прикинув, какая сумма требуется для помощи нуждающимся женщинам, пошёл к ним, чтобы утешить их и помочь им.

Был ещё один весьма уважаемый священнослужитель, которому недоставало самого необходимого. Брат Мартин, узнав о его бедности, тотчас постарался ему помочь, послав ему некоторую сумму серебром с обязательством отслужить несколько месс, дабы то, что по сути своей было милостыней, выглядело как мзда.

Милосердием своим он не обходил и солдат, как только до него доходили вести об их нужде. Так, один из них, весьма бедный, нёсший службу в крепости Кальяо, получал от него каждые два дня по четыре реала на пропитание. И брат Мартин был столь точен в этом деле, что сам ходил в порт Кальяо, находившийся в двух лигах от города, чтобы отнести милостыню, и при этом, как было замечено, никогда не оставлял своих постоянных обязанностей по послушанию.

Один друг дал слуге Божию четыреста песо на приданое для его племянницы, выписав их на лавку одного купца. Но поскольку в действительности ни он сам не нуждался в деньгах, ни его племянница — в помощи, брат Мартин, улучив столь удобный случай для добродетели, обратил своё милосердие на многих нуждающихся вдов и девиц. Водя их в лавку купца, он тратил на их одежду данную ему сумму, пока та не закончилась. И так как отдать своё имущество бедным ради Бога значит не лишиться его, а выгодно обменять, то Божественное провидение

устроило так, что один кавалер, узнав об этом случае, в полной мере возместил деньги, которые человек Божий раздал, и тем самым обеспечил приданое для его племянницы, не сомневаясь, что первый благодетель не будет возражать.

ГЛАВА XVII. ГДЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ ЖЕ

Добродетель слуги Божия снискала такую славу, а милосердие его почиталось столь испытанным, что многие состоятельные люди жертвовали ему щедрой рукой. Он же, ничего не оставляя себе и, по слову святого Павла, владея всем, словно бы ничем не владел (ср. 2 Кор. 6:10), а раздавал щедрую милостыню бесчисленным нуждающимся, помогая каждому сообразно его нужде.

Так, в его келье нашел приют и отеческую любовь четырнадцатилетний мальчик, которого он встретил в самом бедственном положении — обедневшего и оказавшегося вдали от родины, города Херес-де-лос-Кабальерос, что в провинции Эстремадура в королевстве Испанском. Каждую неделю досточтимый брат посылал этого отрока в разные дома к мужчинам и женщинам, вдовам и девицам, к одним с восемью, к другим с десятью, а к иным и с двадцатью реалами, дабы хоть отчасти облегчить их нищету. Число опекаемых им бедняков так возросло, что достигало ста шестидесяти человек, а сумма, которую он на них тратил, оказалась столь значительной, что превышала четыреста песо; и деньги эти слуга Божий собирал по вторникам и средам, что не может не вызывать изумления.

Кроме того, милостыню, собранную в четверг и пятницу, он отдавал бедным клирикам, дабы крайняя нужда не понуждала их просить подаяния по домам — занятие, неподобающее священнослужителям и строго осуждаемое Тридентским собором¹. Воскресную же милостыню, хоть и невеликую, человек Божий употреблял на покупку рубах и одеял для нуждающихся и бедных испанок и негритянок. Наконец, на деньги, что подавали ему в субботу и понедельник, он заказывал месс за души в чистилище. Так его милосердие простиралось на всех: на живых и усопших, на духовных и мирян, на мужчин и женщин, на испанок и негритянок, без всякого лицепрятия, ибо в нем каждый находил себе отца.

Побуждаемый милосердием и примером своего небесного покровителя, он не единожды, а дважды, и не часть, а целиком отдавал свой убогий плащ беднякам. Случалось ему и шляпу свою заложить, чтобы подать милостыню.

Однажды проходил он мимо тюремной решетки, где обыкновенно стоят узники, прося подаяния у прохожих. Обратились они и к слуге Божию, уповая получить вспоможение от него, неимущего, более, нежели от других, у кого всего было в избытке. У милосердного брата не оказалось при себе денег, и хотя он мог бы, подобно святому Петру, сказать в оправдание, что не имеет ни злата, ни сребра (Деян. 3:6), он все же не захотел ни оставить нуждающихся без утешения, ни упустить случая стяжать заслугу. Он подошел к первой же харчевне и, заложив за два реала свою шляпу, которая, быть может, того и не стоила, купил хлеба и раздал его самым обездоленным узникам, облегчив таким способом их нужду. Весьма изобретательно было его милосердие.

Даже убогое одеяло с его смиренного ложа не осталось в покое на своём месте, ибо и его он отдал одному нищему. А поскольку сам слуга Божий сгорал в огне божественной любви, то, сбрасывая с себя одежду, он обретал в том облегчение.

Однажды к его состраданию прибег некий бедняк. Преклонные лета, недуги и грязные лохмотья этого человека открывали широкий простор для его милосердия и служили испытанием его терпению: брат Мартин уложил его на свое убогое ложе, которое от смрадного соприкосновения с нищим осталось не слишком чистым. Один светский брат, однако, взглянув на это без всякого сострадания, заметил нечистоту и, посчитав милость досточтимого брата чрезмерною и даже предосудительной, высказал ему все, что думал. Брата Мартина опечалили его слова, и он отвечал с мудрой кротостью: «Брате, я предпочел бы видеть тебя сострадательным, нежели опрятным. Смотри: пятно с одеяла можно смыть и малым количеством мыла, но жестокость, не дозволившую приютить бедняка, не смогли бы омыть и все слезы глаз моих». Так светский брат получил упрек и наставление на будущее.

¹ *Conc. Trid. fef. 22. cap. 2 de Refor.* — ссылка на полях оригинала. Имеется в виду Декрет о реформе, канон 2, принятый на XXII сессии Тридентского собора (1562), который запрещал клирикам просить милостыню, считая это постыдным.

ГЛАВА XVIII. ГДЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ ЖЕ, ЧТО И В ПРЕДЫДУЩЕЙ

Милосердие слуги Божия было поистине несравненным.

Он нередко уходил в поле и, взойдя на вершину холма, принимался сажать смоковницы, а делал он это с такой легкой рукой, что они чудесным образом укоренялись в кратчайшее время. Когда однажды отрок, что прислуживал ему, спросил, к чему он берет на себя этот, казалось бы, напрасный труд, брат Мартин отвечал: «Через два или три года эти смоковницы принесут плоды, и бедняки, лишенные пропитания, что будут проходить здесь, смогут поесть смокв и тем отчасти облегчить нужду свою».

Однажды досточтимый брат увидел у ворот обители дитя, совершенно изможденное голодом и полностью покрытое язвами. Брат Мартин сжалился над его убожеством и, вынув из одного рукава мази и повязки, а из другого — хлеб, изюм и фрукты, подлечил ребёнка и накормил. Дивным было сострадание слуги Божия: казалось, будто рукава его таили в себе снадобья для страждущих и пропитание для нуждающихся, ибо милосердие его, по промыслу Божию, струилось неистощимым источником помощи обездоленным.

Ещё он занимался утешением скорбящих и примирением враждующих, ибо ссоры и распри зачастую не завершаются вместе с жизнью, но переходят и за порог смерти, к явному вреду для души. Посему брат Мартин прилагал много усилий к тому, чтобы улаживать разногласия. Особенно же печалило его, когда раздор случался между супругами, ибо он знал, что согласие и мир между мужем и женой — одно из самых угодных Богу дел (ср. Сир. 25:1). Человек Божий вершил это дело с великим благоразумием, а слова его были столь весомы, что одного его авторитета хватало, дабы прекратить самые яростные распри. И много раз, прежде чем весть о раздоре могла дойти до него естественным путем, он, ко всеобщему изумлению, уже входил в дом, дабы его прекратить.

Как-то раз сестра слуги Божия находилась на хуторе в полулиге от Лимы, проводя время в кругу своего мужа, детей и прочих домочадцев. У нее вышла грозная ссора с супругом из-за какого-то домашнего пустяка, как то нередко бывает между мужем и женой. Все семейство пребывало в таком унынии, что никто и не притронулся к еде. И вот, когда уже готовили лошадей к отъезду (ибо, как то бывает с мирскими утехами, радость сменилась горькой досадой, и веселье обернулось печалью (ср. Притч. 14:13)), на хутор явился брат Мартин. Он пришел туда пешком, с посохом в руке, нагруженный хлебом, вином, фруктами и другими гостинцами. Войдя в дом, где находились его сродники, он сказал: «Мир Божий дому сему! Что же это, братья? Раз вы захотели веселиться здесь в уединении, то и я пришел разделить вашу радость и угоститься вместе с вами».

Он сурово упрекнул их за ссору и гнев, в точности пересказав, что послужило причиной раздора и как все произошло. И тотчас сестра его примирилась с мужем, а все прочие пребывали в изумлении от столь дивного происшествия, ибо естественным путем он никак не мог о том узнать. Брат Мартин пробыл в доме до ночи, а затем удалился, сказав, что идет спать на холм. На рассвете он вернулся, простился со всеми и объявил, что возвращается в свою обитель.

В монастыре же тем временем удостоверились, что он не отлучался и всё то время, пока был с родными за городом, исправно исполнял свои непреложные обязанности больничника. Когда это чудо стало известно, оно вызвало у всех восхищение, которое легко себе представить, и все единым гласом восславили Господа, дивного во святых Своих.

ГЛАВА XIX. О ВЕЛИКОМ МИЛОСЕРДИИ БРАТА МАРТИНА К БОЛЬНЫМ

Несомненно, уход за страждущими приносит великую заслугу в очах Божиих, ибо на каждом шагу предоставляет случай проявить терпение: терпение к несносному нраву болящего, к отвратительному виду недуга и к необходимости непрерывного ухода.

Настоятели почли брата Мартина наидостойнейшим для этого служения, ибо убедились, что в его груди царит пламенное милосердие, превосходящее все прочие добродетели. Рассудив, что больничная палата столь величественной и главной обители, как монастырь Розария в Лиме, способный поспорить с величайшими в Европе, станет наилучшим поприщем для упражнения в этой добродетели, они, после принесения им обетов, поставили его больничником. Эту должность он исполнял всю свою жизнь с таким радением и усердием, что приводил всех в изумление и повергал в трепет.

Он неустанно прислуживал больным днем и ночью, врачую их, омывая и подавая им все необходимое; и делал это на коленях, словно в каждом из них видел самого Иисуса Христа. Когда слуга Божий, занятый другими делами, отлучался из больницы, а больные звали его по имени, он являлся на зов с восхитительной точностью, даже если голос звавшего был едва слышен. Так случилось дважды с главным отцом-проповедником Хуаном де Очоа. Как-то ночью, когда он в болезни и скорби остался один, ему стоило лишь позвать брата Мартина, как тот уже стоял подле, и казалось, будто желание и его исполнение совпали в одном мгновении.

Часто и звать его не было нужды, ибо, когда возникала потребность, Господь наш открывал ему оную, и он тотчас спешил на помощь. В иных случаях он внезапно появлялся там, где требовалось его присутствие. И в этом отношении служение человека Божия кажется невероятным, ибо, по правде говоря, один тяжелобольной требует попечения многих здоровых, а слуга Божий, имея полную больничную палату страждущих, не был прикован заботой к кому-то одному, но простирает её на всех: любовь его не знала преград, и попечения его хватало на каждого.

По деяниям Господа видно, что Он питает особую любовь и нежность к славному нашему городу Лиме. Быть может, потому что, хотя город и не свободен от грехов, оскорбляющих Господа, в нем живет множество людей, которые служат Ему, предаются молитве и всем сердцем стремятся к христианскому совершенству. И, на мой взгляд, ни в одном другом городе храмовое благочиние, человеколюбивые служения в приютах, ревность в монастырях и благоговение во всех и каждом не достигли такой высоты. Все это служит противовесом грехам. И когда Божественное правосудие, разгневанное преступлениями мира, обрушивает свой бич на другие края и являет свое негодование, карая иные города войнами, голодом и мором, к Лиме благодать Его столь снисходительна, что ни враги ее не одолевают, ни голод не губит, ни мор не опустошает. А те эпидемии, что Господь попускает здесь порой, отмечены таким явным милосердием, что, хотя многие и умирают, но не в таком множестве, как в других землях.

Самой обычной болезнью (которую вернее было бы назвать эпидемией) здесь бывает недуг, именуемый «альфомбрилья», или «сарампион»¹, сопровождаемый весьма тягостными припадками. Бог послал эту хворь на город в то время, когда в нем жил слуга Божий. И когда этой болезнью занемогли певчие новициата, он явил свое сострадание чудесным образом. Недуг этот вызывал столь жестокую горячку, что больные лишались рассудка, и брат Мартин много страдал вместе с ними. Лечить их было трудно, ибо, обезумев, они не понимали пользы лечебных средств и не давали их применять (правда, и те, кто пребывает в здравом уме, не всегда охотно их принимают).

Человек Божий не знал покоя ни днем, ни ночью, ежечасно навещая страждущих с питьем, притираниями и сердечными каплями. И хотя число больных достигло шестидесяти, он служил всем так расторопно, что казалось, будто то ли больных у него было мало, то ли он сам умножался, чтобы поспеть ко всем. А поскольку милосердие, в коем слуга Его брат Мартин постоянно упражнялся, чрезвычайно угодно Богу, Господь ежечасно творил чудеса. Так, пока длилась болезнь, брат Мартин в самую полночь, когда ворота новициата были заперты, чудесным образом входил и выходил: одних навещал, других лечил, третьим менял влажные от пота подрыски, а иным с несказанной любовью приносил в неурочный час облегчение — подслащённую воду², когда жар уже спадал.

Когда больные, терзаемые недугами, нуждались в помощи, происходило нечто поразительное: стоило им лишь сердцем воззвать к нему и мысленно пожелать его прихода, как он, даже в глухую полночь, тотчас входил в их кельи, славя Бога. Он лечил их, угощал, утешал, а затем возвращался к молитве, которую прервал, предпочтя сладостному созерцанию Марии многотрудные хлопоты Марфы.

Случалось, что отец Фернандо Арагонес, страдая от своих недугов, желал облегчения и, уповая на великую добродетель брата Мартина, звал его в сердце своем — и в тот же миг брат входил в его двери, принося с собой утешение.

Во время своего пребывания на хуторе Лиматамбо, проведя весь день в благочестивых подвигах, он отправлялся ночью туда, где жили негры. Мазями и другими лекарствами, заранее приготовленным в городе, он лечил их от недугов и болей, утешал их и обличал их пороки, а некоторым говорил, что именно они украли в тот день. После этого он шел в жилища больных и престарелых негритянок, лечил их и утешал, как мог, ибо милосердие его простиралось на всех, так как он делал это ради Бога, Которого любил.

Когда же в монастырском лазарете умирал индеец или темнокожий, брат Мартин, при жизни служивший ему с неустанной заботой, подавая лекарства и ежедневно ухаживая, всю ночь проводил у его смертного одра, а наутро хлопотал о погребении. Милосердие его было поистине изумительно, ибо, проявив себя в полной мере во время болезни, оно продолжалось и после смерти. Он не только изнемогал с болящими, как говорил о себе святой Павел (ср. 2 Кор. 11:29), но, казалось, и умирал вместе с усопшими.

¹ Альфомбрилья (исп. *alfombrilla* — «коврик»), или сарампион (исп. *sarampión*) — старинные названия кори или другой болезни, сопровождающейся характерной сыпью.

² Подслащённая вода (исп. *agua con el dulce*) — букв. «вода со сладким». Простое средство для восстановления сил больного: вода, подслащенная тростниковым сахаром, мёдом или фруктовым сиропом.

ГЛАВА XX. ГДЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ВОСХИТИТЕЛЬНОМ МИЛОСЕРДИИ К БОЛЬНЫМ

Слава о добродетели брата Мартина росла день ото дня и, набирая по ходу силы¹, распространялась всё шире. К нему, как к общему целительному источнику, стекались больные любого происхождения: испанцы, мулаты, индейцы и негры с застарелыми и неизлечимыми язвами и другими различными недугами. Слуга Божий применял к ним те средства, что были под рукой, и в скорое время исцелял тех, кто страдал уже давно, ибо пагубная сила болезней не могла устоять перед чудотворной мощью его рук.

Но пламенное человеколюбие слуги Божия не довольствовалось попечением о больных в обители и не замыкалось в её тесных стенах, хотя он и трудился в лазарете не покладая рук, служа одновременно и цирюльником, и больничником, и хирургом. В своем рвении он искал страждущих по всему городу и принимал в своей келье испанцев, индейцев и негров, мучимых различными хворями. И когда больницы города не могли принять их из-за заразной или неизлечимой природы недуга, они находили приют в его сердце и кров в его сострадании. В конце концов настоятели, страшась, как бы такое скопление больных не стало источником заразы в обители, повелели ему освободить келью. Человек Божий принял это распоряжение с великой скорбью и, проливая слезы, приводил один довод за

другим, моля о позволении лечить их. Но, видя, что настоятель не уступает, он принес свое сострадание в жертву послушанию, поставив долг повиновения выше жажды служения. Однако, чтобы не прогонять и не оставлять без помощи страждущих, которым его милосердие дало приют, он нашел комнату в доме своей сестры, поместил там больных и снабжал их лекарствами, приводил врачей и носил угощения.

Однажды у потайных ворот монастыря какому-то несчастному индейцу нанесли опасную рану. Брат Мартин оказался свидетелем этого несчастья и не захотел оставить его без помощи, хотя и имел приказ от настоятеля не принимать больных в монастырь. Но поскольку опасность была совершенно явной, а нужда нестерпимо острой, он счёл нужным пренебречь всем, полагая, что послушание не связывает его, когда к действию понуждает человеколюбие. Он принял бедного раненого в свою келью, усердно ухаживал за ним, лечил, угощал и давал лекарства.

Случай этот дошёл до сведения Его высокопреподобия бр. Агустина де Веги, бывшего в ту пору провинциалом. Желая испытать смирение брата Мартина и так постичь дух его, он с гневом обратился к нему с укоризненными словами, а затем, перейдя от слов к делу, подверг его бичеванию, дабы ещё паче смирить. Слуга Божий принял наказание с таким благоговением и покорностью, что, поднявшись с земли, где лежал ниц, удалился, преисполненный мира, оставив провинциала в глубоком изумлении.

Он тотчас же решил исполнить приказ, не упуская из виду милосердия, и потому отправил раненого в дом своей сестры и ежедневно снабжал его всем необходимым. Когда однажды хирург пришел, чтобы перевязать опасную рану, и снял повязки, он обнаружил, что она чудесным образом зажила, и остался лишь шрам, как свидетельство о чуде. Индеец, полный трепета, пришел в монастырь и возблагодарил брата Мартина за неожиданное исцеление, которое Господь даровал ему по его молитвам.

Брат Мартин же, полагая, что гнев настоятеля еще не утих (ибо хорошо, когда у начальствующего за сладостью обхождения не теряется горечь вразумления), пошел на кухню, зажарил несколько вкусных земляных кореньев, что растут в тех краях, и принес их провинциалу со словами:

– Не гневайтесь более, Ваше Отцовство, и отведайте сего. Я знаю, что Вам это будет так же приятно, как мне — полученное наставление.

– Я гневаюсь не на тебя, а на твой проступок, — отвечал провинциал. — Проси прощения у Бога, Которого ты оскорбил.

– Отче, я не согрешил, — сказал брат Мартин.

– Как же нет? — в гневе возразил настоятель. — Разве я не приказывал тебе не приводить больных в монастырь, а ты ослушался моего приказа?

– Всё так, отче, — отвечал брат Мартин, — но против милосердия нет закона.

Провинциал, изумленный, на мгновение замер, рассудив, что такому своевременному и меткому ответу можно научиться лишь в школе Самого Бога.

Сострадание его простиралось так далеко, что с хутора Лиматамбо, где он тогда пребывал, он, бывало, ходил в Пескадерию (селение коренных жителей), и там,

узнав, кто болен, лечил их с несказанной любовью. Все так верили в его честность, что давали ему немалые деньги на заказ месс, а он передавал это пожертвование священникам.

Даже вдоль дорог за городом он сеял лекарственные травы, говоря, что они послужат беднякам для излечения их недугов. Пламенное сострадание влекло его в поля, где он искал, чью бы нужду облегчить и какому больному послужить. Так, случилось ему прийти на какой-то хутор в долине Луриганчо, что недалеко от Лимы. Он спросил у одного негра, нет ли поблизости больного; тот ответил, что одна темнокожая женщина страдает от сильного кровотечения и, без сомнения, находится при смерти. Брат Мартин применил к ней одно весьма простое средство, и наутро она проснулась в полном здравии.

Другая негритьянка в больнице для прокаженных жутко страдала от заразной болезни, именуемой недугом святого Лазаря². И поскольку человек Божий всегда пребывал в поиске болезней и несчастий, а попечение его находило их в великом множестве, то ему показалось, что на этот раз он обрёл великое сокровище, и это именно то, в чём нуждалось его милосердие. Ни ужасный вид недуга, ни отвратительная зараза, что обычно делает помощь невозможной, не охладили его рвения; напротив, сострадание его воспламенилось тем сильнее, чем более подходящим оказался предмет. Он удивительно нежно ухаживал за больной, лечил её, служил ей, стирал её одежду и непрестанно утешал, пока болезнь не отняла у нее жизнь, а у брата Мартина — радость служить ей и творить среди страшного зла прекрасное благо милосердия.

Однако пламенная любовь к Богу и ближнему, в которой он горел всю свою жизнь, с особенной силой просияла за полчаса до его блаженной кончины — счастливого завершения его дивной жизни и начала вечного блаженства. Тогда он узнал, что в лазарете лежит один темнокожий, покрытый докучливыми тварями, что от дурных телесных соков и недостатка чистоты обыкновенно заводятся в человеческом теле, подверженном всяческому несчастью. Слуга Божий чрезвычайно опечалился и, словно сам был виноват в страданиях больного или в силах был ему помочь, начал бить себя в грудь, приговаривая с сокрушением: «Брат Мартин, где же твое милосердие? Ведь истинное проявление сей божественной добродетели, как учит Апостол, в том, чтобы не искать своего, но блага ближнего» (ср. 1 Кор. 13:5).

¹ Глосса на полях: *Viresque acquirit eundo. Virg. 4*(«...и силы на ходу себе находит», Вергилий, *Энеида* IV. 175, пер. С. Ошерова)

² Недуг святого Лазаря — старинное название проказы (лепры), по имени евангельского нищего, покрытого струпьями (Лк. 16:20), который считался покровителем прокаженных.

ГЛАВА XXI. О ЧУДЕСНОМ МИЛОСЕРДИИ СЛУГИ БОЖИЯ К НЕРАЗУМНЫМ ЖИВОТНЫМ

Доподлинно известно, что добродетель любви не обязывает нас любить неразумных тварей. Ибо сила сия, направляясь на Бога, а ради Бога простираясь и на разумные создания, не может относиться к животным, которые лишены всякого разума и не

имеют с человеком ничего общего в духовной жизни. Посему мы не должны любить их святой любовью, как ближних. И поскольку любовь эта зиждется на общении в вечном блаженстве, то животные, будучи совершенно к нему неспособны, не могут быть и предметом такой любви¹.

Однако, как говорит св. Фома, человек может из милости любить неразумное животное, направляя эту любовь к Богу, как бы от твари — к Творцу, и радуясь благополучию животных во славу Божию и на пользу ближнему, как то повествуют истории об отце нашем св. Франциске². Так и слуга Божий брат Мартин любил животных как создания Божии, называя их своими братьями по творению. Быть может, он поступал так потому, что, посвятив всю свою любовь Богу и ближнему, как того требует закон, не хотел уподобиться неключимому рабу из Евангелия, который исполняет лишь то, что ему приказано (ср. Лк. 17:10). А может, огонь любви к Богу, в котором пылал брат Мартин, был столь велик, что от избытка его и животным доставалась немалая доля тепла.

То, что сотворил слуга Божий для неразумных тварей из любви к ним, превосходит всякую похвалу и всякое описание. И если подобное милосердие у мужей великой добродетели встречается редко и почитается из ряда вон выходящим — так, прославляют одного святого инок за то, что он извлек занозу, мучившую льва, а в житиях превозносят авву Иоанна Евнуха за милосердие, с коим он жалостливо кормил собак, птиц и муравьев³, — то брат Мартин заслуживает тем больших похвал, чем более глубокое сострадание он проявлял, помогая животным. Он питал их, лечил и даже укладывал на свою постель, когда они болели. Немало подобных случаев произошло с досточтимым братом.

Когда в церкви Проповедников в Лиме хоронили одного усопшего, его пёсик, которого покойный вырастил, проводив тело хозяина до могилы, ни за что не желал отойти от неё. Подобную же верность явил и другой пес — борзая персидского царя Дария, которая, когда все ближайшие друзья покинули его в час смерти, одна не смогла оставить своего господина⁴. И это неразумное животное поступило так же: оно оплакивало у могилы добро, виденное при жизни, а своей верностью являло людям урок благодарности. Ибо люди, забывая о благодеяниях при жизни и о друзьях после смерти, выказывают себя, по слову Сенеки-моралиста, в высшей степени неблагодарными. Пёс этот оставался у могилы своего усопшего хозяина, воя и скребя землю в знак скорби, ибо даже у неразумных животных горе имеет свои обряды.

Брат Мартин, движимый состраданием и видя верность пса, который забывал о пропитании, чтобы остаться с усопшим, в то время как люди ради пропитания забывают усопших, стал каждый день приносить ему пищу к той самой могиле, которую верное животное долго не покидало.

В другой раз на улице, что называется улицей Горечи, он увидел другого пёсика, заброшенного камнями, но еще живого, и, по-видимому, голодного. Сжалился над несчастным брат Мартин, вернулся в монастырь св. Магдалины, откуда шёл, сыскал пропитание для животного и, покормив его, продолжил свой путь.

Поскольку Бог знал высокую пробу милосердия своего слуги, Он на каждом шагу представлял ему случай оную проявить. Идя как-то в тот же монастырь св. Магдалины, что принадлежит Ордену проповедников, блаженный брат заметил на улице щенка, которому было от роду несколько месяцев, но вид он при этом имел

совершенно жуткий: щенок лежал в сточной канаве, ещё живой. Слуга Божий вытащил его из грязи и, занеся в первый попавшийся дом, сказал: «Обмойте его, ради любви к Богу». Ибо сердце досточтимого брата остро пронзали любые несчастья, попадавшие ему на глаза, даже если они касались неразумных тварей, а потому он полагал, что и все люди пылают тем же огнём милосердия, в котором сгорал он сам. Из дома вышла женщина, и поскольку пол этот, по слову Духа Святого, могуч в гневливости и раздражительности (ср. Сир. 25:16, 19), она сочла сострадание брата Мартина не просто глупой, но и обременительной причудой. Она осыпала его самой отборной бранью, какую только мог подсказать ей гнев, но слуга Божий снёс все поношения, лишь бы щенок был вымыт. Прошло некоторое время, и однажды вечером, проходя по той же улице, где [все, кроме упомянутой сварливицы] его принимали не так, как он желал, а так, как он заслуживал, зашёл брат Мартин в тот же дом и отплатил за бранные слова вкусным угощением. Подражая всемилостивому Господу, он, словно благодатная туча, пролился не дождем насущным, а отборными плодами для улады вкуса, ибо Господь повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и проливает дожди благоденствий на праведных, что служат Ему, и на грешников, что Его оскорбляют (Мф. 5:45).

Даже презренные мыши находили приют в его сострадании. В его келье жил один нищий, и когда мыши прогрызли ему пару чулок (такова уж их природа), он так огорчился, что решил расставить мышеловки. Брат Мартин увидел это и, зная причину его замысла, не позволил ловить зверьков, с состраданием и укоризной сказав: «Хорошо же получается: вам недостает малого, а вы хотите, чтобы у мышонка не было и зубов. Уберите, уберите ловушки: смертей тут не будет. Негоже, чтобы их губила хитрость, когда на порчу их толкнул случай».

Столь велико было его сострадание к этим зверькам, что, хотя они и наносили заметный урон одежде больных, он никогда не позволял лишать их жизни. Поймав однажды мышонка, он не дал его убить, но отпустил на свободу, чтобы тот передал его наказ своим братьям. И, говоря с ним, словно с разумным созданием, слуга Божий сказал: «Ступай, братец, и скажи своим товарищам, чтобы не докучали тут и не вредили, и чтобы все удалились в сад, а я буду каждый день приносить вам туда пропитание». Случилось нечто удивительное, что привело в изумление весь монастырь: наутро все мыши, что жили в кладовой, оказались в саду, оставив помещение свободным. Брат Мартин носил им положенную долю, не только из верности своему слову, но и движимый состраданием, которое его к тому понуждало. И завидев идущего слугу Божию, мыши стайками выбегали, чтобы принять пропитание из его милостивых рук.

С милосердным братом произошел и другой, не менее удивительный случай. В одном пустующем подвале монастыря приютились ощенившаяся собака и окотившаяся кошка. Брат Мартин, видя, что они, должно быть, страдают от недостатка пропитания, взял за правило каждый день с замечательной точностью носить им еду. Собрав этих животных вместе, он говорил им: «Ешьте и не ссорьтесь», — и они тотчас повиновались. И хотя животные эти столь враждебны, что даже с себе подобными не всегда ладят, они ели из одной миски в такой согласии, что вызывали изумление у всякого, кто их видел.

И вот однажды, когда слуга Божий с умилением взирал, как мирно пируют эти заклятые враги, из норы показался мышонок, который, хоть и трепетал от страха, но, казалось, желал присоединиться к сотрапезникам брата Мартина. С одной

стороны, его понуждала нужда, с другой — удерживал страх. Голод толкал на отчаянный шаг, но мысль о гибели в когтях врагов сковывала его, и робкий зверёк замер в нерешительности. Слуга Божий заметил это, а поскольку его, как ученика Небесного Учителя, вид чужого несчастья побуждал немедленно его облегчить, он ласково и с улыбкой сказал зверьку: «Кажется, брат мышонок хочет есть; так подходи же и угощайся!» А обратившись к другим неразумным тварям, сказал: «Дайте ему подойти, братья, не тревожьте его». Мышонок, ободрённый словами брата Мартина и доверившись им, с радостью принял приглашение, подошёл к миске, и, как ни удивительно, животные не шелохнулись и не выказали недовольства: собака, кошка и мышь мирно ели из одной посуды.

Кажется, Бог изволил почтить Своего слугу чудесами, которые пророк Исаия предрекал при первом Его пришествии, говоря, что самые лютые враги примирятся: «волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком» (Ис. 11:6). Ибо здесь в дружеском общении сошлись если не козлёнок и лютый барс, то, по крайней мере, собака, кошка и мышь — силою одного разумного «барса», каковым и был тот самый брат Мартин⁵. Некоторые иноки, бывшие свидетелями этого события, не просто посмеялись забавному зрелищу, но и возликовали при виде изумительного чуда.

¹ Пересказ учения св. Фомы Аквинского (*Summa Theologiae*, II-II, q. 25, a. 3).

² Ссылка на св. Антонина Флорентийского (*Summa Theologica*, III, tit. 7, cap. 2) и жития св. Франциска Ассизского.

³ История о св. Герасиме Иорданском и льве часто приписывалась св. Иерониму. Ссылка на авву Иоанна и других святых, взята из агиографического сборника, который в оригинале указан как *Mag. Villeg. lib. de Fruct. San., discurs. 45, de limoïn.*, что, возможно, является отсылкой к 45-й беседе «О милостыне» из сочинения испанского агиографа Алонсо де Вильегаса.

⁴ Элиан, «О природе животных», VII, 10.

⁵ Автор обыгрывает слово *pardo*, которое означает и «барс» (или леопард), и, как упоминалось выше, «бурый», то есть мулат.

ГЛАВА XXII. ГДЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ ЖЕ

Даже нечистые птицы не были обойдены великим милосердием брата Мартина. Он, бывало, когда выдавалось свободное время, трудился в монастырском саду, о чем речь пойдет далее. И вот однажды во время этого занятия в сад упал раненый стервятник, или, как его здесь называют, «галынасо»¹. Птица была тяжело ранена: нога перебита, а тело усеяно дробью — следствие губительного выстрела из ружья. Но Тот Господь, Чей промысел не оставляет и птенцов ворона, взывающих к Нему, когда родители покидают их, еще не покрытых перьями (ср. Пс. 146:9), и без Чьей воли и малая птица не падет на землю (ср. Мф. 10:29), не захотел оставить без помощи и эту нечистую птицу. Он промыслительно послал ей через брата Мартина и лекарство для ран, и пищу в ее нужде, ибо, лишившись возможности летать, она не могла сама добывать себе пропитание. И оба обрели то, в чем нуждались: брат

Мартин — предмет для своего сострадания, а птица — исцеление от своего недуга. Человек Божий сжалился над ней, приютил её, с несказанной любовью наложил лубок на перебитую ногу и, отчасти приведя ее в порядок, стал ухаживать за птицей и приносить ей корм, пока она, выздоровев, не смогла снова взлететь. Но и после этого она не переставала выказывать свою благодарность, а может, и корысть, ибо еще некоторое время продолжала навещать человек Божия, получая от него пищу. Она спускалась в сад и садилась ему на руки, но не для того, чтобы приносить ему еду, как тот ворон — пророку Илии у потока Хорафа (3 Цар. 17:6), а чтобы получать ее из рук брата Мартина.

Однажды, проходя по одному нечистому месту в городе, слуга Божий увидел, что там оставили на погибель мула. Животное сломало ногу и более не годилось для службы — такова плата мира сего. Брат Мартин сжалился при виде его и, подойдя, властно произнес: «Создание Божие, исцелись!» И свершилось дивное и поразительное чудо: едва он произнес эти слова, как животное встало здоровое — даже ноги не дрогнули! Человек Божий отвёл его в монастырь, и там, благодаря его заботам и рдению, мул настолько окреп, что еще много дней служил общине. И здесь следует восхищаться более милосердием к животному, нежели чудом его исцеления, ибо чудеса могут творить и те, кто не пребывает в благодати, но милосердием обладает лишь тот, кто пребывает в Боге, Который и есть сама любовь (ср. 1 Ин. 4:8).

В другой раз досточтимый брат встретил монастырского пса, смертельно раненного. Животное, словно обладая чутьем на милосердие, которое уже прекрасно проверили на себе люди, пришло к воротам его сострадания, безмолвно моля об исцелении. Несчастный пес истекал кровью, и брат Мартин, проникнувшись жалостью, тотчас принялся его лечить. Он промыл ему рану, наложил швы и, несмотря на отвращение к животному и естественное содрогание, завершил лечение. Сострадание его простерлось так далеко, что он уложил пса на свою постель, словно разумное создание, навещал его, перевязывал и каждый день кормил, имея единственной корыстью то, чтобы в творениях прославлялся Творец.

С досточтимым братом произошел и другой случай, не менее удивительный и схожий с предыдущим. Однажды, когда он, по обыкновению своему, ухаживал в лазарете за больными, являя свое милосердие к разумным созданиям, Господь наш послал ему и неразумную тварь, дабы он и на ней упражнялся в той же добродетели. Итак, в лазарет вбежал огромный мастиф, брюхо которого было пробито насквозь двумя смертельными ранами, так что получилось четыре отверстия. Обильно истекая кровью, он жалобно скулил, моля об исцелении. И словно зная об огне Божественной любви, что горел в груди брата Мартина, пес подбежал к нему, чтобы тот его вылечил, чем привел всех присутствующих в изумление. Слуга Божий, ласково обращаясь к нему, сказал: «Кто же велел тебе, брат пёс, быть таким свирепым? Вот что бывает с теми, кто таков». Животное же принялось всячески заискивать перед ним (ибо нужда столь угодлива, что даже неразумные твари умеют льстить тому, в ком нуждаются). Брат Мартин взял его за ухо и отвел в свою келью. Там, набрав в рот немного вина, он принялся промывать ему раны, а затем с невиданным состраданием зашил их. Он устроил зверю ложе из шкур и велел лежать не двигаясь. Пес исполнил это с такой точностью, словно был наделен разумом и понимал, что для исцеления ему надобен покой. Слуга Божий прилежно носил ему еду, и без всякого иного лечения, кроме первого, пес чудесным образом выздоровел,

выказывая свою благодарность тем, что более никогда не отходил от брата Мартина.

Другое, не менее поразительное чудо, видал о. Фернандо Арагонес, когда служил больничником вместе со слугою Божиим. Однажды вечером они вдвоем проходили через монастырский двор, что за лазаретом, и у двери одной из келий брат Мартин увидел несчастного кота, который жалобно мяукал от страшной раны на голове, полученной, быть может, при попытке стащить что-то чужое. Вид страдающего создания тотчас пробудил в нем жалость, ибо сердце слуги Божия было уязвлено любовью к Богу куда сильнее, нежели тело этого животного — ударом камня. Досточтимый брат заговорил с ним и сказал: «Пойдём со мной, я тебя вылечу, а то тебе, видать, совсем худо». И, о чудо, едва он произнес эти слова, кот пошел за слугою Божиим и с великой кротостью позволил себя лечить. Тот зашил ему рану, и кот даже не сопротивлялся, несмотря на боль. Вылечив его, брат Мартин, словно обращаясь к разумному, сказал: «Ступай, а утром возвращайся, я снова тебя перевяжу». И хотя кот был тварью неразумной, он не пропустил этих слов мимо ушей, ибо о. Фернандо Арагонес, проследив, подметил, что кот наутро послушно вернулся и стал ждать брата Мартина у дверей кладовой, чтобы тот его перевязал. Случай этот вызвал всеобщее изумление в монастыре, и не зря, ведь казалось, что чем щедрее этот дивный муж изливал свое милосердие на творения, тем обильнее Творец являл чудеса в его честь.

¹ В оригинале — *gallinazo* (гальинасо), перуанское название американской чёрной катармы (*Coragyps atratus*), или урубубу. Это вид грифов-падальщиков, которых автор называет «нечистыми птицами».

ГЛАВА XXIII. ГДЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О МИЛОСЕРДИИ К ЖИВОТНЫМ

С человеком Божиим, когда он упражнялся в милосердии к животным, происходили поразительные, а порой и вовсе невероятные случаи. Но поскольку для верующих все возможно, а Творцом этих чудес был Сам Бог, о них нельзя не рассказать.

Пламенное сострадание брата Мартина дошло до того, что, подобно тому как в государствах устраивают приюты для больных людей, так и он устроил в доме своей сестры общий приют для неразумных тварей. Там, словно не имея других забот, он с удивительным усердием выхаживал, лечил и кормил больных собак и кошек. И всех, нуждающихся, по его мнению, в лечении, он приносил в одну из комнат в доме своей сестры. И даже сами животные, повинувшись особому чутью, искали у брата Мартина облегчения своим недугам.

Но поскольку при таком скоплении животных невозможно было поддерживать чистоту, сестра его пожаловалась слуге Божию на дурное соседство, прося выгнать их из дома, ибо терпеть их присутствие стало невозможно. Брат Мартин пошел к ней и, собрав животных, которые тотчас окружили его, радостно приветствуя, сказал им: «Братья, не будьте в тягость той, кто делает вам добро. Справляйте свои естественные надобности на улице и не входите в комнату, которая вам не принадлежит».

И свершилось чудо, достойное всемогущества Божия: животные, словно наделённые разумом, в точности повиновались, выходя справлять нужду на улицу, к великому изумлению всего дома. Ибо казалось, что в слуге Божиим не согрешил Адам, и потому он обладал даром повелевать неразумными тварями.

Когда во время отдыха он отправлялся на хутор Лиматамбо, величайшей утехой для человека Божия было лечить волов и прочих животных, что трудились на хуторе. И небеса столь щедро вознаграждали его милосердие, что животные, которых он лечил, чудесным образом исцелялись.

Во время своей последней болезни, когда лекари велели забить для приготовления неких снадобий несколько животных, сострадательность слуги Божия оказалась столь велика, что от него не раз слышали слова: «Зачем отнимать жизнь у этих созданий Божиих, если лекарства все равно не помогут, ибо есть воля Божия на то, чтобы я умер?». Столь велико было его милосердие к неразумным тварям — и этот случай ещё одно тому подтверждение.

Во время отдыха привезли с одного из монастырских хуторов нескольких быков, должно быть, не слишком свирепых, дабы певчие, что много трудятся весь год на благо Ордена, могли позабавиться играми с ними. Однако по примечательному недосмотру, но и по Божьему попущению, дабы тем явственнее открылось милосердие Его слуги, несчастные животные четыре дня оставались без еды и питья. Брат Мартин узнал, в какой нужде они пребывают, и сердце его сжалось от жалости к этим животным, которые, не имея языка, чтобы поведать о своих страданиях, могли лишь молча терпеть. Он поспешил им на помощь. Принёс воды и люцерны к воротам новициата, которые на ночь уже были закрыты, он обнаружил, что небеса чудесным образом отворили их для него. Внёс приготовленный корм, он накормил голодных животных. И они, свирепые по природе, укротились не только от голода, что способен усмирять и гигантов, но и от милосердия, что умеет покорять и зверей. Они так привязались к брату Мартину, что, казалось, даже целовали его облачение в благодарность за оказанное им добро.

Господь не захотел, чтобы столь дивный случай остался втайне, и явил его со всеми малейшими подробностями. Ибо один инок, брат Диего де ла Фуэнте, генеральный проповедник, из своего окна в тот час услышал, как досточтимый брат говорил с быками, словно те его понимали: «Этот брат старше, пусть поедят те, кто младше». И когда он заботливо накормил их, то вышел так же, как и вошел. Все это стало известно в монастыре, ибо Господь устроил так, чтобы о том узнали, во славу Его и в подтверждение святости слуги Его.

О том же свидетельствовало и другое чудесное знамение. Восемнадцать лет эконому монастыря Проповедников в Лиме служил один пёс и сопровождал его. В миру за службу платят худой монетой, ибо как труды бывают напрасны, так и люди — неблагодарны; и вот, по правде говоря, пёс стал в тягость монастырю из-за дурного запаха и прочих недугов, что приносит с собой старость — даже животным. И эконом строго-настрого велел монастырским неграм убить его и выбросить за ворота обители, чем обнаружил явственный недостаток сострадания. Ведь даже в древнем Риме правители, принимая во внимание службу животных, издали закон, чтобы никто не выгонял из своего дома ни раба, ни лошадь, ни собаку, ни любое другое живое существо по причине болезни или старости. И вот, когда негры тащили уже мёртвого пса, чтобы выбросить его на свалку, их встретил брат Мартин. Узнав о

случившемся, он упрекнул их за нехватку милосердия к животному и велел отнести его, мёртвого, в свою келью.

Принеся пса в покой эконома, он сказал ему: «Отче, как же в сердце вашем оказалось так мало сострадания к этому животному после того, как оно служило вам столько лет? Неужели вам хватило духу приказать лишить жизни того, кто сопровождал вас так долго? Такова плата, что вы дали ему за службу?» Высказав это, слуга Божий удалился в свою келью, которая, как уже говорилось, была в кладовой, и там затворился, без сомнения, для молитвы, как стало ясно из последствий. Он поступил так, как советует Христос тем, кто молится, прося у Бога отцовских милостей: затвориться в своей комнате, чтобы люди не видели их добродетелей (ср. Мф. 6:6).

Прошла та ночь, а наутро все с величайшим изумлением увидели того самого пса, что был накануне мёртв от множества жестоких ран, не просто живым, но здоровым и избавленным от отвратительного запаха. И брат Мартин кормил его на кухне лазарета, говоря: «Брате, не ходи в кладовую, где твой неблагодарный хозяин, ты уже знаешь, какой платой он тебе воздаёт». Животное исполнило это, словно не было неразумным, и за долгое время, что оно еще прожило, никогда не приближалось к эконому, но, завидев своего прежнего господина, убегало от него, словно напоминая ему о неблагодарности. Ибо даже неразумная тварь обижается, когда её не благодарят.

Животные же непрестанно по-своему выказывали брату Мартину свою признательность, в поучение людям. Ибо кошки, и собаки, и быки из монастыря повиновались ему, ласкались к нему и радовались при его появлении. Даже пугливые куры окружали его и весело кудахтали в его присутствии. И другие животные, которых он с любовью кормил, с всяческими проявлениями восторга подходили к нему и лизали его одежду, выражая радость при виде общего их благодетеля.

Сей превосходный муж, как мы свято веруем, достиг Царства Небесного и живёт бессмертной жизнью в эмпиреях за своё столь необычайное милосердие к неразумным животным. Ибо если Мелхиседек, царь Салимский, который, по мнению св. Фомы, был Симом, сыном патриарха Ноя, заслужил прожить долгие годы за то, что оказывал милость животным в ковчеге, заботливо раздавая им пищу, как он сам поведал Аврааму, согласно иудейскому преданию¹, то досточтимый брат Мартин де Поррес, который явно далеко превзошёл прочих в сострадании к животным, по справедливости должен жить в земле живых во веки веков, получив от Бога великую награду. Ибо если богословы утверждают, что мера небесного блаженства определяется мерой любви², рассуждая, что чем сильнее кто любит, тем пламеннее желает лицезреть предмет своей любви, и это великое желание делает его более способным к грядущему наслаждению, — то можно ли сомневаться в высоте награды, уготованной на небесах тому, кто так умел любить здесь, на земле? Ведь любовь этого пламенного серафима была столь безмерна, что огонь ее согревал даже неразумных тварей.

¹ Глосса: «Faustin. Iaso. serm. 4. adHebr.»

² Глосса: «D. Th. 1. p. q. 12. art. 6.» – указывает на «Сумму теологии» св. Фомы Аквинского, ч. I, вопрос 12, ст. 6 «Видит ли один из тех, кто созерцает сущность Бога, её совершеннее другого».

ГЛАВА XXIV. О ТОМ, КАК ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ ИЗБЕГАЛ ТЩЕСЛАВИЯ

В духовной жизни опасность тщеславия подстерегает на каждом шагу, и самый высокий чертог добродетелей может рухнуть от одного лишь дуновения её. Посему людям, творящим великие дела, надлежит быть в высшей степени осмотрительными, ибо, как говорит св. Григорий, тот, кто выставляет свое сокровище напоказ, подвергает себя явной опасности его лишиться¹. И согласно премудрой евангельской притче, семя, что осталось лежать на поверхности земли, склевали птицы небесные, то есть бесы, и не принесло оно доброго плода, в отличие от того, что было сокрыто в земле (ср. Мф. 13:4, Лк. 8:5).

Брат Мартин прекрасно знал цену этому учению и умел следовать ему, ибо научился тому в школе Самого Спасителя, Который так избегал мирских похвал — не потому, что они могли бы повредить Ему, но в поучение нам, кого они могут погубить. Досточтимый брат был верным учеником Христовым в этом, как и во всем прочем, а потому гнушался всякого рода тщеславием и мирской похвалой, коими люди были склонны превозносить его добродетели, в особенности же великое милосердие. Он, сколько мог, скрывал свои деяния, стараясь, чтобы левая рука его не знала о милостынях, которые творила правая, как и советует Христос в Евангелии (ср. Мф. 6:3). Вместе с тем, он прилагал особое усердие к тому, чтобы утаивать милости, которые на каждом шагу получал из рук Божиих, как то видно из многих случаев.

Рехидор² Хуан де Фигероа, большой друг брата Мартина, страдал от нарыва во рту, причинявшего ему сильную боль и мучения. Ища утешения, он велел позвать слугу Божия и, поведав ему о своем недуге и великой скорби, услышал в ответ от досточтимого брата слова утешения и заверения, что хворь эта — сущий пустяк. Попрощавшись с больным, он сказал, что нужен в монастырском лазарете, и поручил ему сберечь грелку, которую принес с собой.

Слуга Божий ушел из дома рехидора, а тот немало подивился, что друг оставил его в такой беде, ведь именно в несчастьях и познается дружба, как учит нас Дух Святой (ср. Притч. 17:17). Поняв, что брат Мартин не без умысла оставил у него грелку, он велел слуге поднести ее к кровати и, набрав в рот немного воды, что была в ней, прополоскал ту сторону, где был нарыв. И без всякого иного средства боль тотчас утихла, опухоль спала, и нарыв полностью прошел, так что не осталось и следа от перенесённого недуга. Изумлённый этим чудом, он возблагодарил Господа, Который по заступничеству Своего слуги даровал ему исцеление в единый миг. Не в силах сдержаться, он громко возвестил всем о свершившемся знамении.

Пришли женщины, что служили в его доме, и одна из них, ухаживавшая за больным и страдавшая от докучливой кожной болезни, воочию убедившись в чуде, взяла немного воды из грелки и, омыв ею больное место, без всякого иного лекарства в тот же миг почувствовала, что избавилась от недуга. В благодарность за столь нежданное благодеяние, она повсюду разнесла весть о чуде, прославляя слугу Божия, который, дабы избежать опасных мирских похвал, предусмотрительно предоставил больному лечиться грелкой, сам же укрылся в святых стенах обители.

Так брат Мартин избегал тщеславия, которое чрезвычайно свойственно смертным, ибо стремление к почестям так сильно в людях, что, по слову св. Фомы, оно настойчиво следует за стремлением к блаженству, приносящим истинную славу, желанную всем². Человек Божий приписывал всё, что творил, Господу — Творцу и первопричине всякого чуда. И хотя Бог избирал брата Мартина своим орудием, тот всегда старался скрыть это, что выявилось и в следующем случае.

Донья Франсиска Велес де Кастильо, супруга Матео Пастора (о чьём милосердии громко свидетельствуют сироты Лимы, для которых он был истинным отцом), страдала от мучительной боли в боку. Недуг этот был столь мучителен, что Господь наш ниспослал его св. Екатерине Сиенской, дабы она в нём смогла претерпеть жестокие муки чистилища, что ожидали её отца³. Для избавления от этой ужасной хвори были испробованы все лекарства, что прописывали врачи, но они не приносили облегчения, и болезнь лишь усиливалась. Однажды её пришел навестить человек Божий, ведь в доме милосердия, каковым являлся дом больной, не мог не бывать и брат Мартин. Увидев его с безмерной радостью и ликованием сердечным, она попросила его подойти и сесть к ней на кровать. Досточтимый брат тотчас исполнил её просьбу, ибо «любовь милосердствует», по слову св. Павла (ср. 1 Кор. 13:4). Больная же, помня о чудесах, которые Господь на каждом шагу творил по заступничеству Своего слуги, сказала в сердце своём, что исцелится, лишь прикоснувшись к краю его одежды, подобно той евангельской женщине (ср. Мк. 5:28). Она взяла край его плаща и с великой верой, соединённой с благоговением, незаметно приложила к больному месту. В тот же миг она почувствовала себя совершенно здоровой и свободной от недуга. От радости внезапного исцеления и изумления перед чудом она воскликнула: «Ах, отче брат Мартин, какой же вы великий слуга Божий, если даже одежда ваша обладает такой силой! Я здорова, я чувствую, что избавилась от хвори!»

На это слуга Божий, смущённый по причине смирения своего и опечаленный вследствие добродетели, отвечал: «Рука Божия здесь действует, сеньора. Сие сотворил Он и облачение отца нашего св. Доминика. Благодарите Бога, ибо я — всего лишь мулат и притом худший грешник на свете. Да будет благословен Господь, что избирает столь ничтожное орудие для столь великого чуда. И да не теряет своей силы и благодати облачение отца нашего св. Доминика оттого, что носит его такой страшный грешник, как я».

¹ Св. Григорий Великий, *Гомилии на Евангелия*, 11.

² Рехидёр (исп. *Regidor*) — член городского совета (*кабильдо*) в колониальной испанской администрации, ответственный за управление городскими делами. Это была почетная должность, которую, как правило, занимали знатные и состоятельные граждане.

³ Св. Фома Аквинский, *Сумма теологии*, I-II, q. 2, a. 2.

ГЛАВА XXV. ГДЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ ЖЕ

Во время последней болезни, от которой он и умер, лекари, чьим указаниям должны повиноваться болящие, и настоятели, чьё слово — закон для подчинённых, велели

снять с него власяницу из грубой ткани, которую он носил на голом теле. Брат Мартин воспринял это с глубокой скорбью, не столько потому, что в тот час ему это стало помехой в умерщвлении плоти, к чему он привык, сколько из-за соблазна тщеславия, который, как он опасался, диавол мог подбросить ему в столь опасный предсмертный миг. Печаль его оказалась так велика, что все присутствовавшие, иноки и миряне, сокрушались, видя его скорбь, и скорбели, видя его сокрушение.

Блаженный брат, наученный Самим Богом, прекрасно умел укрывать от тщеславия свои подвиги. Так, когда по приказу настоятелей он находился в доме архиепископа Мехико, ухаживая за ним во время тяжкого недуга, он каждый день приходил в монастырь и принимался подметать самые грязные места. Этим он смирял и укрощал себя в возмещение за то, что пребывал во дворце князя Церкви, где все его почитали. Однажды один уважаемый инок, застав его за столь смиренным занятием, с удивлением сказал: «Брат Мартин, не лучше ли находиться в доме сеньора архиепископа, чем в таком нечистом месте?» На это слуга Божий отвечал стихом из псалма: *Elegi abiectus esse in domo Dei mei, magis quam habitare in tabernaculis peccatorum*. «Я предпочёл быть отверженным в доме Бога моего, нежели обитать в шатрах грешников» (ср. Пс. 83:11, Вульг.). К этим словам, столь уместным, он в пояснение добавил: «Отче брат Хуан, один миг, что я провожу в этом низком занятии, я ценю больше, чем многие дни, что нахожусь в доме сеньора архиепископа». Истинный смиренник, он радовался всему, что несло в себе уничижение и покорность, и претило ему все, что хоть как-то касалось тщеславия.

Следующий случай ещё лучше подтверждает истинность сказанного. По послушанию, как уже говорилось, слуга Божий находился в доме того самого архиепископа Мехико, дона Фелисиано де Веги, который нежно любил его, ибо хорошо знал его добродетель и нуждался в его могучем заступничестве перед Богом, дабы Он даровал ему исцеление от тяжелой болезни. И поскольку любовь, которую питал к нему прелат, доходила до благоговения, то, подражая ему, любили и почитали его и все домочадцы. Однако слуга Божий страдал от оказываемого ему почёта более, чем архиепископ от терзавшего его недуга. Он видел, что слуги ему угождают, вельможи его чтят, знатные господа выказывают уважение, а сам прелат неизменно ласков. Но хотя, втайне презирая эти почести, он умел быть за них благодарным, душа его скорбела при виде того, как его превозносят. И дабы из яда тщеславия сотворить себе целительное снадобье самоуничижения, а из отравы похвал — противоядие смирения, он внушил себе, что все почести, оказываемые ему в доме архиепископа, на самом деле не что иное, как изощренное издевательство над ним — глупцом и безумцем.

Однажды один рядовой инок сказал ему: «Брат Мартин, я уверен, что с вашим влиянием на прелата вы могли бы испросить для меня разрешение на рукоположение, если бы замолвили слово». На что слуга Божий отвечал: «Это не влияние, а насмешка, издевательство и глумление. Они забавляются со мной, как с умалишенным. Иначе, скажите мне, как позорящий цвет моей кожи, ничтожество моих нравов и порочность моей жизни могли бы снискать похвалы и расположение князей? Разве вы не видите, что это явный обман? Я предпочитаю подметать грязные углы в монастыре, чем принимать эти неприкрытые насмешки, которые вы почитаете за почести!»

Этой уловкой досточтимый брат спасался от пагубного ветра тщеславия, который порой охлаждает рвение даже у друзей Божиих, а то и вовсе похищает у них

добродетель. Потому и трепетал этот превосходный муж, оказавшись среди мирских похвал. Он помнил, что из-за гордыни и высокомерия прекраснейший из серафимов стал свирепейшим из бесов; смиренный царь Саул — человеком надменным и тщеславным; а святой апостол — корыстолюбивым предателем. Он видел, как многие, бывшие смиренными и возносившиеся до небес, из-за тщеславия низвергались в бездну. Эти сокровенные суды Всевышнего так устрашали брата Мартина, что, движимый сыновним страхом, который они в нём вызывали, покидая дворец архиепископа, где его почитали, шёл в монастырь и, взяв в руки метлу — оружие, которым он побеждал гордыню, — уединялся в самых грязных местах обители, чтобы чистить, мести и прибирать их.

ГЛАВА XXVI. О ТОМ, С КАКОЙ НАСТОЙЧИВОСТЬЮ ДИАВОЛ ПРЕСЛЕДОВАЛ СЛУГУ БОЖИЮ

Поскольку грех того падшего серафима, что стал причиной его рокового падения, проистек из гордыни и зависти¹, и поскольку он, по слову Давида, вечно упорствует в своей ненависти и надменности (ср. Пс. 73:23), то ревность его простирается так далеко, что он всеми силами стремится помешать человеку, созданному по образу и подобию Божию, вкусить то высшее благо, для которого тот был сотворён и которого сам диавол достичь не может из-за непреклонности своей воли². Все его устремления направлены на то, чтобы одолеть людей, стараясь еще глубже поработить порокам злых и совратить с пути добродетели добрых. Так он печалится о нашем благе и радуется, пусть и притворно, нашему злу, ибо в наших приобретениях он видит свои потери, а в наших потерях — свои приобретения³.

По этой причине он неотступно преследовал брата Мартина, не давая ему покоя ни днем, ни ночью. Он искушал его тайно, через оскорбительные слова, что в нетерпении говорили ему больные, через поношения, которыми осыпали его другие, через неблагодарность и скверное воздаяние за добро — обычное оружие мира сего, который за благодеяние платит обидой, словно то было преступление. Враг также пытался сокрушить несокрушимое смирение блаженного брата тщеславием — этой пагубной молью, что, как говорит св. Августин в своем Уставе, часто зарождается в самих делах добродетели, которые мы совершаем⁴.

Но поскольку досточтимый брат, укрепляемый благодатью Божией, неизменно одерживал победу над этим упорным врагом, и тот видел, что попытки его подтолкнуть брата Мартина к падению лишь умножают его заслуги, злоба врага разгоралась все сильнее. И вот, по праведным судам Своим и для вящей славы Своего слуги, Бог попустил диаволу терзать и искушать его в открытую. Так тайные ночные козни, что суть скрытые нападки врага, сменились «стрелой, летящей днем» и «бесом полуденным», который, по слову Давида, искушает людей явно (ср. Пс. 90:5-6, Вульг.). Сии искушения дали слуге Божию возможность явить мужество, увидев врага своего лицом к лицу.

Нечистый терзал его жестокими ударами бича, побоями, наводя на него ужас и представая в отвратительных образах, подобно тому как во время оно сей древний змий поступал со свв. Антонием Великим и Екатериной Сиенской. Но Господь, укреплявший тех Своих слуг в искушениях, дабы они одержали победу, давал и брату Мартину силы для одоления врага. В ярости от того, что какой-то ничтожный донат⁵ побеждает его, и что невежественный человек в силах расстроить козни и

сети, которые он расставляет днем и ночью, диавол, прибавив к своим коварным ухищрениям новые злобные выдумки, вновь попытался сокрушить несокрушимую твердость своего противника.

Однажды ночью, когда некий странник, которому сострадание брата Мартина всегда уделяло приют, спал в его келье, он услышал, как тот вошел, запер дверь и остался в сенях. Затем он услышал, как брат Мартин с великим гневом говорил с кем-то, сурово упрекая его: «Зачем ты вошёл сюда? Что ты здесь потерял? Тебе тут не место! Убирайся, проклятый, гордец и негодник!» Так досточтимый брат бранил своего врага, диавола, который в тот час вошел в его келью, чтобы досадить ему. Гость, слыша эти гневные слова, весьма удивился ярости брата Мартина, ибо хорошо знал кроткий его нрав. Движимый любопытством, он подошел к двери спальни, в которой ночевал, и увидел, как человека Божия швыряют из стороны в сторону и наносят ему безжалостные удары, но не увидел того, кто был жестоким учинителем сих мучений. Затем он внезапно увидел, что келья пылает живым огнем, и что шкафы, где хранилась одежда больных, объаты пламенем. Тогда брат Мартин крикнул гостю, чтобы тот помог ему потушить пожар. И они вдвоем, каждый со своей стороны, принялись бороться с огнём. Хотя досточтимый брат и велел гостю уйти, чтобы тот не пострадал от дыма, тот все же подошел к двери кельи, чтобы посмотреть, не открыта ли она и не вышел ли через неё поджигатель. Увидев, что дверь заперта на ключ, он ещё более изумился и устранился. Он вернулся к себе, не задав брату Мартину ни одного вопроса, ибо был так ошеломлён и напуган случившимся, что и говорить не мог. Не в силах уснуть до рассвета, он лежал без сна и в три часа ночи, в то время, когда слуга Божий вставал со своего неудобного ложа, чтобы вовремя ударить в колокол к утрени, услышал, как брат Мартин вышел из кельи, оставив в ней свет. Не в силах побороть любопытства и желая увидеть ущерб, нанесённый огнём одежде больных, странник встал, чтобы всё осмотреть, и не обнаружил ни следа, ни признака пожара, ни запаха дыма, ни малейших повреждений на одежде. Изумление его стало еще глубже и смешалось с трепетом, ибо он рассудил (и был в этом прав), что всё это — козни сатаны, который, обладая весьма ограниченной силой, пытался утратить брата Мартина мнимым огнем, в то время как сам горит в огне истинном⁶.

Тот же враг рода человеческого незримо подстерегал иноков на одной из лестниц монастыря, стараясь по возможности навредить проходящим мимо. Случилось так, что однажды ночью брат Мартин, поднимаясь по лестнице с жаровней в руках, в которой нёс угли для приготовления лекарства, по Божественному попущению увидел сатану. Человек Божий спросил его, что он здесь делает. «И у меня здесь свои интересы, — отвечал адский дух, — ибо те, кто спотыкаются и падают, тотчас поминают меня, говоря: „Черт бы побрал того, кто погасил свет!“ Так они теряют терпение, а я в их потере нахожу свою выгоду». «Убирайся отсюда в тёмные недра ада! — потребовал слуга Божий. — Там твоё жилище!». Диавол заносчиво отвечал, что не желает. Тогда слуга Божий снял с себя ремень, которым был подпоясан, и, стегая им врага, обратил его в бегство. Видя себя посрамлённым, но не желая повиноваться, диавол продолжал упираться, пока брат Мартин, взяв уголек из жаровни, что нёс в руках, не начертал им на стене знамение Креста. И поскольку Крест обезоружил сатану и лишил его силы, у того не хватило духу оставаться долее. Проклятый исчез, а на следующий день брат Мартин велел установить на том пролёте, где обычно устраивал засады враг, деревянный крест, и тот никогда более не осмеливался возвращаться в это место.

¹ Ср. св. Фома Аквинский, *Сумма теологии*, I, q. 63, а. 4.

² Ср. св. Фома Аквинский, *Сумма теологии*, I, q. 64, а. 2. ³ Ср. св. Фома Аквинский, *Комментарии на Послания апостола Павла*.

⁴ Св. Августин, *Устав*, 1, 7: *Superbia etiam bonis operibus insidiatur, ut pereant* («Гордыня и добрым делам строит козни, чтобы они погибли»).

⁵ Донат (исп. *donado* — «подаренный, пожертвованный») — в католической традиции человек, посвятивший себя служению монастырю, но не приносивший полных монашеских обетов. Этот статус часто принимали люди смиренного происхождения.

⁶ Ср. *Magister Sententiarum* (Пепер Ломбардский), IV, dist. 44; св. Фома Аквинский, *Сумма теологии*, I, q. 109, а. 3.

ГЛАВА XXVII. О СЛАВНЫХ ПОДВИГАХ ДОСТОЧТИМОГО БРАТА

Один философ почитал три вещи труднейшими: прощать обиды, хранить тайну и благоразумно распоряжаться временем¹. Во всех этих трёх искусствах брат Мартин достиг совершенства. Будучи, как уже говорилось, глубоко смирен, он великодушно прощал обиды. Он превосходно хранил тайны, не открывая даже духовнику тех великих милостей, что часто получал из рук Божиих. Наконец, он так мудро распоряжался временем, что отказывал себе даже в необходимом для тела сне, ибо всецело посвящал себя святым подвигам. Казалось, при таком устроении жизни не оставалось и места для простительных грехов, от которых свободна была лишь Матерь Спасителя² и которых не может избежать даже праведник, ибо и он падает семь раз на дню (ср. Притч. 24:16). Я не хочу этим сказать, что слуга Божий не совершал лёгких проступков, которых никто не может избежать; утверждаю лишь, что, весьма мудро распределяя свое время, он тем самым избегал многих грехов.

Чтобы положить дню доброе начало, он первым делом целовал руку первому встретившемуся священнику, и это действие он совершал с глубочайшим почтением, преклонив колени. Затем, выслушав мессу с несравненным благоговением, он отправлялся в лазарет, куда его определило послушание. Там он с таким рвением отдавался служению страждущим, что не было дела, которого бы не коснулось его милосердие; в любом месте и в любое время, днём и ночью, он без усталости предавался трудам пламенного человеколюбия: пускал кровь, лечил и омывал больных, исполняя одновременно обязанности цирюльника, хирурга, ризничего и больничника. И во всех этих столь разных служениях он проявлял такое усердие и расторопность, что становилось ясно: в душе его обитает Бог, и все это — плоды Божественной благодати. Он ходил из кельи в келью, ища, в чем бы послужить страждущим, и стоило его внимательному взору приметить нужду, как он тотчас ретиво спешил на помощь. А когда посреди этих трудов дух звал его к молитве, он, старательно завершив дела, переходил от деятельной жизни к созерцательной, уединяясь для молитвы в самом укромном уголке своей кельи.

Затем он в опрятной и чистой утвари разносил больным пищу, один вид которой уже возбуждал аппетит, а изысканность яств превозмогала даже испорченный вкус

болящего. И поскольку они видели добрую волю и сердечное расположение своего заботливого больничника, то, чтобы доставить ему удовольствие, ели даже больше, чем могли, зная, что это угощение было приготовлено из любви и согрето на огне милосердия. После этого он шел на общую трапезу, не столько ради себя, ибо ел он совсем мало, сколько ради голодных бедняков, поджидавших его, о чем уже говорилось выше.

Возвратившись в лазарет, слуга Божий снова навещал больных, подметал их кельи, поправлял им постели и с великой заботой исполнял самые отвратительные обязанности по поддержанию чистоты. Бывало, он выходил и за пределы монастыря, либо по послушанию, либо чтобы просить милостыню для нищих. Остаток дня и ночи он проводил в пламенной молитве, о чём будет сказано далее, и в истязании плоти суровыми бичеваниями, о чём уже упоминалось. Меньше всего времени он тратил на сон, ибо, не считая тех коротких мгновений, что он, как уже отмечалось, позволял себе отдохнуть, блаженный брат проводил ночи следующим образом. Обычно он забирался в какой-нибудь из высоких ящичков, где хранилась одежда больных, и там, сложив на груди руки крестом, в позе, более способствующей умерщвлению плоти, нежели отдыху, ибо ноги свисали наружу, он спал, пока не свершалось некое подобие чуда: кот, наученный высшим наитием, а не ведомый природным чутьем, начинал дёргать и царапать его облачение, будя его в урочный час к заутрене. Этот обычай он соблюдал всю свою жизнь.

Затем брат Мартин вновь предавался бичеванию и продолжал молитву до самого утра, возобновляя тем самым суточный круг своих подвигов — круг добродетели, а не порока. Таков был его обычный распорядок дня. Но когда он вдруг оказывался не слишком занят (например, больных становилось меньше) и у него оставалось изрядно времени, он спускался в монастырский сад и неустанно трудился там: копал, поливал и сеял лекарственные травы для больных и нищих. То же самое он делал и в полях, и на окраинах города. И на все эти труды небеса давали ему время, к великому изумлению всей обители, так что казалось, будто он сам умножается, чтобы поспеть повсюду, или же Бог чудесным образом удлиняет для него дни и ночи, дабы дать время тому, кто так хорошо умеет им распорядиться.

¹ Изречение традиционно приписывается Фалесу Милетскому, одному из Семи мудрецов. В «Антологии» Стобея оно приводится в следующем виде: «Три вещи, говорил он, всего труднее: хранить тайну, хорошо употреблять досуг и сносить обиду» (Stob. III, 1, 172).

² Ср. св. Фома Аквинский, Сумма теологии, III, q. 27, a. 4.

ГЛАВА XXVIII. О ТОМ, КАК БРАТ МАРТИН ПРИСТУПАЛ К СВЯТЫМ ТАИНСТВАМ, О ЕГО НАБОЖНОСТИ И УСТНОЙ МОЛИТВЕ

Святые таинства подобны лекарствам для души, ибо их оставил нам тот Небесный Врач, что сказал: «не здоровые имеют нужду во враче, но больные», и что пришел Он «призвать не праведников, но грешников к покаянию» (ср. Мф. 9:12-13). Они столь необходимы в духовной жизни христианина, что, лишившись их, он не сможет одолеть трудный путь добродетели. Досточтимый брат Мартин, так благоуспешно и

уверенно шедший по верной стезе совершенства, никогда не пренебрегал тем, что было для него столь важно.

Исповедовался он часто, а его покаяние было столь глубоким и сопровождалось таким обилием слёз и рыданий, что духовники его приходили в смущение, видя безмерную скорбь о грехах, которые в действительности были лишь простительными и неумышленными проступками. Но поскольку слуга Божий обладал несравненно глубоким познанием Господа, то перед лицом Его бесконечной святости малейшие собственные несовершенства представлялись ему великими грехами. В этом он подражал нашему славному патриарху св. Доминику, который, прежде чем войти в какой-либо город, падал ниц и усердно молил Всевышнего защитить жителей от гибели, грозящей им из-за того, что в их пределы вступает такой страшный грешник, как он.

Брат пламенно чтит всесвятое Таинство алтаря — сию пищу сильных, угощение с трапезы Божией, воспоминание о Его страстях, благодаря которому мы, верные, имеем осязаемый залог жизни вечной. Брат Мартин принимал его каждые три дня с примечательной пользой для своей души и с несравненным ликованием сердца, духовно общаясь с Богом живым (ср. Пс. 83:3) всем своим существом. И хотя он мог бы причащаться ежедневно, ибо, как гласит Декрет, ежедневное причащение само по себе ни похвально, ни предосудительно, но зависит от доброго или дурного расположения того, кто приступает к Трапезе алтаря¹, — тем не менее, из чистого смирения и движимый тем глубоким самопознанием, что даровал ему Бог, он не осмеливался принимать Его каждый день. «Лучше, — говорил досточтимый брат, — много готовиться и мало причащаться». И воистину, как бы мало ни причащался человек, то, что он получает, — велико; и как бы много он ни готовился, любая подготовка — мала. Брат Мартин не осуждал частого причащения, но убеждал в необходимости благоговения, которое от частоты может уმაляться². Посему, опасаясь, как бы частое повторение не привело к меньшему благоговению, слуга Божий воздерживался от ежедневного причащения и приступал к таинству лишь на третий день. И так как блаженный брат причащался чаще, чем то было предписано уставом — раз в восемь или пятнадцать дней³, — он испрашивал на то позволения у настоятеля, ибо, по воле Божией, даже самые добродетельные поступки обретают свою истинную заслугу лишь через послушание настоятелям.

В дни святого причастия, когда Господь осенял его Своею благодатью, брат Мартин отдалялся от всех, всё внимание своё целиком посвящая высокому Гостю, и в тишине сердца своего беседовал лишь с Ним одним. И сколько бы ни искали его в монастыре, не могли найти, если только какое-либо дело милосердия или неотложная обязанность не понуждали его явиться. Благоговение и внимание, с которыми он внимал Богу в таинстве, приносили обильные плоды, ибо добродетели его чудесным образом возрастали, в особенности же смирение, по которому и можно судить о духовном преуспевании и совершенстве. Так, в те дни, когда причащались полноправные иноки, светские братья и донаты, он смиренно принимал Господа последним из всех, почитая себя наименее достойным приступить к столь грозной трапезе.

Он чрезвычайно глубоко чтит Царицу Небесную, Пресвятую Марию, Владычицу нашу. Почитать Её важнее, чем всех прочих святых, ибо ни добродетель не будет истинной, ни святость — подлинной, если человек не угоден Сыну; а угодить Сыну невозможно, не обрета благоволения Его Матери, а потому Бог, избрав брата

Мартин для Себя, вложил в его сердце любвеобильное благоговение к Марии. Он часто, днём и ночью, посещал её алтарь, с великим пылом и духовной нежностью читал её святейший розарий — молитву, столь угодную Богу и Его Матери, что через неё люди издавна получали и будут получать неисчислимые милости и благодеяния. Не сомневаюсь, что и брату Мартину Царица ангелов являла великие милости. И хотя его великая осмотрительность всегда побуждала его молчать о них, а его крайнее смирение никогда не позволяло ему говорить о них, доподлинно известно, что несколько раз Царица всего сотворённого являлась ему в сопровождении других святых, которых он почитал, и оказывала Своему слуге несказанные милости, о чем будет рассказано далее.

Он также весьма чтит славного патриарха св. Иосифа, питателя и наречённого отца Христова, единственного супруга Марии. Как благодарный сын, он питал глубокую нежность и пламенную любовь к нашему славному отцу св. Доминику, которого почитал отцом духовным, учителем добродетели и образцом всяческого совершенства. От него он стяжал особые милости, о чём будет сказано впереди. То же самое происходило и с другими святыми, которых он почитал.

Он благоговел перед Богом повсюду, зная, что Он вездесущ. И по этой причине блаженный брат при всём своём величии в Царстве воинствующей Церкви (ведь он одновременно и исполнял заповеди, и учил им (ср. Мф. 5:19)) никогда не осмеливался покрывать голову в присутствии Вседержителя творения, Царя царей и Господа господствующих. Он с несказанным благоговением пребывал в храме, доме Божиим, где Господь обитает в таинстве; молился там денно и нощно, преклонив колени, скрестив на груди руки и устремив взор в землю или вовсе закрыв глаза, дабы не отвлекаться в молитве. Из-за этого один инок однажды в шутку сказал ему: «Брат Мартин, откройте глаза, и в прекрасном убранстве алтаря, в сладости благовоний, в разнообразии искусных украшений и живых цветов и в сияющем множестве свечей вы увидите проблеск подобия небесной славы». На что брат Мартин мудро отвечал: «Отче, все это и многое большее я вижу верою, которая не нуждается в глазах, чтобы видеть то, во что заставляет верить».

Он обычно посещал хор, и хотя его обеты не обязывали его к этому, его влекла туда набожность⁴. Никогда не пропускал полунощницы, если только его не удерживало какое-либо неотложное дело милосердия. Он с великой радостью и усладой духа пел божественные хвалы, призывая к тому все творения, и желал бы обрести множество языков, дабы всеми ими восхвалять Господа, Который превыше всякой хвалы. Ну и паче всего радовалась душа его, видя, с каким благоговением и торжественностью совершается богослужение в нашем славном монастыре Розария.

¹ Ср. *Decretum Gratiani, De Consecratione, Dist. 2, c. 14 (Quotidie)*.

² Эта мысль восходит к рассуждениям св. Фомы Аквинского (*Сумма теологии, III, q. 80, a. 10*), который, разбирая вопрос о ежедневном причащении, приводит довод о том, что привычка может привести к умалению благоговения (*reverentia*).

³ Ссылка на устав Доминиканского ордена, который регламентировал частоту причащения для братьев.

⁴ Донаты и светские братья не были обязаны присутствовать на всех богослужениях на хорах, в отличие от иеромонахов и «хористов».

КНИГА ВТОРАЯ О ЧУДЕСНОЙ ЖИЗНИ БРАТА МАРТИНА ДЕ ПОРРЕСА

ГЛАВА I. О МЫСЛЕННОЙ МОЛИТВЕ СЛУГИ БОЖИЯ

Недаром святые и Учители Церкви неустанно возносят хвалу мысленной молитве, её плодам и благодатным последствиям, а паче всего — той славе, которую она приносит Богу. Ибо, как говорит Псалмопевец, когда сердце человеческое возносится к созерцанию небесного и божественного, тогда превозносится и величается Господь, Который до того был словно бы унижен в человеке, склонявшемся, подобно неразумной твари, к вещам земным (ср. Пс. 63:7-8). Молитва избавляет от греха, молитву заповедует Спаситель в Евангелии Своём, молитва есть царский путь на небеса, как говорит наставница духовная и учительница мистического богословия св. Тереза Иисусова. И те, кто идут путём молитвы, по слову святой, обретают бесценное сокровище¹.

Не захотел лишиться этого сокровища и превосходный муж брат Мартин де Поррес, а потому вся жизнь его стала одной непрерывной молитвой. Он с успехом подвизался на всех её ступенях, славно пройдя три пути: приступив к ней как новоначальный на пути очистительном, продолжив как преуспевающий на пути просветительном и завершив как совершенный на пути единительном. При этом он никогда не оставлял подвигов, свойственных всем трем путям, что и есть, по учению мистиков, верный признак добродетели. Дабы не оступиться на столь опасной и трудной стезе, он опирался на глубочайшее смирение, ибо невозможно, чтобы Бог попустил диаволу, который преображается в ангела света, будучи князем тьмы (ср. 2 Кор. 11:14), обмануть того, кто обладает этой добродетелью. И поскольку брат Мартин приступал к молитве с покорностью, ища не духовных усад, а преуспевания в добродетели, то Сам Бог говорил с ним и наставлял его как Учитель. Он столь преуспел в сей божественной школе, что каждая новая милость, ниспосланная ему свыше, лишь глубже погружала его в смирение. Это верный знак того, что им руководил Дух Божий, ибо Он рождает в нём такое смирение, какого не может дать диавол, который, будучи отцом надменности и «царём над всеми сынами гордости» (Иов 41:25), способен внушить лишь гордыню, самодовольство и нерадение в духовной жизни. Таковы его плоды, ибо, как сказал Аристотель, каждый говорит и действует в соответствии с тем, кто он есть².

Семь часов в сутки, днём и ночью, брат Мартин посвящал молитве, что при его многочисленных занятиях достойно великого удивления. Впрочем, и среди повседневных трудов он не оставлял своего главного делания — непрестанной молитвы, всегда памятуя, что пребывает в присутствии Бога. Телом он находился в лазарете, а духом — на небесах; он ухаживал за нуждающимся больным и созерцал Бога, ради Которого это делал; он врачевал раны страждущего и умилялся ранам Христа распятого. Так внешние труды телесные не препятствовали внутренним устремлениям его души.

Тем не менее, чтобы свободнее наслаждаться общением с Богом, он часто уединялся, ища Господа в безмолвии. Туда Дух Святой уводил его душу и, давая ей вкушать «сладкое млеко» благоговения, говорил, как через пророка Осию, «к сердцу её» (ср. Ос. 2:14). И говорил столь ясно, что брат Мартин, опьяненный сладчайшим вином любви, озарённый в сердце горним светом, не в силах сдержать необычайного порыва, изливал в словах ту сладость, что переполняла его сердце (ср. Мф. 12:34, Лк.

6:45). С пламенной любовью, со слезами на глазах, он громко восклицал: «О, сколь сладостен Бог, сколь достоин Он любви!» — и непрестанно повторял эти слова.

Обычно он молился в зале капитула, где хоронят иноков, и когда кто-либо умирал, он становился на молитву над могилой усопшего. В иные времена он простирался крестообразно и, лобызая пол, долго пребывал в молитве. Он был так постоянен в этом благодатном подвиге, что колени его покрылись мозолями, как то пишут о славных апостолах Варфоломее и Иакове Младшем³.

Столь высоко возвёл его Господь по лестнице совершенства, что даровал ему бесценный дар созерцания, в коем наставляет лишь Дух Божий. А потому он не нуждался ни в рассуждениях, ни в предисловиях⁴, ни в чтении, ни в размышлении, как те, кто находится на первых ступенях или в молитве, называемой «молитвой покоя»⁵. Ибо, имея преобильный свет свыше и будучи совершенно отрешён от земного, он, едва становился на молитву, тотчас возносился к созерцанию высочайших тайн, которые Господь открывал ему как младенцу (ср. Мф. 11:25). Сила духа так увлекала его, что и тело его поднималось в воздух, и, заставляя его забыть о тяжести собственного естества, казалось, делала его телом духовным, каким, по слову св. Павла, будут обладать праведники после всеобщего воскресения (ср. 1 Кор. 15:44).

И вот так, с душою, омытой божественными лучами, исходящими от Отца светов (ср. Иак. 1:17), и погруженной в безмерное море сладости, он — «в теле ли, или вне тела», как говорил о себе в восхищении Апостол, не зная, как определить, но оставляя это одному лишь Богу, Который ведает (ср. 2 Кор. 12:2), — блаженно наслаждался в этом экстазе, или восхищении, или полете духа (что все одно и то же) такими сладостными утешениями, что и тот, кто их испытывает, не в силах их изъяснить. Там, умирая для мира и живя для Бога, он познавал истинную премудрость, ибо Господь в те мгновения давал ему предвкусить то Царство, что уготовал для него.

Зная, какие несравненные милости щедрая рука Божия дарует ему в молитве, человек Божий, дабы избежать мирских похвал, искал самые укромные и уединенные места, где мог бы без помех пообщаться с Богом. Бесчисленное множество раз его заставляли в экстазе, парящим в воздухе. И хотя обо всех этих случаях рассказать невозможно, о некоторых всё же не умолчим.

Однажды один странник, которому он из милосердия давал приют в своей келье, искал слугу Божия и, усердно обследовав весь монастырь, нашёл его в чердаке над церковными сводами, где тот зачастую уединялся. Но, хотя он и обнаружил его, крики его не могли привести брата Мартина в себя — столь глубоко был он восхищён в общение с Богом. Пребывая в сосредоточенной молитве, коленопреклоненный, с благоговейно сложенными руками, он парил в воздухе, обратив лицо к главному алтарю, где почивали Святые Дары.

В другой раз тот же свидетель, войдя в келью досточтимого брата, застал его в экстазе, парящим в воздухе перед образом Плата св. Вероники. И тот же юноша замечал, что лик на образе то румянился, то страшно бледнел от скорби, пока слуга Божий молился.

¹ Св. Тереза Авильская, *Путь к совершенству*, гл. 21.

² Ср. Аристотель, Никомахова этика, кн. I.

³ Глосса: *In eorum historiis*– «как написано в их житиях».

⁴ «Предисловия» (*исп. preámbulos*) — технический термин мистического богословия, обозначающий подготовительные шаги к мысленной молитве, такие как мысленное представление евангельской сцены (*composición de lugar*) или прошение о даровании определённой благодати (*petición*). Автор подчеркивает, что брат Мартин достиг такой высоты созерцания, что более не нуждался в этих вспомогательных приёмах.

⁵ «Молитва покоя» (*oración de quietud*) — термин из мистического учения св. Терезы Авилльской, обозначающий одну из степеней созерцательной молитвы.

ГЛАВА II. ГДЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ ЖЕ

Служил человеку Божию один обездоленный юноша, которого тот держал при себе не для собственных надобностей, но для помощи бедным, а на мой взгляд, то устроил Промысл небесный, дабы был хоть кто-то свидетелем деяний святого брата. Однажды, около двух часов пополудни, войдя в келью брата Мартина, юноша этот застал его на молитве пред распятием: руки его были простерты крестообразно, взор с благоговением устремлён на святой образ, а всё тело парило в воздухе на высоте человеческого роста. Пораженный этим чудом, юноша выбежал из кельи, чтобы поведать об увиденном одному светскому брату, который впоследствии стал священником (звали же его бр. Фернандо Арагонес). Тот, часто наблюдая чудесные деяния брата Мартина, не особенно изумился, ибо его способность удивляться притупилось — правда, не от малости чудес, а от их изобилия. И потому он сказал испуганному юноше, что в дальнейшем он весьма часто будет видеть подобное, а потому перестанет дивиться подобным происшествиям. И действительно, помощнику ещё не раз доводилось заставлять человека Божия в молитвенном восхищении, парящим в воздухе над землёю.

Как-то раз брат Мартин в сопровождении этого юноши отправился в поля, чтобы, по обыкновению своему, посеять ромашку и другие лекарственные травы во вспоможение бедным. Протрудившись большую часть дня, он стал на молитву, прося Творца благословить его посевы. Не прошло и краткого времени, как он поднялся от земли более чем на три вары¹ в высоту и пребыл в таком состоянии более полутора часов, лишь с наступлением ночи вернувшись со своим спутником в монастырь.

Однажды некий инок, разыскивая слугу Божия, вошел к нему в келью и дважды окликнул его по имени. Не дождавшись ответа, он уже направился к выходу, как вдруг почувствовал, что задел капюшоном что-то над головой. Подняв голову, чтобы посмотреть, что это такое, он увидел человека Божия, который парил в воздухе над дверью кельи — потому-то капюшон на голове инок и коснулся ног досточтимого брата, погружённого в молитву.

В другой раз, около десяти часов утра, иной монах, викарий монастыря, искал брата Мартина по какому-то делу. Войдя в его келью, он увидел сего восторженного мужа, который в пламенной молитве чудесным образом парил в воздухе перед образом святого мученика Авксилія. При этом Господь, дабы дела Марфы не отвлекли

молитвенника от святого безмолвия Марии, соделал викария невидимым для его глаз.

Чаще всего, как уже упоминалось, слуга Божий уединялся для молитвы в зале капитула, где его много раз видели в восхищении и вне себя. Однажды ночью один из монастырских негров, случайно войдя в зал капитула, выбежал оттуда в изумлении и, позвав монастырского хирурга по имени Марсело де Рибера, попросил его пойти посмотреть, что там происходит. Войдя, тот увидел слугу Божию, вознесённого в воздух почти на четыре вары в высоту и с распростёртыми крестообразно руками пред образом Распятia, что находится на алтаре капитула. Все тело его, чудесным образом соразмерившись со святым образом (хоть и несколько съёжившись), повторяло его очертания, подобно тому, как сделал Елисей², но не для того, чтобы передать бездушному телу жизнь телесную, а чтобы принять от Бога жизнь для души своей. Надёжными свидетелями этого чуда стали также брат-магистр Антонио де Арсе и другой инок, которые в ту же ночь, по прошествии немалого времени, видели, как он вышел из зала капитула и направился в свою келью.

Сподобились узреть чудеса Божии, явленные в Его слуге брате Мартине, также брат-магистр Херонимо Флорес и несколько других иноков, которые однажды после общей трапезы ясно видели досточтимого брата в том же зале капитула, вознесённого на четыре вары в высоту и обнимающего образ Распятia, Который, словно божественный магнит, влёл к себе своего слугу. Другие же слышали, как он в том же зале капитула говорил с этим образом и как образ отвечал ему.

В другой раз один простодушный донат, в котором не было и тени лукавства, выходя после утрени, громко закричал, сзывая всех «хористов»³, дабы они поспешили увидеть брата Мартина, который в зале капитула, вознесённый духом, обнимал святое Распятie.

Услышав от бр. Игнатия св. Доминика, доната славной добродетели и примерной жизни, что тот доподлинно знает об экстазах и восхищениях человека Божия, отец-презентат⁴ бр. Христофор св. Иоанна спросил его, видел ли он брата Мартина в восхищении, как о том говорили в монастыре. На что бр. Игнатий отвечал: «Я более шести раз видел брата Мартина вознесённым и парящим в воздухе». Спустя несколько месяцев, когда упомянутый бр. Игнатий св. Доминика был уже на пороге смерти, тот же отец-презентад вновь повторил ему свой вопрос. На что донат с некоторым раздражением от его назойливости отвечал: «Отче, сколько раз мне вам говорить, что причиной, по которой я принял облачение отца нашего св. Доминика и пришел в его орден, оставив свою порочную жизнь, было то, что я видел брата Мартина в восхищении, вознесённого в воздух и обнимающего образ Распятia в зале капитула? Не терзайте меня более и знайте лишь, что брат Мартин — великий слуга Божий».

Когда брат-магистр Антонио де Арсе был уже при смерти, настоятели велели отыскать слугу Божию, дабы он как больничник поухаживал за ним. Искавший его по всему монастырю донат бр. Мартин Кабесас обнаружил его в зале капитула парящим в воздухе и обнимающим образ святого распятia, прильнув устами к ране в боку. Его охватил благоговейный трепет, вполне сообразный с увиденным чудом, а когда он вышел в главный клуатр, то, увидев трёх иноков — отца-презентата бр. Диего Сармьенто, бр. Херонимо Браво и бр. Франсиско Морено, — в испуге сказал им:

«Посмотрите, отцы, как этот мулат одержим Богом: обнимает Иисуса Христа и не слышит колокола, что зовёт его на послушание!» Иноки вошли в зал капитула и воочию узрели чудо, о котором только слышали ушами: у них на виду брат Мартин мало-помалу опускался к подножию алтаря. И, уже зная по откровению от Господа, с Которым только что пребывал в общении, зачем его искали настоятели, он, выйдя из зала капитула, произнёс: «Отец магистр, не тревожьтесь, но готовьтесь, ибо вы отправляетесь в путь всякой плоти». Предсказание его сбылось в точности: четырнадцать часов спустя тот инок преставился.

Кроме упомянутых случаев, также и иные достойные доверия люди уверяют, что много раз видели слугу Божия в экстазах и восхищениях в том же зале капитула, в его келье и в других местах.

Во всех описанных случаях, по Божественному устройению, свидетелями были один, два или три человека. Но в иные времена, желая всенародно прославить Своего слугу, Господь устраивал так, чтобы вся община видела дивные милости, которые Он ему оказывал. Однажды ночью человек Божий по обыкновению своему пребывал в глубокой молитве пред святым образом Царицы Небесной, установленным на алтаре в dormitorio, где иноки читают малый официй Владычице, Заступнице нашей премилостивой (обычай столь же древний, как и сам орден наш), — и вот, когда брат Мартин встал с молитвы, чтобы продолжить её на хорах, путь ему освещали два прекраснейших юноши с пламенниками в руках. Все иноки, присутствовавшие на утрени, сочли их блаженными ангелами, ибо видели их при свете пламенников, что они несли, и дивились им, славя Господа, Который столь благодарен за малые усилия людей, что не перестает возвеличивать тех, кто от всего сердца поклоняется Ему, венчая наши заслуги, которые суть Его же дары, как говорит святой Августин⁵.

¹ Вара (исп. vara) — старинная испанская мера длины, равная примерно 84 см. Таким образом, три вары — это около 2,5 метров.

² Ср. 4 Цар. 4:34: «И поднялся и лег над ребенком, и приложил свои уста к его уста, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся на нем». Автор проводит параллель между чудом пророка Елисея, воскресившего отрока, и мистическим состоянием брата Мартина, чье тело в воздухе чудесным образом соразмерялось с изваянием Распятого Христа, располагаясь точно напротив него: глаза напротив глаз, уста напротив уст и т.д.

³ Хорист (исп. corista) — в монастырской иерархии того времени молодой инок, уже принёсший обеты, но ещё не рукоположенный в священники, основной обязанностью которого было пение на клиросе.

⁴ Презентат (Presentado) — в Доминиканском ордене старинная академическая степень, соответствовавшая магистру богословия.

⁵ Ср. св. Августин, Исповедь, IX, 13, 37. Глосса на полях оригинала отсылает к постановлениям Тридентского собора: (Сесс. VI, гл. XVI), в которой, где, в частности, говорится: «...Такова Его доброта ко всем людям, что Он желает, чтобы их заслугой было то, что Им самим даровано» (пер. Евг. Розенблюма)

ГЛАВА III. О МНОГИХ ДРУГИХ МИЛОСТЯХ, КОТОРЫЕ БРАТ МАРТИН ПОЛУЧИЛ С НЕБЕС ПОСРЕДСТВОМ МОЛИТВЫ

Поскольку молитва есть главный путь общения между Богом и людьми, то, без сомнения, она и есть врата ко всем тем благодатным дарам, что Господь изливает на души, как говорит св. Тереза Иисусова¹. Эту истину в полной мере испытал на себе слуга Божий, ибо Господь так щедро одарял его в ответ на молитвы, что к уже упомянутым немалым дарам присовокупил и многие другие, ещё более великие.

Те четыре свойства — светлость, тонкость, быстрота и бесстрастность, — которыми Бог через душу наделит тела Своих избранников при всеобщем воскресении, Он, по видимому, даровал Своему слуге ещё в этой смертной жизни, о чём свидетельствуют чудеса, которые тот творил на каждом шагу. В них порою проявлялась светлость, порою — тонкость, иногда — быстрота, а иногда — бесстрастность.

Светлость — это свойство, благодаря которому тело сияет ярче солнца. И много раз видели, как тело слуги Божия испускало столь ослепительные лучи, что они слепили глаза очевидцев.

Однажды ночью Господь послал на этот город страшное землетрясение — верного вестника гнева Своего и средство пробуждения для грешников, спящих в пороках своих. Пробудившись в страхе, юноша, что служил брату Мартину, увидел его распростёртым на земле в виде креста: уста его прильнули к кирпичу, а в руке он сжимал розарий. И хотя в келье не было свечи, её наполнял неземной свет, своим сиянием превосходивший полуденное солнце. Юноше показалось, что брат Мартин спит, хотя сердце его бодрствовало (ср. Песн. 5:2), и, страшась землетрясения, которое грозило обрушить стены, стал громко звать его и даже тормошить. Видя, что на столь сильные толчки тот не отвечает, он решил, что тот умер, и сообщил об этом досточтимому бр. Михаилу св. Доминика. Тот пришел, чтобы удостовериться в случившемся, и, увидев в келье сверхъестественно-яркий свет и сияние, понял, что брат Мартин не умер, но по обыкновению своему пребывает в глубокой молитве. Ту ночь юноша от страха проспал вне кельи брата Мартина. Утром слуга Божий сделал ему строгий выговор, сказав, чтобы впредь молчал о том, что увидит в келье, и не разглашал того по монастырю. В этой своей скрытности он подражал Спасителю, Который, творя чудеса в мире, таинственно заповедовал молчание, дабы научить нас избегать тщеславия.

Тот же юноша, удостоившийся быть свидетелем предыдущего чуда, стал очевидцем и другого, подобного ему. Пробудившись однажды ночью в келье брата Мартина, он застал слугу Божия распростёртым на земле в молитве по примеру нашего славного отца св. Доминика; и всю келью, хоть в ней и не было зажжённой свечи, заливал такой яркий свет и сияние, что он замер в великом изумлении.

Милости, которыми небеса прославили досточтимого брата, были необычны и немногим дарованы. Ими Господь являл людям его добродетель, дабы побудить их к подражанию, и указывал на высоту, до которой возносится самое глубокое смирение.

Однажды ночью, когда иноки пели в хоре торжественную утреню, они увидели, как на кого-то, находившегося в пресвитерии, снизошёл необычайно яркий свет. Они поспешили вниз, чтобы узнать, в чем дело, и застали слугу Божия на коленях, в столь глубоком восхищении, что он, казалось, совершенно не замечал дивного света,

который пылал у самого его лика, не причиняя ему вреда. Быть может, свет этот был видимым знаком той пламенной любви, что пылала в груди сего серафима; о том же, по-видимому, свидетельствовало небесное сияние и в следующем случае.

Один инок строгой жизни в поздний ночной час, как советует Давид, с воздетыми руками молился и благословлял Господа (ср. Пс. 133:2) в часовне чудотворного образа [Пресвятой Девы Марии] Розария, который служит утешением и прибежищем для всего этого города, днем и ночью взывающего к нему о помощи. Внезапно началось страшное землетрясение — верное знамение того, что грехи людские прогневали Божественное правосудие. Побуждаемый страхом, столь естественным в подобных случаях, инок прервал молитву, намереваясь покинуть церковь, хотя именно в святом месте и мог бы обрести защиту. Проходя через трансепт, он заметил, что изваяние нашего славного отца св. Доминика, установленное в боковом алтаре, чудесным образом не падая из ниши, отвернулось от нефа и обратило лик к главному алтарю, словно моля Божественное Таинство не губить Лиму этим землетрясением, как в минувшие века сей святой умолял Господа не истреблять мир тремя копьями². Другие добавляют, что ворота дарохранительницы чудесным образом отворились, и в них явился Сам Господь во Св. Тайнах.

Инок также заметил, что перед тем же алтарем нашего славного отца пребывал его истинный сын, брат Мартин, со сложенными руками, паря в воздухе. От подбородка до середины головы его лицо озарял дивный огненный шар — нет сомнений, что небеса так являли внутренний жар его благочестия, с которым он пламенно молился Богу за свой родной город.

Не менее примечателен и следующий случай. Однажды ночью один известный своей добродетелью инок бодрствовал в главном клуатре монастыря: ему надлежало в полночь разбудить братию на утреню, дабы их молитвы умиливали гнев Божий, который в те часы возбуждали грехи мирян. Однако, сморенный усталостью, он погрузился в глубокий сон. Внезапно яркий сноп света ударил ему в глаза. Проснувшись и решив, что уже рассвело, он понял, что проспал свою обязанность. Но, присмотревшись к свету, он ясно и отчетливо увидел, как мимо него по воздуху пролетел слуга Божий брат Мартин де Поррес, испуская от своего тела, словно оно уже было прославлено, необычайный свет и сияние. Изумленный и пораженный этим чудом, инок последовал за человеком Божиим и увидел, как тот, паря, влетел в арку, что находится перед dormitorio светских братьев, где была келья брата Мартина де Баррагана, мужа великой добродетели и совершенства. Его-то, от имени Господа нашего, словно посланник, он и упрекнул за то, что тот заставлял работать бедных индейцев, приходивших к воротам монастыря за едой, так что милостыня его оказалась не даром милосердия, а платой за их труд.

Столь редкостной была добродетель сего превосходного мужа, что своими деяниями, выходящими за пределы естественного порядка, он приводил в изумление и восхищение весь монастырь. Ибо, когда после долгих молитвенных бдений в зале капитула он выходил оттуда, столь великое сияние лучилось от него, что глубокой ночью весь клуатр озарялся, словно наступал день, а сам брат казался живым светильником, зажжённым на небесах. Подобно Моисею, который, лицом к лицу беседовав с Богом, выходил из облака Его славы, с ликом столь лучезарным, что сыны Израилевы не могли взирать на него (ср. Исх. 34:29-35; 2 Кор. 3:7), так и этот дивный муж после молитвенного общения с Господом столь ярко сиял

отражением Его дружбы, что разгонял ночную тьму исходящим от него светом. А затем, словно крылатый вестник, он взлетал на верхние хоры, где и исчезал. Иноки, видевшие и слышавшие, как он творит сии чудеса вопреки всем природным законам, испытывали благоговейный трепет и изумление.

Вот что можно сказать о даре светлости, которым Господь со всей очевидностью наделил его в этой жизни.

¹ Св. Тереза Авильская, *Путь к совершенству*, гл. 20.

² Св. Доминику было видение: Христос держал в руке три копья, чтобы покарать мир за три главных греха: гордыню, алчность и сладострастие.

ГЛАВА IV. О ДАРЕ ТОНКОСТИ, КОТОРЫЙ ГОСПОДЬ В РАЗНЫХ СЛУЧАЯХ ДАРОВАЛ СВОЕМУ СЛУГЕ

Благодаря тонкости можно вопреки телесной природе проникнуть сквозь самую неподатливую скалу без малейшего сопротивления. И Бог, хоть и не постоянно, но уделял сей дар досточтимому брату.

Как-то поздно ночью бр. Викентий Феррер из Ордена Проповедников, терзаемый в общежитии новициата жестокой горячкой, до того изнемог от жара и обильного пота, что, стеная, в сердечной тоске воззвал: «О, брат Мартин, кто бы дал мне сменить рубаху!» И свершилось нечто удивительное: в тот же миг в келье явился ему слуга Божий, с рубахой, кадильницей и жаровней. Больной, охваченный изумлением, ибо двери новициата в тот час были заперты, спросил досточтимого брата, как он проник. На что тот отвечал: «Молчите, не вникайте в это». И, сменив ему рубаху, вышел так же, как и вошёл. Впоследствии же подтвердилось, что, как и в других подобных случаях, двери общежития оставались заперты, а брат Мартин благодаря дару тонкости чудесным образом проходил сквозь них, ибо сами небеса отверзали ему путь.

И другое подобное чудо сотворил человек Божий, о чём под присягой свидетельствовал о. бр. Франсиско Веласкес из Ордена проповедников. Будучи новицием, он занемог столь тяжкой и опасной горячкой, что врачи от него уже отказались. И вот, в самом разгаре недуга, между часом и двумя ночи, в великой скорби и мучении обливаясь потом, он увидел, как в его келью, сквозь запертые двери, вошел слуга Божий с жаровней и рубахой. Достав из рукава немного розмарина, он [бросил его в огонь] согрел [рубаху] и с сердечной любовью надел её на новиция. Тот в благодарном изумлении спросил брата Мартина, кто сообщил ему о скорби и муке, в которых он пребывал в тот час. На что досточтимый брат отвечал: «Всё-то вам надо знать, юный умник! Оставайтесь с Богом; от этой болезни вы не умрёте». Новиций тотчас почувствовал большое облегчение и вскоре оправился от недуга. Когда он позже рассказывал об этом случае со всеми его удивительными подробностями отцу-презентату брату Андресу де Лисону, бывшему в ту пору наставником новициев, тот сказал ему, что это одно из чудес, которые довольно часто творил человек Божий, и что он, без сомнения, проник сквозь двери новициата, ибо они были заперты, а ключи находились у него, наставника, который в тот час спал, так как утренья была отслужена ранним вечером. Из чего сделали

вывод, что это было явное чудо — из тех, каковые Господь наш творит, дабы возвеличить крайнее смирение Своего слуги, который чудесным образом отворял двери отмычкой своей пламенной любви.

Другой новиций, по имени Франсиско Пачеко, страдая от мучительного недуга и зная о невероятном милосердии брата Мартина и о той чудесной быстроте, с которой он являлся на помощь страждущим, проникая ли сквозь запертые двери, пролетая ли по воздуху, как его уже видели не раз, с великим чувством стал взывать к нему, прося об облегчении в своей болезни. И, словно брат Мартин находился поблизости и мог расслышать слабый голос больного, он тотчас явился в поздний ночной час, чтобы его утешить. И так свершилось три чуда за один раз: он не только проник сквозь двери новициата, но и пророчески узнал о нужде больного и тотчас же её утолил, избавив его от недуга.

ГЛАВА V. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ ЖЕ

Отец-презентат бр. Андрес де Лисон, наставник новициев, посетив однажды ночью новициат, увидел в неурочный час слугу Божия в келье одного больного послушника; тот с милосердием помогал страждущему во всём, в чём тот нуждался. Понимая, что досточтимый брат никак не мог войти в обитель в такое время, наставник, стараясь остаться незамеченным, решил подстеречь его, дабы узнать, каким путём он выйдет. Прождав долгое время и не дождавшись, он вернулся в келью больного и, узнав, что брат Мартин уже ушёл, поспешил осмотреть двери новициата. Он убедился, что всё заперто, причём засовы, по обыкновению, были задвинуты изнутри, а ключи находились у него самого. Им овладел трепет, соразмерный необычайности происшествия, и он возблагодарил Бога, Который столь щедро венчает славою тех, кто служит Ему.

В другой раз блаженный брат также вошел в новициат при запертых дверях и, сменив одному больному иноку рубаху, облегчил его страдания, пророчески предугадав его нужду.

Некий Родриго Мелендес, укрываясь в монастыре Розария от кредиторов, страдал к тому же от рожи на ноге. Однажды ночью недуг донимал его сильнее обычного, и он, ища облегчения своим мукам, жалобно воскликнул: «Ах, если бы кто-нибудь принёс мне сейчас немного горячей воды, чтобы сделать припарку на ногу!» В тот же миг, хотя дверь его кельи была заперта на ключ изнутри, перед ним предстал слуга Божий. Он омыл больную ногу горячей водой, согретой огнём его пламенного милосердия, и больной тотчас почувствовал облегчение, но вместе с тем и пришёл в изумление. Он спросил брата Мартина, как тот сумел войти в запертую келью. На это человек Божий отвечал, что знает способ, чем не только не унял, но ещё и приумножил его трепет.

О. бр. Хуан де Салинас из Ордена проповедников страдал от весьма тяжкой болезни — кровохарканья, от которой в конце концов и скончался. Однажды ночью, когда он находился в келье с одним человеком, также укрывавшимся в монастыре, он почувствовал чрезвычайную слабость от обильной потери крови. А поскольку недостаток этой столь необходимой влаги вызывает жгучую жажду (оттого и Спаситель наш претерпел её на Кресте), больной сгорал от неё и, в мучительном желании облегчить свой приступ, сказал своему спутнику: «Ах, сеньор, если бы кто-

нибудь дал мне кусочек сахара¹ и кувшин воды, чтобы утолить терзающую меня жажду!» Едва он произнёс эти слова, как в келью вошёл досточтимый брат и принёс ему именно то, о чём тот только что просил, а вернее, чего желал. Изумлённый больной спросил его, как он вошёл, ведь келья была заперта на ключ, вставленный в замок изнутри. Тот отвечал, что у него есть свой способ войти, отчего больной пришёл в ещё большее изумление.

Другой инок, по имени Хуан Рамирес, будучи noviceм, страдал от тяжелой болезни. Ему страстно захотелось отведать некоего кушанья, и вот, хотя двери были заперты, ибо час стоял поздний, человек Божий прошёл сквозь них, вступил в келью noviceя и принёс ему то, чего тот так жаждал. Желание больного он узнал по откровению от Бога, Который на каждом шагу творил чудеса, дабы прославить Своего слугу.

Один инок в монастырском лазарете, оставленный врачами, умирал от неизлечимой водянки, находясь уже при последнем издыхании. Двое других братьев бодрствовали у его одра, чтобы в нужное время, по обычаю ордена, созвать общину на молитву в столь опасный миг. Но, сморённые сном, иноки уснули, словно никакой заботы у них и не было. И вот, когда дверь была заперта на ключ, а изнутри ещё и наброшена щеколда, перед ними явился брат Мартин. Он упрекнул их за нерадение в столь важном деле и обличил за то, что они спят, когда диавол не дремлет. Слуга Божий вошёл с жаровней в руках, с простынями и чистой сорочкой, чтобы переодеть больного, ведь по недосмотру тех, кто должен был за ним присматривать, он, сползши на холодный пол, окоченел до утраты речи. Именно эту нужду, узнав о ней пророческим духом, и спешил утолить брат Мартин. Пока он занимался этим делом милосердия, двое иноков, что ухаживали за больным, пошли проверить дверь и, убедившись, что она заперта на ключ, а щеколда наброшена изнутри, пришли в великий трепет. Изумление их ещё более возросло, когда через несколько дней они увидели, что больной водянкой исцелился от столь безнадёжного недуга и не уставал вновь и вновь благодарить Бога, Который, когда он менее всего ожидал, чудесным образом даровал ему здравие по заслугам Своего слуги. В этом случае брат Мартин сотворил три чудных дела: в три часа утра он пророчески узнал о нужде больного, прошёл сквозь запертые двери кельи и в скором времени даровал здравие инок, оставленному врачами и уже не имевшему надежды выжить. В деяниях этого дивного мужа одно чудо влекло за собой другое; подобно тому как Господь наш, спеша воскресить дочь Иаира, по пути даровал исцеление жене, двенадцать лет страдавшей от кровотечения.

¹ В XVII веке подслащённая вода была распространённым и самым быстрым способом восстановить силы и утолить сильную жажду, особенно при слабости от потери крови. Это было своего рода простое тонизирующее и укрепляющее средство, доступное в монастырских условиях.

ГЛАВА VI. О ДИВНОЙ БЫСТРОТЕ, КОТОРОЮ ГОСПОДЬ В РАЗНЫХ СЛУЧАЯХ ПРОСЛАВИЛ СВОЕГО СЛУГУ

Быстрота, благодаря которой тело, невзирая на величайшее расстояние, чудесным образом оказывается в самом отдалённом месте, не затрачивая на то никакого

времени, блистательно проявилась в сем превосходном муже, о чём свидетельствуют поразительные случаи, что с ним происходили.

По послушанию слуга Божий должен был трудиться на хуторе Лиматамбо. Но поскольку он имел святой обычай каждый день звонить к утренней молитве, то поручил это благочестивое дело одному светскому брату. Когда же тот не смог исполнить порученное из-за внезапной болезни, он попросил одного из монастырских негров звонить к утрени, пообещав ему в уплату за труд один реал, ибо человек и шагу не ступит, если не движет им корысть. И вот, однажды утром, поднимаясь по лестнице на колокольную, негр услышал, что к утрени уже звонят. Желая узнать, кто это с такой расторопностью его упредил, он увидел досточтимого брата Мартина, исполнявшего своё обычное благочестивое делание. Тот же, пророческим духом, велел ему взять обещанный за усердие реал и никому не говорить о случившемся. Негр остался в великом изумлении. Впоследствии же выяснилось, что в то самое время, когда слуга Божий звонил к утрени в монастыре, его видели трудящимся в поле, отчего иноки пришли в великий трепет, уразумев, каким даром быстроты прославил Господь Своего слугу.

Брат Мартин, как уже говорилось, имел обыкновение ходить на холмы сеять лекарственные травы в помощь бедным. Однажды вечером, погрузившись в молитву, он пребывал в восхищении, вкушая сладость, коей не изъяснить языком человеческим. Очнувшись, он увидел, что уже поздно, а до монастыря — целая лига¹ пути. Юноша, что ему прислуживал, спросил: «Отче, когда же мы доберёмся домой, если выйдем так поздно?» На это слуга Божий отвечал, чтобы тот не отчаивался и уповал на милость Божию, ибо они вскорости прибудут в монастырь. Так и случилось: хотя они находились ещё далеко от города, и юноше казалось, что они и с холмов не сошли, он, к своему изумлению, обнаружил, что уже входит в город вместе с братом Мартином. Так Бог уделил дар быстроты Своему слуге, а по его заступничеству — и спутнику, что был при нём.

В другой раз, после того как человек Божий беспощадно бичевал себя на холме, что в народе зовётся Аманкаэс, куда он обыкновенно ходил для этого подвига, наступила ночь. Досточтимый брат очнулся от экстаза и восхищения, в коем пребывал после бичевания, — ибо слуги Божьи ударами жестоких бичей отверзают врата небесные, дабы принять милости из Его рук. Спутник брата Мартина, видя, сколь велико расстояние, впал в уныние, ибо уже стемнело. Вскоре они очутились в оливковой роще, что лежала на их пути, и внезапно, неведомо как, слуга Божий и юноша оказались посреди моста в Лиме, преодолев расстояние по меньшей мере в милю, то есть треть лиги.

Дар быстроты, который Господь уделял Своему слуге, проявлялся и в других случаях, помимо описанных. Так, он пролетел по воздуху из главного клуатра в келью брата Мартина Баррагана, причём от тела его исходило сияние и лучи света, о чём уже говорилось выше. Наводя на всю обитель трепет и дивное изумление, он, как уже упоминалось, чудесным образом перелетал от дверей зала капитула до самых хоров, где и исчезал. Из всего этого можно заключить, сколь ярко проявлялся в слуге Божиим дар быстроты.

¹ *Лига (исп. legua) — старинная испанская мера длины, равная примерно 5,5 км.*

ГЛАВА VII. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ ЖЕ

Когда Бог желает почтить тех, кто верно Ему служит, нет такого замысла, которого бы не породила Его премудрость, и такого деяния, которого бы не свершило Его всемогущество. А потому не должны казаться нам неправдоподобными те поразительные чудеса, которые Он обыкновенно творит через Своих угодников. Сам Христос в Евангелии Своём сказал, что верующие в Него сотворят и бóльшие чудеса (ср. Ин. 14:12), нежели те изумительные знамения, коими Спаситель являл Свою божественность через владычество над природой, как тому учит святой Фома¹. И поскольку Он связал совершение чудес с верою, а вера слуги Его брата Мартина была велика, то, по-видимому, Господь и соразмерял чудеса с величием его веры. И как Сам Господь благоволил творить в Своей жизни неслыханные знамения в подтверждение Своего непреложного учения, так, кажется, и для превознесения сего смиреннейшего раба Своего Его могущество сотворило необычайные чудеса.

Поскольку история, а тем более история мужей, просиявших добродетелью, требует величайшей достоверности и правдивости, я представлю здесь сомнительное как сомнительное, а несомненное — как несомненное, дабы, с одной стороны, не погрешить против истины в предмете столь щекотливом, а с другой — воздать должную славу великим чудесам сего раба Божия. Свидетели утверждают, и таково общее мнение, что Господь переносил досточтимого брата духом в чужие и весьма отдалённые от Перу края, каковы, например, земли обширной Китайской империи. Свидетельством тому служат разные случаи, но паче всего — следующий, в достоверности которого я могу заверить читателя.

Однажды в беседе со слугой Божиим его большой друг по имени Франсиско Ортис рассказал брату Мартину, что в городе Маниле, столице и митрополии Филиппинского архипелага, подвизается один светский брат из ордена нашего славного отца св. Доминика — муж столь испытанной добродетели и такого редкого совершенства жизни, что за это его почитают архиепископ, знатные люди и весь простой народ. Рвение сего инок в делах благочестия простиралось так далеко, что он взял на себя труд обучения двадцати четырёх сирот чтению, письму и христианскому учению, и так был поглощён этим служением, что не выходил из монастыря и не знал улиц Манилы. И туда-то Бог щедрой рукой посылал ему пропитание для бедных детей, которых он воспитывал. Поскольку сердце досточтимого брата Мартина пылало любовью к Богу, а ради Него — и к ближним, и поскольку «любовь не завидует», как сказал Апостол (1 Кор. 13:4), то, услышав этот рассказ, он безмерно возрадовался о славе Господней и о пользе людской. По сему порыву Франсиско Ортис понял, что досточтимый брат зажётся горячайшим желанием лично пообщаться с тем светским братом, которого он знал и с которым встречался на Филиппинах. Свидетель этот утверждает, что не знает доподлинно, внял ли Господь, Чьи уши всегда внемлют мольбам рабов Его (ср. Пс. 33:16), благочестивым желаниям брата Мартина, перенеся его по всемогуществу своему в те далёкие края, дабы он пообщался с тем иноком из Манилы как с человеком одного с ним духа, устремления и призвания.

Что он утверждает, так это то, что, придя три дня спустя навестить досточтимого брата Мартина, друга Божия и своего, он застал его в величайшей радости. Блаженный улыбался, ликовал, веселился и говорил в совершенстве на китайском

языке, который его друг понял, ибо знал его. И поскольку из христианских земель к Китайскому царству ближе всего город Манила, и поскольку он застал человека Божия говорящим на китайском языке, свидетель этот из предшествовавших желаний брата Мартина и из той радости, что он тогда выказывал, говоря на упомянутом языке, заключил, что Господь (Который даёт больше, чем просят) даровал ему на сей раз побывать не только в Маниле, но и в Китае. Подобные же заключения готовы были сделать многие по поводу других различных происшествий, но поскольку они недостаточно подтверждены, я о них не упоминаю, хотя и существует стойкая молва и единодушное мнение, что эти предположения истинны. Я же счёл своим долгом поведать о том, что нашёл в письменных свидетельствах. Ибо в народе живёт твёрдая вера, что Бог переносил Своего слугу духом в Китайское царство, а умолчать о деле, послужившем к великой славе Божией и чести Его раба, было бы непростительно.

¹ Ср. св. Фома Аквинский, *Сумма теологии*, III, q. 43, a. 4.

ГЛАВА VIII. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ ЖЕ

Не один инок, писавший житие досточтимого брата, свидетельствует, что тот многократно переносился на три обширных острова Японии — Меако, Химо и Хикоко¹, — дабы с пламенным рвением проповедовать истинную веру в Иисуса Христа: столь горячо он желал, чтобы вера эта распространилась по всему миру, а народы, пребывающие во тьме идолопоклонства, приняли свет Евангелия, познав и возлюбив Творца всего сущего и всеобщего Искупителя. По слухам, это дивное путешествие слуга Божий совершал в особенности в те дни, когда причащался Святых Тайн. В подтверждение тому один достойный доверия инок, в чьём ведении находилась пекарня на хуторе Лиматамбо, откуда доставляли хлеб для пропитания монастыря Розария, уверял, что досточтимый брат, трудясь в поместье, всякий раз после причастия подходил к нему и со всей поспешностью просил наполнить ему рукава хабита хлебом, а затем удалялся и исчезал, так что его нигде не могли найти.

Отсюда можно заключить, что он просил столько пропитания не для себя одного, ибо сам довольствовался малым. Скорее всего, в долгое путешествие, которое он, по слухам, совершал, он принимал в напутствие для души спасительный хлеб жизни — пресвятое Таинство алтаря, что сошло с небес для нашего блага, — а для пропитания тела брал немного тленного хлеба земного, дабы и там, куда он отправлялся, раздать его как милостыню. И дабы придать сему рассуждению большую убедительность, я приведу дословно то, что отец-презентат бр. Франсиско де Арсе из Ордена проповедников заявляет в ходе дознания о жизни слуги Божия, отвечая на восьмой вопрос из опросного листа.

На восьмой вопрос он ответил: «Досточтимый брат Мартин де Поррес всегда жил по вере в Господа нашего Иисуса Христа и был твёрд в ней, желая, чтобы вера эта распространялась и утверждалась по всему миру, и чтобы все народы пришли к познанию её и приняли благое иго Евангелия. В доказательство тому приведу свидетельство другого инока, мужа высокой добродетели, который также трудился над жизнеописанием брата Мартина. Он уверял, что большую часть времени досточтимый брат переносился духом в Японию и там, в отдалённых

провинциях той обширной империи, беседовал с её жителями о предметах веры». Таково его свидетельство.

Франсиско де Вера Монтойя, свидетель, допрошенный в ходе сбора сведений о жизни и добродетелях брата Мартина, принеся установленную законом присягу, заявляет, что знал в сём Городе Королей одного человека, имени которого не помнит, но тот поведал ему, что, будучи в плену в Берберии, весьма часто видел слугу Божия брата Мартина де Порреса, доната ордена отца нашего св. Доминика, который с несказанной любовью и пламенным милосердием приходил к пленникам в Алжире: врачевал болящих, питал голодных, одевал нагих и помогал всем, в чём бы ни представилась нужда. Он утешал их, стараясь облегчить неизбежные бедствия плена среди неверных; питал в них надежду на освобождение и спасительными советами увещевал их стоять твёрдо в вере, дабы не сломиться под непрерывными ударами супостатов. И хотя тот, кто поведал о случившемся, сам получал свою долю милостины от слуги Божия, он так и не узнал, откуда тот приходит и кто он таков. Лишь получив через несколько дней свободу и отправившись в Испанское королевство, а оттуда перебравшись в сии Западные Индии, он, пребывая в городе Лиме, зашёл однажды из любопытства в великий монастырь Проповедников, слава о котором гремит по всей Европе, и тут повстречал досточтимого брата. Узнав его и решив, что тот также прибыл из Алжира, он с любовью обнял его и спросил, когда тот прибыл. Но слуга Божий знаками, с великой настойчивостью, стараясь при этом не привлекать внимания, попросил его никому не говорить о его пребывании в Берберии, ибо так было нужно. Когда же свидетель этот впоследствии доподлинно узнал, что брат Мартин не отлучался из монастыря и не совершал столь долгого путешествия, о котором непременно стало бы известно, изумление его ещё более возросло. Рассказывая затем о столь дивном происшествии, он восславил Бога и Его слугу, через которого Он творил столь редкое чудо.

Не меньшее чудо сотворил Господь и в следующем дивном случае. Один купец, чрезвычайно почитавший брата Мартина по причине высокого мнения о его добродетелях, какими тот и впрямь обладал, решив отплыть в Новую Испанию, пошёл проститься со слугой Божиим и настоятельно попросить его молитв о благополучии в столь долгом пути. Завершив путешествие и прибыв в город Мехико, он был сражён опасной болезнью. Вспомнив посреди своих мук, что сострадательный брат Мартин всегда облегчал его недуги, и тоскуя по его помощи, он стал с любовью сетовать и, словно тот был рядом, говорить ему: «Отец мой возлюбленный, брат Мартин де Поррес, будь вы здесь, вы бы излечили меня, утешили и исцелили!» Едва он произнёс эти слова, как, прервав его стенания, в дверях показался брат Мартин, озарённый улыбкой и радостью. Больной, объятый изумлением и трепетом при виде брата Мартина — зрелище поистине необычайное и дивное, — спросил слугу Божия, когда он прибыл. На что брат Мартин отвечал: «Только что». Больной спросил, живёт ли он в монастыре Проповедников, и досточтимый брат ответил утвердительно. Подойдя к кровати, он сказал: «Что это такое? Умирать собрались? Эх, ленивец, ленивец!» И, сбросив плащ, слуга Божий дал ему некие лекарства и в утешение молвил: «Ну же, мужайтесь, от этой болезни вы не умрёте». Он простился с больным, который вскоре обрёл полное здоровье и совершенно оправился. Полагая, что брат Мартин находится в Мехико, он велел разыскать его во всех монастырях его ордена и на всех постоянных дворах, что есть в городе, но, не найдя никаких сведений о его пребывании в Мехико, вновь впал в изумление и недоумение.

По возвращении в Город Королей купец, то ли по сердечному влечению, то ли из простого любопытства, немедля направился в монастырь на его поиски. Войдя через потайные ворота, он застал брата Мартина, который ждал его с распростёртыми руками. С радостной улыбкой он заключил его в объятия и приветствовал теми же словами, что произнёс, навещая его в Мехико во время его недуга: «Умирать собрались? Эх, ленивец, ленивец!» Когда же купец спросил затем у нескольких иноков, покидал ли брат Мартин Лиму и ездил ли в королевство Мехико, и те ответили, что нет, что он бывал лишь в порту Кальяо да на хуторе Лиматамбо, изумление его ещё паче возросло. Он счёл за несомненную истину, что явление его в Мехико было чудом, и, ещё выше ценя с тех пор добродетель брата, стал даже глубже его почитать, повествуя многим о сём чуде со слезами на глазах, чему есть достоверные свидетели.

Наконец, достоверность дара быстроты, коим небеса наделили брата Мартина, подтвердит подлинное свидетельство одного человека, родом из королевства Испанского, который в юности служил досточтимому брату.

Одна женщина страдала от рожи на лице, столь злокачественной и опасной, что лицо её чудовищно распухло, и она уже готовилась к смерти. Человек Божий пришёл навестить и исцелить её. Намочив в розовой воде и крови чёрного цыплёнка несколько кусков ткани, он приложил их как целебную повязку, и сделал это столь искусно, что в скором времени женщина, уже прощавшаяся с жизнью, совершенно поправилась, и жизнь её была вне опасности. Один человек, случайно оказавшийся при этом, изумился исцелению и сказал человеку Божию: «Отче, что это за лекарство? Никогда в жизни не видел, чтобы такое применяли». На что слуга Божий отвечал: «Я видел, как это лекарство применяют в одной из величайших больниц во всей Франции, в городе Байонне. С тех пор я пользуюсь этим средством, и моим больным оно весьма помогало; так что, уповаю на Бога, что и сей сеньоре это лечение также принесёт пользу».

В этих словах и явилось чудо, которое Господь творил через брата Мартина, ибо, хотя никто и не знал и не мог себе представить, чтобы он путешествовал во Францию, он сам признался, что бывал там, сказав, что видел это лекарство в Байонне.

Для Бога всё возможно, и нет причин сомневаться ни в добродетели Его слуги, которую подтверждают столько свидетелей, ни в сём великом чуде, о котором мне было поведано, ни, тем более, в силе Всемогущего Бога, к Которому и восходят все дивные деяния. Ибо, как сказал св. Августин, единственной причиной чудесно сотворённых вещей служит могущество их Творца². И поскольку ни вечность Божия не связана временем, ни безмерность Его — местом, Он в единый миг переносил сего превосходного мужа в самые отдалённые края.

И тот же Господь, что послал ангела перенести пророка Аввакума за волосы из Иудеи в Вавилон, дабы тот утолил голод Даниила, брошенного в львиный ров по приказу царя Кира³; и тот же, Кто во времена закона благодати в краткий миг перенёс святого Антония из Падуи, что в Италии, на окраине Ломбардии, в Лиссабон, столицу Португалии, дабы тот спас своего невинного отца от смерти, — так же переносил и брата Мартина из сего королевства в Японию, Францию и Китай, дабы он врачевал нужды людей, нужды тем бóльшие, чем необходимее пропитание для души, нежели для тела, а также дабы он явил огонь своей пламенной любви в других краях, ибо

любовь эта была столь велика, что все несчастья его родины казались для неё лишь малой искрой. И вот поскольку она не могла замкнуться в здешних пределах, Бог уводил его в далёкие земли, дабы святой брат и там проявлял своё милосердие.

Вот что можно сказать о даре быстроты, который Господь со всей очевидностью уделил брату Мартину. Ему же, как можно судить, Он даровал и дар бесстрастности. Действительно, если дар сей ограждает тело от всякого страдания, то, по-видимому, и слуга Божий был свободен от мук голода и жажды, не знал власти сна, а суровейшие его подвиги не оставляли на нём следа.

¹ *Меако, Химо и Хикоко — старинные испанские названия японских земель: Мияко (т.е. «столица», Киото, расп. на о. Хонсю), о-ва Кюсю и Сикоку.*

² *Ср. св. Августин, О Троице, кн. III, гл. 10.*

³ *См. Дан. 14:33-39 (в Вульгате и Септуагинте).*

ГЛАВА IX. О МНОГИХ ДРУГИХ ЧУДЕСАХ, КОТОРЫЕ ГОСПОДЬ СОТВОРИЛ ПО ЗАСЛУГАМ СВОЕГО СЛУГИ БРАТА МАРТИНА

Истинная святость не исчерпывается одними лишь чудесами, ибо и Матерь Спасителя, Чья жизнь сама по себе была чудом, не сотворила при жизни ни одного. И поскольку благодать чудотворения даётся даром, она может быть явлена, в ком угодно. Так, многие противники Христовы будут изгонять Его именем бесов из тел человеческих и творить многие чудеса, сами не имея при том ни одной добродетели (ср. Мф. 7:22), и сие по непостижимым судам Божиим и высочайшим предначертаниям Его непреложного провидения. Однако же Господь часто свидетельствует о совершенстве и заслугах Своих рабов через явные знамения, вознаграждая их служение ещё в этой жизни. А потому в тех, кто истинно Его любит, чудеса служат знаком добродетели.

Не оставил Господь без этого знака и сего смиренного раба Своего; напротив, Он благоволил прославить его столькими чудесами при жизни и по смерти, что, помимо уже упомянутых, их было великое множество, и они, по своей многочисленности и величию, вызывают у смертных немалое изумление. Уже было достаточно рассказано о дарах быстроты, тонкости и светлости — о том дивном свете и сиянии, в котором его видели не раз. И поскольку чудеса эти относятся к первому разряду и, по мнению св. Фомы¹, превосходят все прочие, они со всей ясностью свидетельствуют о его добродетели. Теперь же по порядку поведаем и о других чудесах, которые он на каждом шагу творил на общее благо.

Одна женщина, по имени Мабель Ортис де Торрес, страдала от столь обильного кровотечения, что врачи оставили её, и, поскольку в крови — жизнь тела (ср. Лев. 17:11), она ожидала смерти в любое мгновение. И вот слуга Божий вошёл в дом больной, а вместе с ним вошло исцеление. Узнав о недуге, он сказал её матери, чтобы та не скорбела, но возложила упование на Бога, ибо дочь её не умрёт от этой болезни. И, дав ей яблоко, велел испечь его и накормить больную. Подойдя же к страждущей, чтобы с состраданием утешить её в скорби, и слыша её просьбу помолиться о ней Богу, он трижды с любовью отвечал, что от этого недуга, сколь бы

тяжким он ни был, она не умрёт: хотя земные врачи и отчаялись в её исцелении, не отчаивался Врач небесный. С того самого благословенного для больной мгновения она стала чувствовать себя лучше и через пять дней встала с постели в добром здравии, признав, что своим чудесным исцелением обязана не только милосердию Бога — главной причине всякого блага, — но и могущественной молитве Его слуги, которой Он милостиво внял, сотворив сие чудо.

Одного темнокожего в драке смертельно ранили в бок, так что у несчастного вывалились внутренности. Его принесли к воротам монастыря, а вернее сказать, к вратам милосердия брата Мартина, которые были открыты для всех без изъятия. Слуга Божий, сжалившись при виде столь ужасного ранения, прибег к средству, что само по себе малодейственно: припав устами к ране, он с великим милосердием отсосал кровь, промыл её вином и приложил немного разжёванного розмарина. На четвёртый день раненый встал в добром здравии, и все приписали его чудесное исцеление не лекарству, которое было ничтожно, а лекарю, который был многосилен.

Другому человеку, который долгое время страдал от опасной раны на пальце, хирурги уже решили ампутировать его, опасаясь, как бы не пошло заражение, что лишило бы его жизни. Но человек Божий исцелил его — поистине удивительным образом, ибо на третий день больной, уже не чаявший спасения, обрёл полное здравие, и сами хирурги признали его исцеление чудом.

Ещё одному больному, чья нога, распухшая и изъязвлённая, доставляла ему нестерпимые муки, он лишь помазал больное место слюною и сотворил знамение креста. Без всякого иного лекарства опухоль тотчас спала, и боль совершенно утихла.

Капитан Хуан де Гуарнидо весьма страдал от жировика, выросшего у него на краю уха, так что от тяжести ухо почти отрывалось. Он много раз просил брата Мартина применить какое-нибудь средство, но тот никогда не соглашался. Наконец, однажды, в присутствии магистра брата Луиса Корнехо, викарного провинциала Лимы, слуга Божий извлёк из шкатулочки ланцет и одним искусным, безболезненным движением в единый миг удалил жировик с уха больного. Сотворив знамение креста, он оставил его в добром здравии, свободным от мучившей его тяжести и изумлённым лёгкостью исцеления.

Одну темнокожую женщину, страдавшую от жестокой лихорадки, которой не помогали никакие человеческие средства, слуга Божий велел напоить тёплой водой. Едва выпив её, она почувствовала облегчение и вскоре совершенно поправилась.

Отца брата Луиса де Гвадалупе в поздний ночной час скрутила столь острая боль в боку, что он уже исповедался, готовясь к смерти. В этот миг в келью вошёл человек Божий, неся в руке жаровню с углями. Больной, видя всечудесного врачевателя и уповая на целительное прикосновение его руки более, чем на иные лекарства, взял его за руку, чтобы указать на больное место. И едва он приложил её к страдающей части тела, как воскликнул: «Благословен будь Бог, я здоров, боль прошла, и другого лекарства мне не нужно!» Слуга Божий так смутился — верный признак истинно смиренного человека, — что, исполнившись замешательства и словно бы досадуя на случившееся, потупил взор и произнёс: «Вот так и потешаются над бедным мулатом!» И, не сказав более ни слова, вышел из кельи и пошёл звонить к утрени.

Не меньшего удивления достоин и следующий случай. Когда отец брат Луис Гутьеррес был новиком в монастыре св. Магдалины, во время отдыха — дозволенного развлечения, которое устав справедливо попускает, дабы дух, отдохнув, с новыми силами принялся за труды, — он держал в руке яблоко. Другой послушник попытался отнять у него яблоко, и тот, защищая, словно дитя, своё лакомство и не заметив, что держит в руке перочинный нож, неосторожным движением сам нанёс себе две раны: одну над сухожилием и веной безымянного пальца, а другую над артерией мизинца. Полагая, что раны не так уж опасны, он лишь выдавил кровь, обильно струившуюся, и перевязал руку платком. На третий день раны так воспалились, что у новicia началась жестокая лихорадка. Сняв платок, он увидел, что вся рука распухла и почернела, а безымянный палец безжизненно повис, ибо сухожилие было перерезано. Воспаление распространилось так далеко, что опухла уже вся рука до самого плеча, и он оказался в большой опасности.

Новиций, к своему счастью, узнал, что в монастыре находится брат Мартин, который и во время отдыха не предавался праздности, но лишь менял место своих трудов. Он обратился к нему, прося в своём горе и недуге о помощи. Человек Божий, взглянув на него, сказал: «Дитя, не бойся. Хотя рука твоя и в большой опасности, Господь, в Чьих руках жизнь и смерть, здравие и болезнь, благоволит избавить тебя от этого недуга». Он приложил к ране несколько листьев травы святой Марии², в чьём имени, без сомнения, заключена её целительная сила, сотворил знамение креста и призвал имя Пресвятой Троицы. Без всяких иных промываний и предосторожностей, какие предписывает хирургия, он исцелил новicia, сказав, что этого довольно. И поскольку досточтимый брат врачевал высшим искусством, даруя чудесное исцеление, он не следовал правилам медицины, но внимал лишь первому правилу, Которое есть Сам Бог.

И столь великое чудо сотворил Господь в сём случае через Своего слугу, что, едва тот столь необычным образом исцелил новicia, как у того спал жестокий жар, и опухоль стала проходить. Но самое поразительное было то, что на следующий день, встав с постели, больной обнаружил, что палец с перерезанным сухожилием так сросся, словно никогда и не был ранен, и лишь шрам остался в свидетельство о чуде да в напоминание новiciю, дабы он, видя знак благодеяния, неустанно благодарил Господа.

Один юноша из Эстремадуры по имени Хуан Васкес де ла Парра, о котором уже упоминалось в этой истории, был при смерти: врачи отступились от него, признав своё бессилие, и никакие лекарства не приносили облегчения. Этому-то юноше, которому небеса, без сомнения, даровали жизнь по милости своей, дабы он служил рабу Божию, и довелось, лишившись его благодетельного общества, отправиться на его поиски на хутор Лиматамбо, где в ту пору пребывал досточтимый брат. Тот явился ему на дороге, быть может, для того, чтобы больной не утруждал себя дальнейшим путём. У несчастного были чудовищно распухшими ноги, бёдра и ступни. Брат Мартин, сжалившись над его тяжким недугом, сначала утолил его голод, а затем стал молиться о его здравии. И юноша слышал, как он, говоря с Богом по-дружески, произносил такие слова: «Господи мой Иисусе Христе, умиلسердись над этим бедняком, который прибыл из столь далёких земель, чтобы претерпеть здесь столько несчастий».

Всемилоостивейший Иисус уoлушал смиренную мольбу Своего слуги и, усмотрев в недуге юноши достойный случай явить Своё милосердие, пожелал даровать ему исцеление в единый миг. Едва произнеся упомянутые слова, брат Мартин подошёл к больному и велел ему простереть на земле распухшие ноги и ступни. Затем слуга Божий опустилсЯ на колени, возложил обе руки на его больные конечности и повелел ему подняться. Больной так и сделал и заметил, что уже не болен, но совершенно здоров, и что чудовищная опухоль, мучившая его, спала. Он пришёл в величайшее изумление, почитая своё исцеление за чудо, и, не в силах скрыть своей радости, прибыв в Лиматамбо, поведал о чуде всем, кто там находился. Слышавшие же сие, преисполнившись изумления, воздали благодарение Богу.

¹ Ср. св. Фома Аквинский, *Сумма теологии*, II-II, q. 178, a. 2.

² Трaвa святой Марии (исп. *yerba de Santa María*) — народное название, которое в Перу XVII века, скорее всего, относилось к Пижме девичьей (*Tanacetum parthenium*). Это растение было широко известно в народной медицине благодаря своим сильным противовоспалительным и заживляющим свойствам.

ГЛАВА X. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧУДЕСАХ

Отец брат Лоренсо Гуарино принял некие общие втирания¹, но, поскольку организм его не был готов к столь сильному лекарству, он не смог извергнуть его. Оттого ртуть вошла ему в тело, и жизнь его оказалась в столь явной опасности, что врачи велели преподать ему Святые Дары. Однажды ночью его охватила смертная агония; он страдал не столько от угрозы близкой кончины, сколько от жестоких приступов недуга, терзавших его. В этот самый час и вошёл слуга Божий его навестить. На вопрос, не желает ли он чего-нибудь съесть, больной отвечал, что жаждет лишь воды, ибо ему казалось, будто он сгорает в живом пламени. Брат Мартин спросил, выпьет ли он всю воду, какую ему принесут, и тот ответил утвердительно, ибо жажда его была неутолима. Тогда ему принесли большой кувшин воды и велели выпить во имя Пресвятой Троицы. И поскольку лекарство это было больному весьма по вкусу, ибо он весь пылал изнутри, он выпил столько воды, сколько смог, дабы унять этот жар. После чего он погрузился в глубокий сон до следующего дня, когда врачи, ожидавшие застать его уже мёртвым, к своему изумлению, убедились, что он чудесным образом исцелился. Они приписали это чудо, сотворённое Богом, заслугам Его слуги — невероятно искусного лекаря, который нашёл верное средство, соединив приятное с полезным².

Сестра брата Мартина, стараясь подражать ему в милосердии, приютила в своём доме одного человека по имени Антонио Крусaдо. В неурочный ночной час его постиг столь тяжкий приступ, что его сочли мёртвым, а на следующий день врачи, отчаявшись в его исцелении, велели немедленно преподать ему Святые Дары. И поскольку жизнь так дорога, а удар болезни настиг его внезапно — что, как известно по опыту, лишь умножает страдания, — больной чувствовал, что недуг его равносителен смерти. Сестра слуги Божия, не раз убеждавшаяся в чудотворной силе и милосердии своего брата, послала за ним как за последней надеждой для своего гостя, повергшего в скорбь всех домочадцев. Досточтимый брат явился тотчас и, поговорив с больным о том, что у него на душе, лёг с ним в одну постель, и оба

проспали до следующего дня. Пробудившись, гость обнаружил, что совершенно здоров, к изумлению всего дома и к величайшему недоумению врачей. Поистине, такие чудеса способна творить любовь, когда любящий состраждет страждущему и болеет с болящим, как то делал слуга Божий и как поступал св. Павел (ср. 2 Кор. 11:29).

Когда о. бр. Фернандо Арагонес страдал от страшной боли в боку, не имея надежды выжить, слуга Божий пришёл навестить его и молвил в духе пророческом: «Мужайтесь, ибо хотя земные врачи и отчаялись в вашем исцелении, Врач небесный не отчаивается. Сейчас вы не умрёте от этого недуга, хотя со временем, быть может, от него и скончаетесь», — что так и случилось. Он обвязал больного повязкой, подложив под неё несколько побегов люцерны, и боль утихла. Больной уснул, а пробудившись, почувствовал себя совершенно свободным от недуга, приписав это чудо заступничеству брата Мартина.

О. бр. Андрес Мартинес, страдая от трёхдневной лихорадки, уже не надеялся выжить. Увидев его однажды, слуга Божий сказал, чтобы тот не унывал, и спросил, не желает ли он нынешней ночью омыться в купели, что находилась в общежитии новичиата. Больной, понимая всю несообразность такого средства при столь тяжком недуге, посмеялся предложению досточтимого брата. Но тот вновь стал убеждать его искупаться, и больной в конце концов так и поступил. Вступив ночью в купель, он почувствовал, что всё тело его так онемело, что у него не было сил выбраться, и его с трудом вытащили из воды и уложили в постель, после чего он спал так крепко, что пробудился лишь в три часа пополудни следующего дня и в тот же миг почувствовал, что лихорадка прошла. Он возблагодарил Бога, Который по молитвам Своего слуги вернул ему здравие.

Одного из рабов сестры слуги Божия опасно ранили в голову, нанеся ему не менее восьми ударов, причём рана загноилась, и больной оказался при последнем издыхании. Позвали досточтимого брата, дабы он, творящий чудеса для чужих, сотворил их и в доме своей сестры. Увидев её скорбь, он велел не отчаиваться, ибо, с Божией помощью, всё обойдётся. Затем соскоблил ключом немного глины со стены, смочил плат слюною и, сделав из этого грязь, приложил её к ране, сотворив знамение креста. И свершилось нечто поразительное: в скором времени раненый, пребывавший в великой опасности, почувствовал себя в добром здравии, к изумлению всех, кто это видел. Свидетели возблагодарили Бога за чудо, ибо поистине чудом было то, что столь ничтожное средство исцелило такую опасную рану. Но ведь Господь, Который одной лишь Своей священной слюною и горстью праха вернул зрение слепорождённому, устроил так, чтобы и брат Мартин, прибегнув к тому же средству, даровал совершенное здравие сему раненому, дабы тот, кто так подражал Ему в милосердии, уподобился Ему и в чудесах.

Когда провинциалом нашей провинции Перуанской, носящей имя св. Иоанна Крестителя, был магистр бр. Мигель Корреа Пачеко, случилось так, что он занемог опасно лихорадкой. Однажды, когда приступ болезни особенно изнурял его, слуга Божий, исполняя послушание больничника, навестил его и сказал: «Отче провинциал, выпейте же немного воды, причём не мешкая». И поскольку при этом недуге, в котором преобладает жёлчь, вода сколь вожделенна, столь и вредна, провинциал принял предложение лишь потому, что оно исходило от брата Мартина. Напившись вволю, он почувствовал себя здоровым, ибо вода, предложенная братом Мартином, послужила ему и живительным питьём, и целительным снадобьём.

Донья Каталина де Акунья, сражённая острой пятнистой лихорадкой, была оставлена врачами и уже приняла Святые Дары. Брат Лавриан Святых Угодников попросил слугу Божия помолиться Божественному Величеству о больной, ибо она весьма чтит орден, и монастырь много потерял бы с её смертью. Брат Мартин обещал молить Господа нашего даровать ей здоровье и препоручил её отцу нашему св. Доминику как свою дочь и особую благодетельницу его ордена. На следующий день, встретив брата Лавриана, он сказал: «Я уже поручил Богу и св. Доминику донью Каталину, и отец наш святой сказал мне, что от этой болезни она не умрёт». Инок принёс больной весть о её исцелении, и с того самого мгновения она стала чувствовать себя лучше, а вскоре и вовсе поправилась, и живёт по сей день, приписывая своё здоровье Богу и молитвам слуги Его — брата Мартина.

¹ Общие втирания (исп. *unciones generales*) — медицинский термин XVII века, обозначавший лечение сифилиса и других болезней с помощью мазей на основе ртути (*azogue*). Такое лечение было крайне опасным и часто приводило к тяжёлому отравлению.

² Глосса на полях оригинала отсылает к Горацию: *Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci* («Тот, кто смешал полезное с приятным, снискал всеобщее одобрение», Наука поэзии, 343, пер. М.Л. Гаспарова).

ГЛАВА XI. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧУДЕСАХ, СОТВОРЁННЫХ СЛУГОЙ БОЖИИМ

О. бр. Педро де Монтесдока, инок ордена отца нашего св. Доминика, страдал от столь тяжкого недуга в ноге, что хирурги, признав её поражённой гангреной, решили её отсечь, дабы преградить путь болезни. Слуга Божий вошёл в его келью, чтобы послужить ему как больничник, а страждущий, терзаемый невыносимой болью, из-за какого-то пустяка, случившегося в келье, потерял терпение и так разгневался на человека Божия, что осыпал его грубой бранью. Но поскольку оскорбления служили для брата Мартина пищей для терпения, опорой для смирения и своего рода лестью, он пожелал воздать благодеяниями за обиды, стремясь победить зло добром и собрать горящие уголья на голову того, кто дурно с ним обошёлся, как тому учит св. Павел (ср. Рим. 12:20-21). Он вышел из кельи, и светлая улыбка на его лице свидетельствовала о мире в его душе.

С наступлением вечера он вернулся навестить больного и принёс ему салат из каперсов, которого тот желал, хотя и не обмолвился о своём желании ни единой душе. Досточтимый брат, узнав о том по откровению от Бога, с великой любовью сказал страждущему: «Отче мой, прошёл ли ваш гнев? Отведайте этого салата из каперсов, что я вам принёс». Больной пришёл в изумление, видя, что тот угадал его мысли, хотя он никому не поверял своих желаний. Поняв по необычности случившегося, что это дело Божие, он с великим сокрушением стал просить у брата Мартина прощения за прошлое и слёзно умолял его сжалиться над ним в том ужасном положении, в котором он оказался, ибо на следующий день ему должны были безвозвратно отсечь ногу. Ему предстояло претерпеть мучения не только при отделении её от тела, но и при огненных прижиганиях, дабы он не истёк кровью.

Брат Мартин, будучи чрезвычайно сострадателен, растрогался и опечалился скорбью больного. Сотворив горячую, хоть и краткую, молитву и подойдя к ноге, он возложил на неё руку, и — о, действительное прикосновение, о, дивная сила могущества Божия! — без всякого иного лекарства поражённая гангреной нога внезапно стала совершенно здоровой. Больной, видя, что к нему вернулось полное здоровье и что он избавлен от жестоких мук, которые его ожидали, поведал всем о чуде и многократно возблагодарил Господа. Ибо Господь, без сомнения, сотворил это знамение, вняв могущественной молитве смиренного брата, который горячо просил за того, кто по неведению его оскорбил. Так Бог поступал много раз, являя милость Авимелеху ради Авраама (ср. Быт. 20:17), св. Павлу — ради св. Стефана¹, а Своим врагам — ради Христа.

Один человек безупречной жизни и известной добродетели, питавший к человеку Божию особую дружбу, пришёл однажды навестить его, и, как покажет сей случай, дружба эта была не бескорыстна. В то время он страдал от сильной головной боли, и, войдя в келью своего друга, почувствовал, что приступ усилился. Слуга Божий сказал ему, чтобы тот не скорбел и подождет немного, а он принесёт ему что-нибудь перекусить. Пока слуга Божий готовил угощение, согревая его огнём своей пламенной любви, больной прилёг на убогое ложе досточтимого брата и положил голову на подушечку (должно быть, из грубой ткани). В тот же миг невыносимая боль прошла, но не совсем, а лишь с той стороны, которой он прислонился к ложу. Слуга Божий вернулся с завтраком, и его друг, поняв, что подушечка принадлежит ему, рассудил про себя так: «Если от прикосновения к этой подушечке, принадлежащей слуге Божию, у меня прошла нестерпимая боль, то, приложив её и к другой стороне, я избавлюсь от недуга полностью». Как он подумал, так и случилось: стоило ему приложиться к подушечке другой стороной, как головная боль прошла совершенно. Он вознёс бесконечные благодарения Господу, Который творил столько чудес через Своего слугу, что даже на одежду, которой тот касался, простиралась сила его чудотворений, как сказал о Христе святой Иероним.

Не менее правдоподобен и следующий случай, на мой взгляд, даже более достойный удивления, хотя и весьма схожий с предыдущим. Одного человека по имени Франсиско Ортис, близкого друга слуги Божия, когда тот находился в церкви нашего отца св. Доминика, внезапно охватила жесточайшая головная боль и сильный жар. Он поспешил в келью человека Божия, словно ища там исцеления. И пока тот со своим обычным милосердием готовил ему завтрак, больной прилёг на убогое и презренное ложе брата Мартина. И как только он это сделал, головная боль и жар прошли, но не полностью, а лишь в той половине тела, что соприкасалась с кроватью.

Чудо это было поразительно, ибо лихорадка — вещь необычная и странная. Ведь, по определению медиков, жар есть неестественное тепло, возгоревшееся в сердце, которое через жизненные духи и кровь сообщается всему телу². А потому лихорадка не может естественным образом охватить лишь половину тела. И то, что случилось с этим больным, было редким чудом, которое сотворил Виновник всех чудес, то есть Бог, дабы показать, что исцелением своим больной, после Бога, обязан заслугам Его слуги и чудотворному соприкосновению с его ложем. Больной же, почувствовав частичное облегчение своего недуга, сказал себе: «Без сомнения, если я прикоснусь и другой половиной тела к этому целительному ложу, то обрету полное здоровье». Он так и поступил, и в тот же миг головная боль и жар прошли и в другой половине

тела, где он их ещё ощущал. Обретя полное здравие, он вознёс благодарение Господу.

Один известный хирург страдал от столь опасной болезни, что, несмотря на свои врачебные навыки, оказавшись не в силах исцелить самого себя, ожидал по всем человеческим соображениям смерти, ибо уже отчаялся выжить. Человек Божий пришёл навестить его и, увидев, что вся семья в унынии, а в особенности супруга больного, сказал ей, чтобы та не скорбела, ибо недуг не так страшен, как кажется. Слуга Божий приготовил миндального молока и дал его больному, и тот смог его проглотить, хотя прежде не мог, ибо вкус его притупился, а аппетит совершенно пропал. Брат Мартин с любовью ободрил его и на прощание сказал: «Сегодня суббота; во вторник, если будет на то воля Божия, вы придёте навестить меня в монастырь». Господь в точности исполнил непреложное слово Своего слуги и, даровав больному полное здравие, соделал так, что в следующий вторник тот пришёл навестить брата Мартина, хотя все полагали, что к тому времени он уже будет погребён.

Отца брата Мигеля де Мехораду постиг опасный приступ, и он стал извергать обильные потоки крови. Однажды ночью он пошёл искать брата Мартина, который служил всем и прибежищем, и аптекой с какими угодно лекарствами. Не застав его в лазарете, он решил поискать его в зале капитула, куда тот весьма часто удалялся для молитвы и где в тот час и пребывал, упражняясь в ней. Случившееся повергло в изумление всех, кто о том прослышал, ибо досточтимый брат обратился к больному, когда тот был ещё в главном клуатре, не успев войти в зал капитула, и прежде чем мог бы догадаться, кто его ищет. Узнав по божественному откровению о его намерениях, он сказал: «Отче, разделеньтесь и окунитесь в купель, и недуг, что вас терзает, пройдёт». Инок в точности так и поступил: разделся и тотчас вошёл в купель, что стоит напротив зала капитула в первом клуатре монастыря, и с того самого мгновения избавился от докучной болезни, что его мучила.

Когда о. бр. Андрес де Вилоа из Ордена проповедников был уже при последнем издыхании, слуга Божий со своим обычным милосердием находился при нём, помогая ему достойно умереть, в чём тот весьма нуждался. В это время пришли просить у него как у ризничего тунику для больного из соседней кельи. В келье, где находился брат Мартин, был также хирург по имени Марсело де Рибера. Он вышел, оставив слугу Божия с умирающим иноком, и, войдя в соседнюю келью, где лежал больной, для которого просили тунику, увидел досточтимого брата, который уже надевал её на него, хотя он только что оставил его в другой келье. Изумление и трепет охватили иноков, которые, как и подобало, прославили это чудо.

Много и других чудес сотворил Бог через Своего раба с больными. Ибо, как в Своей бесконечной премудрости Он наказывает людей тем, чем они согрешают (ср. Прем. 11:16), так и вознаграждает их соразмерно их служению. И так как брат Мартин столь ревностно послужил Господу в лице страждущих, вымолив здравие бесчисленному их множеству, то и Господь благоволил вознаградить его, приумножив ту небесную славу, что, как мы свято веруем, уже была ему уготована. Слуга Божий столь преуспел в исцелении страждущих, что многие недуги врачевал одним лишь возложением рук, как и обещал Спаситель Своим ученикам (ср. Мк. 16:18). Столь могущественна была его молитва к Богу, что одному иноку, у которого отнялись руки и ноги и онемел язык, он чудесным образом вернул дар речи и подвижность рук, но не даровал ему полного телесного здравия, ибо так было

полезнее для здоровья его души. Однако же он сотворил с ним ещё большее чудо, ибо из нетерпеливого и малодушного, каким тот был, соделал его столь кротким и смиренным, что тот с несказанным терпением переносил свои страдания.

Человек Божий не только чудесным образом врачевал больных, но и с великой любовью угождал им. Однажды он пришёл навестить одного инок по имени Педро де лос Риос, который лежал больной в новициате. И поскольку из-за расстройства телесных соков вкус у страждущих так притупляется, что они обычно принимают лишь ту пищу, которой требует их аппетит, инок захотелось немного варенья. Он сказал об этом досточтимому брату, и тот, выйдя за дверь кельи больного, тотчас вернулся с тарелкой того самого лакомства, которого тому захотелось, хотя и не было времени, чтобы послать за ним, ибо всё произошло в единый миг. Случай этот сочли в монастыре невероятным чудом, хотя чудесам уже и не дивились, ибо у брата Мартина они были в порядке вещей.

В другой раз, придя к иному больному, также прихотливому, он услышал от него пожелание съесть китайский апельсин⁴. Слуга Божий опустил руку в рукав хабита и на глазах у больного извлёк то, о чём он просил — прекрасный китайский апельсин. Но страждущий возразил, что просил его не в виде плода, а в виде цукатов. В тот же миг брат Мартин снова опустил руку в рукав и достал оттуда засахаренный апельсин, чем и утолил желание больного. Когда же среди иноков разнеслась весть о чуде, они прославили его с подобающим удивлением, тем более что заметили: в то время года китайских апельсинов в городе не было.

Казалось, всё покорялось человеку Божию: даже дикие звери чудесным образом повиновались ему, ибо самые свирепые не нападали на него, и ни один не осмеливался причинить ему вреда. Однажды, идя из монастыря в дом архиепископа Мехико в сопровождении своего друга, он заметил, что у кладбища церкви отца нашего святого Доминика затеяли забаву с быком — языческий обычай, неискоренимо укоренившийся среди христиан, которые не понимают, что общее веселье не стоит и сотой доли той опасности, которой подвергается хотя бы одна душа. И хотя брат Мартин обратил внимание на быка, он не выказал и тени страха. Его же друг, идя рядом, счёл за лучшее перейти на другую сторону, подальше от опасности, оставив слугу Божию возле зверя и говоря про себя: «Пока бык займётся святым отцом, я успею убежать». Но усердие его было напрасно, ибо досточтимый брат прошёл мимо быка, не взглянув на него и не обратив на него внимания, а зверь, сколь бы свиреп он ни был, не сдвинулся с места и не сделал ни малейшего движения, что вызвало у присутствующих редкое изумление.

В другой раз, когда один знатный друг шёл с братом Мартином по мосту этого города — сооружению столь великолепному, что может поспорить с лучшими в Европе, — навстречу им шёл бык. Друг, опасаясь, как бы зверь его не поднял на рога, попытался взобраться на перила моста, чтобы избежать опасности, но слуга Божий остановил его, сказав: «Не бойтесь, бык пройдёт мимо, не причинив вреда». Так и случилось: бык прошёл так близко к брату Мартину, что тот коснулся его своим поясом, но зверь не осмелился причинить ему ни малейшего вреда.

Но ещё дальше простирались чудеса, которые Господь наш творил по заслугам Своего раба. Он, как уже говорилось, ходил за город сажать ромашку и другие лекарственные травы для помощи бедным, и они приживались так быстро, что приводили в трепет и изумление юношу, который ему прислуживал.

Человек Божий не умел пребывать в праздности, и когда у него не было дел в монастыре, он, как уже упоминалось, искал себе занятий за его стенами. По этой причине он решил посадить на хуторе Лиматамбо — от королевской дороги до самой мельницы — оливковую рощу, которая по сей день называется рощей брата Мартина, причём не только для красоты и украшения, но и чтобы она в своё время приносила плоды. Слуга Божий взялся за посадку, и так спорилось дело в его руках, а небесная благодать так содействовала ему, что на следующий день после посадки на каждом из оливковых прутьев уже были листья и побеги в четверть⁵ длины, что вызывало немалое изумление у всякого, кто их видел, ибо, как учит земледелие и показывает опыт, для этого требуется много дней.

¹ Аллюзия на известное изречение св. Августина: *Si Stephanus non orasset, Ecclesia Paulum non haberet* («Если бы Стефан не молился, у Церкви не было бы Павла»).

² Глосса на полях оригинала отсылает к «Канону врачебной науки» Авиценны (Кн. IV, Фен 1).

³ Миндальное молоко (исп. *almendrada*) — напиток из тёртого миндаля, воды и сахара, считавшийся в то время питательным и легкоусвояемым средством для больных и ослабевших.

⁴ Китайский апельсин (исп. *aranja de la China*) — старинное название сладкого апельсина, в отличие от горького (померанца), который был известен в Европе раньше.

⁵ Четверть (исп. *quarta*) — старинная мера длины, равная четверти вары (ок. 21 см).

ГЛАВА XII. В КОЕЙ ЗАВЕРШАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧУДЕСАХ СЛУГИ БОЖИЯ И РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ДРУГИХ, ЕЩЁ БОЛЕЕ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЯХ

Не могу не назвать сего мужа дивным за неслыханные знамения его жизни, которая и именуется «дивной» на одной гравюре, сделанной в Риме в его честь. Звания этого он достоин не только за героический подвиг своих добродетелей, но и за изумительные чудеса, которые при своей необычности многочисленны.

Не меньшего места среди этих чудес заслуживает и то, как Господь наш обращался со Своим слугой, ибо Он, как Божественный Наставник, учил его священному богословию, которое и самые выдающиеся умы с трудом постигают за многие годы усердных занятий. Однажды студенты-коллегиаты¹ из монастыря отца нашего св. Доминика в свободное от общих занятий время совещались и вели диспут об одном вопросе из схоластического богословия. Когда мимо них проходил брат Мартин, отец-проповедник бр. Бернардо Белилья, который в ту пору сам был коллегиатом, обратился к нему: «Брат Мартин, мы здесь спорим вот о чём: что в Боге совершеннее — бытие или сущность?» На это брат Мартин с проницательностью отвечал: «Разве св. Фома не говорит, что бытие, ибо оно есть высшая степень сущего?» Ответ этот поверг в изумление всех увидевших, с какой быстротой блаженный брат в немногих, но веских словах дал и решение вопроса, и его обоснование. О случившемся доложили брату Франциску Креста, служившему в то время регентом наук², и тот

отвечал им: «Не удивляйтесь, ибо брат Мартин обладает наукой святых и достигает большего, служа Богу, нежели мы — учением».

В год от Рождества Христова 1634-й разлив полноводной реки Лимы, что течёт посреди города, достиг такой силы, что она, выйдя из берегов и перехлестнув через дамбу, стала мало-помалу затоплять церковь Богоматери де ла Кабеса, стоящую у самого берега. Брат Мартин из монастыря Розария собственными глазами увидел это бедствие, и его сострадательное сердце сжалось от жалости. Он со всей поспешностью покинул обитель и, прибыв к церкви, застал там бесчисленное множество людей, которые в отчаянии пытались вынести святой образ Богоматери и все прочие драгоценные сокровища храма, дабы они не погибли в наводнении. Один лишь слуга Божий утешил присутствующих, сказав им, что тревожиться не нужно, ибо река более не причинит вреда. И, взяв три камня, он бросил один вверх по течению, другой — вниз, а третий — в середину потока, произнеся: «Во имя Пресвятой Троицы, Отца, и Сына, и Святого Духа». Затем он преклонил колени, и тотчас наводнение улеглось, а река отступила, устремившись в другую сторону, к изумлению всех, кто там находился. И во исполнение пророчества человека Божия река с тех пор никогда более не причиняла там значительного ущерба. Воды её вняли тогда молитвам брата Мартина и покорились власти Того, Кто в древности остановил по обе стороны реку Иордан, дабы прошёл ковчег завета (ср. Нав. 3), и удержал волны Чермного моря, чтобы открыть сынам Израилевым проход посуху (ср. Исх. 14).

Не менее дивно и следующее знамение, которое Господь также сотворил ради Своего слуги. Когда отец-проповедник брат Эстебан Бернегаль и другой новиций моего святого ордена проходили год испытания, диавол, будучи врагом всякой добродетели и иноческой жизни, направил на них свои стрелы, дабы они сошли с узкого пути добродетели, на который так счастливо вступили. И он одолел их, убедив оглянуться назад, хотя они уже возложили руку на плуг (ср. Лк. 9:62), и пойти в мир широкой дорогой, ведущей в погибель (ср. Мф. 7:13). Они покинули монастырь и втайне укрылись в одном доме, что стоит напротив селения, называемого Эль-Серкадо, на окраине города, полагая, что там, вдали от обители, их будет труднее найти.

Наставник новициев, обнаружив побег двух неразумных послушников, которых он недосчитался в полночь, когда прочие шли к утрени, метался по монастырю, словно Аргус, ища и высматривая сотней глаз, где бы могли укрыться его новиции. Встретив брата Мартина, он поведал ему о своей безмерной скорби. Слуга Божий улыбнулся и сказал: «Не скорбите, отче, они у меня в келье, и я буду им крёстным отцом». «Увижу — поверю», — возразил наставник. Досточтимый брат отвёл его в свою келью и показал ему двух новициев, словно бы спящих, хотя в тот самый час они находились далеко от монастыря, на краю города.

В тот же миг, неведомо как и каким путём, ибо врата монастыря ни на вход, ни на выход не отворялись, слуга Божий отправился в дом, где укрывались новиции. И хотя поначалу ему не хотели открывать, он с упорством продолжал стучать, покуда двери наконец не отворили. Постучавшись же в двери их сердец и обратившись к их душам, он стал сокрушать их упорство, говоря им о наущениях диавола, об опасностях мира и о безопасности монастыря. Так, склонив их к своему образу мыслей, он с любовью и милосердием привёл их в обитель, до рассвета держал в своей келье и, укрепив их в первоначальном призвании, вернул заблудших овец в

ограду иноческой жизни, где они в конце концов и принесли обеты. Брат Мартин же всегда ободрял их, дабы они не оставляли пути добродетели, по которому пошли.

Двое преступников, укрывшись в святых стенах монастыря, были настигнуты судебным алькальдом и двумя другими служителями правосудия, которые вошли, чтобы схватить их и предать наказанию, заслуженному их виной, дабы казнь послужила уроком для других, и чтобы преступники, которые при жизни вредили обществу, послужили ему хотя бы своей смертью, как сказал Сенека-моралист³. Видя явную опасность, виновные вошли в келью слуги Божия, ища у него защиты и говоря: «Отче, ради любви к Богу, помогите нам, за нами гонится правосудие!» Досточтимый брат принял их, ибо помощь всем была для него и сверхъестественным влечением, и делом обычным. Он не спрятал их в укромном месте, как поступили бы другие, но велел им с властью: «Преклоните здесь колени и молитесь Богу». Преступники, уповая на Его слугу брата Мартина, повиновались — сколь же возвышенно, надо полагать, было их понятие о его добродетели! И он сам преклонил колени, чтобы молиться за них.

В тот же миг в келью вошли служители правосудия, и алькальд сказал своим помощникам: «Осмотрите эти тюфяки, не там ли они». И, не найдя преступников, хотя те были у их ног, они вышли. Ибо Бог, Чьё могущество безмерно, более склоняясь к милосердию, дабы почтить Своего слугу, нежели к правосудию, дабы наказать преступление, так изменил зрение служителей, что тела слуги Божия и преступников, стоявших на коленях посреди кельи, показались им тремя тюфяками, брошенными на пол. Такие чудеса умеет творить Бог ради Своих угодников, как, например, когда Он ослепил жителей Содомы, чтобы они не нашли дверей дома Лотова (ср. Быт. 19:11); и как, когда преследовали святого Григория Чудотворца и его спутника, враг не узнал их, ибо ему показалось, что перед его глазами стоят два дерева.

Дабы явить всю полноту чудотворной силы, дарованной Его слуге, Господь, уже воскресивший через него животное, как о том говорилось выше, благоволил по его заслугам сотворить и величайшее чудо — вернуть к жизни человека.

Один светский брат по имени Томас, муж великой добродетели, немало послуживший ордену, принимал в лазарете некое лечение. Но поскольку средство, предписанное ему, было весьма опасным, малейшая оплошность стоила ему жизни. В конце концов он скончался. Слуга Божий велел ударить в колокол, чтобы, по обыкновению, созвать иноков на чтение Псалтири, пока готовят тело к погребению. Затем досточтимый брат вернулся в келью усопшего и затворил за собой дверь с явным намерением обрядить его. Он взял в руки хабит, но, прежде чем облачить в него покойного, стал молиться перед распятьем, что находилось в изголовье. За всем этим тайно наблюдал о. бр. Фернандо Арагонес, который, подобно неусыпному Аргусу, следил за деяниями брата Мартина, ибо они были чрезвычайно чудесны.

Окончив молитву, слуга Божий подошёл к уху уже мёртвого инока и воззвал: «Брат Томас!» Тогда тот, кто прежде был мёртв, шевельнулся и вздохнул. Человек Божий сказал отцу брату Фернандо Арагонесу: «Смотрите», — и окликнул покойного повторно. Когда же он воззвал в третий раз, тот очнулся, и брат Мартин вновь сказал: «Разве вы не видите, что он жив?» Тогда его спутник воскликнул: «Всемогущ Господь, дарующий жизнь мёртвым!» Досточтимый брат тотчас отворил двери и сказал инокам, чтобы они расходились, ибо брат уже пришёл в себя. И это была

сущая правда, ибо он вернулся из иной жизни в эту силу Божию и по молитвам Его слуги. Тот же, дав больному, а прежде — покойному, некоего питья, не отходил от его постели, пока к нему не вернулось полное здравие. Так он оказался обязан не только исцелением, но и самой жизнью действенному заступничеству брата Мартина, который при сём чуде поступил с той же редкой осмотрительностью, что и пророк Елисей, и св. ап. Павел. Ибо один, воскрешая сына Сономитянки (ср. 4 Цар. 4), а другой — юношу Евтиха (ср. Деян. 20), дабы избежать тщеславия, сделали вид, будто то был лишь обморок, хотя в действительности то была смерть.

¹ *Коллегиат (исп. colegial) — в доминиканском ордене XVII века студент, который жил и обучался в коллегии (colegio), высшем учебном заведении при крупном монастыре, где готовили будущих проповедников, богословов и преподавателей.*

² *Регент наук (лат. Regens studiorum) — одна из высших академических должностей в доминиканском ордене XVII века; руководитель всего учебного процесса в монастыре, обладавшем статусом studium generale (учебного заведения университетского уровня). Ближайшие современные аналоги — декан богословского факультета или проректор по учебной работе.*

³ *Ср. Сенека, «О гневе», кн. I, гл. 16. Автор жития вольно пересказывает мысль философа о том, что даже казнь преступника может принести пользу государству (prodesse reipublicae), служа примером для остальных.*

ГЛАВА XIII. О ВЕЛИКОМ ДАРЕ ПРОРОЧЕСТВА, КОТОРЫЙ ГОСПОДЬ УДЕЛИЛ СВОЕМУ СЛУГЕ

Превосходный дар пророчества, коим Бог зачастую прославляет Своих друзей, так тесно связан с милостыней и любовью к ближним, что, как говорит св. Иероним, Бог соделал пророком Авдия, который был начальником телохранителей и домоправителем царя Ахава, за то, что тот укрыл в двух пещерах и питал за свой счёт сто пророков истинного Бога, которых святотатственно преследовала и пыталась умертвить нечестивейшая Иезавель, царица Самарийская¹. И поскольку дар пророчества стяжается милосердием, а брат Мартин де Поррес столь преуспел в сей превосходной добродетели, то очевидно, что он по праву мог именоваться пророком, ибо сострадание его было безмерно. Сие и благоволил явить Сам Бог, ибо дар пророчества, который Он ему уделил, был совершенно необычаен, как то ясно видно из многих случаев.

Рехидор Хуан де Фигероа, о котором уже упоминалось, состоял в тесной дружбе с человеком Божиим. Он пребывал в великой скорби, ибо вот уже три или четыре года, как он представил своё свидетельство о дворянстве в трибунал святой инквизиции сего города, дабы получить должность её сослужителя², и, хотя бумаги были отправлены в Испанское королевство, он так и не получил желанного ответа. А поскольку дело это было весьма почетным, он не находил себе покоя, не зная, чем оно разрешится. Однажды он поведал слуге Божию о своей печали, быть может, чтобы её облегчить, ибо, как сказал Аристотель, подобно тому как вдвоём легче нести бревно, так и горе переносится легче, если поделиться им с другом, ведь тогда скорбь разделяется на двоих³.

Выслушав рехидора, досточтимый брат отвечал, чтобы тот не тревожился, ибо бумаги уже в пути. С того часа рехидор обрёл надежду и успокоился, и упование его не было обмануто, ибо через четырнадцать или пятнадцать дней после этого разговора прибыло известие из Испании, а с ним и назначение на должность служителя инквизиции. Исполнившееся пророчество его друга, брата Мартина, повергло его в немалое изумление.

В другой раз тот же рехидор пытался купить должность главного пробирщика и плавильщика монетного двора в имперском городе Потоси, который столькими сокровищами наполнил мир. Он предлагал большую сумму денег, но покупка не состоялась, ибо тому воспротивился граф де Чинчон, вице-король, правивший в то время сими краями. Рехидор сообщил о случившемся брату Мартину, ибо, будучи уверен в его добродетели и мудром совете, обращался к нему во всех делах, как духовных, так и мирских. Он рассказал, что, поскольку его попытки получить должность на торгах провалились, он намерен распорядиться деньгами иначе. На это слуга Божий в пророческом духе отвечал: «Держите ваше серебро наготове, ибо должность будет вашей». Рехидор, заинтересованный в исполнении его слов, повиновался. И через два года после этого события пришёл королевский указ, чтобы должность была продана с торгов тому, кто предложит наибольшую цену, и она досталась тому самому рехидому, что оказалось точным исполнением пророчества человека Божия.

О его пророческом духе свидетельствует и следующий случай. Брат Мартин предостерегал того же рехидора не посылать серебра в Испанское королевство, но тот не последовал его совету и впоследствии горько раскаялся, понеся немалый урон своему состоянию. Ибо, многократно отправляя в Испанию большие суммы, он лишался либо всего, либо большей части, так как те, кому он их поручал, присваивали серебро себе, как то нередко бывает. Так, на собственном горьком опыте рехидор убедился, сколь правдив был слуга Божий и сколь несомненно то, что Господь уделил ему дар пророчества.

В другой раз тот же рехидор Хуан де Фигероа попросил досточтимого брата дать ему слово, что тот помолится о нём Богу, когда он будет умирать. На что брат Мартин отвечал: «Я умру прежде», — и случилось так, как сказал слуга Божий.

О даре пророчества сего превосходного мужа свидетельствует и следующий странный случай. Из Испанского королевства привезли некие чётки, которые называли чётками матери Луисы де Каррион. В городе их весьма ценили, ибо среди невежд ходила молва, будто тот, кто владеет одними из этих чёток, не будет осуждён на вечные муки — суеверие, которое распространялось, как то бывает в народе. Католическая же истина гласит, что спасение обретается не обладанием чётками, но тем, что каждый ведёт счёт своей жизни, поступая по-христиански и претерпевая до конца, как сказал Спаситель (ср. Мф. 10:22). Посему Церковь, всякий раз, когда какому-либо набожному обычаю приписывают непреложное свойство спасти души, совершенно справедливо и по веской причине повелевает изымать [связанные с оным предметы], дабы люди, уповая на этот лёгкий способ благочестия, не предавались необузданно порокам в уверенности, что не погибнут, полагая своё спасение именно в этом молитвенном орудии, а не в том, в чём должно, то есть в исполнении закона.

Таких-то чёток, которые тогда столь ценились, рехидору Хуану де Фигероа удалось достать три штуки. И поскольку он состоял в тесной дружбе с братом Мартином, то пошёл в монастырь, чтобы подарить ему одни из них. Слуга Божий не захотел их принять, сказав: «Оставьте их пока». Рехидор, хоть и подивился, что тот не желает принять его дар, рассудил, что брат, должно быть, не принимает чётки из-за какой-то занятости, которая ему мешает. А потому, спустя недолгое время, он вернулся и не раз, и не два, а десять раз настоятельно просил брата Мартина принять чётки, но тот так и не согласился, повторяя то же, что и вначале: «Оставьте их пока».

Последствия же показали, что слова слуги Божия были исполнены тайного смысла. Ибо через несколько дней от Верховного трибунала пришёл приказ начальствующим инквизиторам сих королевств, чтобы упомянутые чётки были изъяты. Рехидор тотчас сдал их в святой трибунал и, вспомнив, как слуга Божий многократно отказывался принять те, что он ему предлагал, заключил, что тот, без сомнения, предуведомлённый даром пророчества и откровением Божиим, как то и следует понимать, не захотел принять те чётки, ибо знал, что придёт приказ изъять их все.

¹ Ср. св. Иероним Стридонский, Предисловие к Книге пророка Авдия. Речь идёт о событиях, описанных в 3 Цар. 18:3-4.

² Сослужитель [инквизиции] (исп. *familiar*) — почётная светская должность при трибунале инквизиции. Фамилиары не были духовными лицами, но пользовались значительными привилегиями и помогали трибуналу в его деятельности.

³ Ср. Аристотель, «Никомахова этика», кн. IX, гл. 11, 1171b: «А в несчастьях присутствие друзей — утешение, ибо горе облегчается, когда друзья страдают» (пер. Н.В. Брагинской).

ГЛАВА XIV. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ ЖЕ

Во время, когда в городе свирепствовала чума и в монастыре было множество больных, одному хористу показалось, что при таком числе страждущих и он мог бы сойти за больного, а под этим предлогом отправиться на время домой, дабы потешиться заботами родных (ведь некоторые, отрекшись от мира ради Бога и войдя в Его дом, так и не могут до конца порвать с мирским). Он добился от монастырского врача, чтобы тот доложил настоятелю о болезни, которой у него не было, и на этом основании прелат дал ему дозволение лечиться дома, рассудив, быть может, что женская забота и уход весьма полезны для болящего, и что в недугах его удручает отсутствие женского попечения, как о том говорит Дух Святой¹.

Слуга Божий узнал о кознях, которые сплёл хорист, не имея иной болезни, кроме своего хотения, и иного недуга, кроме собственной воли, что для инока — уже немалое зло. Он, как больничник, пошёл его искать и застал его в плаще у ворот, готового покинуть монастырь. Он сказал ему, что, поскольку недуг его мнимый, не следует ему идти лечиться за стены обители, и добавил, что если тот не послушает голоса разума, он доложит прелату, дабы тот отменил дозволение, данное по ложному докладу. Хорист разгневался на слова брата Мартина и, не смутившись его добродетелью, говорил с ним весьма дерзко. На это человек Божий с несказанной

кротостью отвечал: «Идите, брате, но Бог накажет вас за то, что вы притворяетесь больным».

И сказанное им в точности исполнилось, ибо, уйдя из монастыря в добром здравии, он через несколько дней был привезён из своего дома мёртвым, во исполнение того, что предрёк ему слуга Божий.

Когда отец-магистр бр. Хуан де Барбаран отправлялся в город Куско на должность лектора² священного богословия в университет при монастыре, он, придя проститься со слугою Божиим, услышал от него, что он скоро вернётся. Отцу-магистру показалось, что столь скорое возвращение невозможно, и он отправился в путь. Но пророчество досточтимого брата исполнилось в точности, ибо, доехав до долины Хауха, он из-за одного необычного происшествия, которое с ним случилось, должен был вернуться в Лиму, благодаря чему и убедился в исполнении предсказанного ему слугой Божиим.

Однажды племянница брата Мартина, находясь с матерью в доме своего мужа, из-за какого-то пустяка поссорилась с ней, защищая своего супруга. Ибо, как ради жены должен человек оставить отца и мать (ср. Быт. 2:24), так и она сочла за благо встать на сторону мужа, оставив без поддержки родную мать. Вскоре после этой ссоры обе получили записку от слуги Божия, в которой он сообщал, что ему стало известно о размолвке, и поскольку племянница его заступилась за мужа, то пусть и впредь поступает так же. Присутствовавшие пришли в изумление, ибо брат Мартин никак не мог узнать о случившемся человеческим путём.

Не менее ясно указывает на пророческий дух досточтимого и следующий дивный случай. Проходя однажды мимо городской тюрьмы, слуга Божий увидел, что в часовне для приговорённых находится один преступник-испанец по имени Хуан Гонсалес, осуждённый на повешение на следующий день. Утешив его в столь тяжкий час, досточтимый брат услышал от осуждённого слёзную просьбу помолиться о нём Богу, ибо он так нуждался в этом перед смертью. Брат Мартин обещал исполнить его просьбу и, вернувшись в монастырь, с пророческим духом велел передать преступнику, чтобы тот мужался, ибо, хотя ему и вынесен окончательный смертный приговор, на сей раз он не умрёт.

Господь наш в точности исполнил то, что предрёк Его слуга. Ибо, когда осуждённого вывели из тюрьмы на казнь и для устрашения прочих, по обычаю, провели по людным улицам, у самого подножия виселицы, в тот миг, когда его уже хотели вести вверх по лестнице, в окне дворца показалась Её Превосходительство графиня де Чинчон и, вынув платок, подала им знак о помиловании. Исполнение приговора было остановлено, а преступника вернули в тюрьму, куда брат Мартин прислал ему в милостыню тридцать песо, рубаху и холщовые штаны, велев передать, что посылает это, ибо знает, что тот во всём нуждается. Так он предсказал не только избавление от смерти, но и ту нужду, которую тот в то время терпел.

В подтверждение дара пророчества у слуги Божия нельзя обойти молчанием и то, что случилось с бр. Сиприано де Мединой, епископом Гуаманги, когда тот был ещё новицем. Досточтимый брат любил сего юношу, как сына. Однажды, когда он стриг новицев и прочих хористов, некоторые из них в шутку, зная о любви, которую человек Божий питал к бр. Сиприано, сказали ему: «Брат Мартин, постригите-ка брата Сиприано, он у нас в монастыре самый некрасивый». Говорили они так потому,

что тот в ту пору был мал ростом, но при этом плотнее, чем того требовало его сложение, а лицо его к тому же густо поросло волосами, что его весьма портило.

Услышав их слова и видя общие насмешки, человек Божий со свойственной ему скромностью отвечал: «Некрасивым вы его зовёте, потому что видите, что он мал ростом и такого сложения? Но он ещё вырастет и станет честью нашего ордена и иноком высокого роста». Прошёл год, и будущего епископа постигла тяжкая лихорадка, от которой он пролежал в постели четыре или пять месяцев. По прошествии этого времени он встал, прибавив в росте полвары³ против того, что был, когда слёг. Оттого прежние хабиты стали ему коротки, и пришлось заказывать новые. Случай этот вызвал в монастыре немалое изумление не только потому, что он так вырос за столь короткое время, но и потому, что все воочию убедились в исполнении пророчества слуги Божия. Впоследствии же оно исполнилось и во всей полноте, ибо, как уже говорилось, дон бр. Сиприано стал славой и честью ордена за многие заслуги, которые он ему оказал и плодами которых провинция сия пользуется и поныне, заведя тремя кафедрами в Королевском университете. Две из них он исходатайствовал в Совете, дабы орден избежал унижений, беспокойств и расходов, сопряжённых с соисканием кафедры на конкурсе, но не лишился чести занимать их, преподавая верное учение ангельского доктора св. Фомы.

В явной опасности для жизни находилась донья Майор Басан де Вальдес, терзаемая тяжкими родами. Наслышанная о чудесах, которые Господь наш творил через Своего слугу, она послала за ним, ища у него утешения и помощи. Человек Божий отправился в её дом вместе с о. бр. Франциском Креста, избранным епископом Санта-Марты, славным сыном сей провинции, чьи превосходные дарования известны всему миру. Увидев больную, брат Мартин в пророческом духе сказал ей, чтобы она не страшилась смерти, ибо, без сомнения, родит сына, но со временем он доставит ей много огорчений. Пророчество исполнилось в точности: младенец благополучно родился, но, повзрослев, женился против воли матери, и этот неразумный поступок причинил ей безмерные страдания.

¹ Ср. Сир. 36:27: «У кого нет жены, тот будет вздыхать скитаясь».

² Лектор (лат. *lector*) — в доминиканском ордене учёный титул, соответствующий должности преподавателя богословия.

³ Полвары составляет ок. 42 см. Автор прибегает к риторическому преувеличению вроде: «вымахал чуть не на полметра».

ГЛАВА XV. В КОЕЙ ПРИВОДЯТСЯ ДРУГИЕ СЛУЧАИ, ЯВЛЯЮЩИЕ ПРОРОЧЕСКИЙ ДУХ БРАТА МАРТИНА

Один юноша состоял в греховной связи с некоей женщиной — обыкновенный камень преткновения для мужей, пагубная погибель для душ и конечное разрушение для государств. Отправляясь однажды вечером предаться с ней распутству, он, к своему счастью, повстречал слугу Божия, который был ему другом. Тот, движимый, как полагают, высшим побуждением, удержал его почти на весь вечер, и вот, вместо того, чтобы утолять плотские вожделения, юноше пришлось вести духовные беседы. Наконец брат Мартин простился со своим другом, и когда

тот дошёл до угла, рабыня той женщины сообщила ему, что в тот самый вечер внезапно обрушилась кровля спальни, где, без сомнения, погибли бы и мужчина, и женщина, лишившись жизни телесной и подвергнув опасности жизнь душевную, если бы одного из любовников не удержал слуга Божий. Ибо он, как следует понимать, по божественному откровению провидел и вину, и способ её исправить, что он и сделал впоследствии, когда, узнав из уст своего друга о случившемся, обличил его грех и увещевал исправиться.

Отец-магистр бр. Эрнандо де Вальдес из Ордена проповедников, во время своего новициата в монастыре Розария в Лиме, страдал от тяжкого сыпного тифа. Врачи отчаялись в его исцелении, он принял Святые Дары и вверил свою душу Богу, но Господу нашему было угодно продлить дни его жизни. Почувствовав облегчение от своего недуга и заметив, как в дверь его кельи входит брат Мартин, которого он не видел уже много дней, он с любовным упрёком сказал ему: «Слава Богу, брат Мартин удостоил меня своим посещением! Возможно ли иметь так мало милосердия, чтобы столько дней не навещать меня, когда я уже готов был покинуть сей мир?» На это человек Божий с улыбкой отвечал: «Я знал, дитяtko, что вы не умрёте от этого недуга, и потому не навещал вас. Ибо когда я навещаю больного слишком часто, это верный знак, что он умрёт и что помощи ему нет». И это была истина, столь же известная, сколь и подтверждённая всеобщим опытом: когда брат Мартин начинал постоянно навещать больного, тот уже не вставал с одра болезни.

Другой случай, весьма схожий с предыдущим, произошёл с преосвященным владыкою епископом бр. Сиприано де Мединой, когда тот был лектором богословия в монастыре Лимы. Он оказался на смертном одре из-за жесточайшей болезни, и когда одной ночью недуг донимал его сильнее обычного, он попросил инокoв, бывших при нём, позвать брата Мартина. Не найдя его во всём монастыре, они ударили в колокол к утрени, и в этот самый час, словно то послужило ему вестью, брат Мартин вошёл в двери кельи, хотя за всё время болезни ни разу брата Сиприано не навещал. Больной, устремив на него взор, стал горько сетовать, что тот не был с ним в его недуге, хотя и считал его своим сыном, а он находился в явной опасности. «Именно поэтому, — возразил слуга Божий, — Ваше Преподобие и должны были понять, что жизнь ваша вне опасности, ибо я не навещал вас постоянно. И то, что послужило вам поводом для упрёка, должно было стать источником упования, ибо когда я учащаю свои посещения к больному, это верный знак, что он умрёт от своей болезни. Не скорбите, Ваше Преподобие, ибо, хотя недуг и достиг такой силы, он ещё не завершил своего течения и будет донимать вас ещё сильнее, но вы не лишитесь жизни, ибо Господь наш желает ссудить её вам, дабы вы послужили и принесли великую честь своему ордену». Сказанное человеком Божиим исполнилось, ибо в скором времени сеньор епископ пошёл на поправку и обрёл полное здравие.

Многokратно небеса являли дар пророчества, которым был осиян слуга Божий. Рехидор Хуан де Фигероа владел таким изобилием благ, кои по справедливости зовутся дарами фортуны, ибо непостоянны, что, женившись, имел двадцать три тысячи песо годового дохода, не считая ста тысяч, что были у него в обороте. Но поскольку бремя богатства весьма мешает достичь небес, а Спаситель, как ревнитель нищеты, многokратно в Евангелии Своём грозил богатым, то не пожелал Он, чтобы рехидор оставался столь богат, а предпочёл устранить сие великое преткновение на пути к его спасению. И вот состояние его стало убывать, быть

может, потому, что в дом его вошёл брат Мартин, — подобно тому как умножилось достояние Потифара, когда в дом его вошёл патриарх Иосиф (ср. Быт. 39:5). Ведь Бог оказал рехидору несравненно бóльшее благодеяние через бедность, нежели тому варвару-язычнику через богатство, ибо разница между ними как между небом и землёй.

И вот однажды, когда рехидор пришёл в монастырь Проповедников навестить своего друга брата Мартина, у самых дверей его кельи его встретил слуга Божий и с несколько суровым лицом сказал: «Ничего не поделаешь, надобно готовиться к грядущим скорбям». Слова эти весьма встревожили рехидора, и такое он ощутил смятение, что, покинув келью досточтимого брата, отправился в дом доньи Луисы де Сотомайор Мельгарехо — особы, чья великая добродетель соответствовала той высокой славе, какую она стяжала в городе, — в надежде найти у неё облегчение своей скорби и утешение в тревоге, которую вселили в него слова брата Мартина. Он ожидал услышать от добродетельной женщины слова, обратные тем, что сказал ему слуга Божий. Но поскольку один и тот же Дух — Дух Святой — двигал устами обоих, её пророчество совпало с его не только по смыслу, но и по букве, ибо она произнесла те же самые слова, что и брат Мартин, едва увидев его на пороге своей комнаты: «Ничего не поделаешь, надобно готовиться к грядущим скорбям».

Предостережение обоих слуг Божиих было устроением небес, дабы отчасти облегчить участь рехидора, ибо, как сказал святитель Григорий Великий, «предвиденный удар ранит слабее»¹. Рехидор же, получив от столь надёжных свидетелей подтверждение грядущих своих бед, исполнился великого смятения и скорби. С того самого часа он на опыте познал и воочию убедился в истинности того, что было сказано ему от имени Бога. Ибо бесчисленны были горести, огорчения и печали, которые он претерпел во всех родах благ — чести, пользы и улады, — в добром имени, в состоянии и в здоровье. Во всём он понёс такой урон, что видно было, как коснулась его рука Господня, подобно праведному Иову (ср. Иов 19:21), и как Он отметил его печатью Своих избранных, которая есть гонения и скорби, ибо ими, как царским путём, восходят к славе (ср. Деян. 14:22).

Несколько дней спустя, в беседе со слугой Божиим, рехидор, немного помолчав, услышал от него: «Ну что ж, с тем достоянием, что привезли вы, войдя в сей город, вы и останетесь, да ещё с небольшим прибавлением». И со временем рехидор на опыте убедился, что всё случилось в точности так, как было предсказано.

Досточтимый брат состоял в тесной дружбе с бр. Хуаном Гомесом, мужем дивной жизни и великой славы из прославленного ордена обсервантов отца нашего св. Франциска — пламенного серафима, ангела во плоти и духовного отца великого множества героических сынов, коими сияет Церковь. Однажды брату Мартину представился случай послать записку своему другу бр. Хуану, и он передал её через одного студента, который вызвался исполнить это поручение. Ведомый любопытством — пороком, унаследованным от праматери нашей, — тот открыл записку и прочёл её содержимое. Затем он снова свернул её и, когда вручал слуге Божию бр. Хуану Гомесу, тот по особому откровению небесному, а не человеческой силою, узнал о нескромном любопытстве студента и, как и следовало, сурово его укорил. Ответив брату Мартину другой запиской, он отправил её с тем же студентом.

Вместо того, чтобы исправить первую оплошность, тот лишь усугубил содеянную вину. Он вскрыл и вторую записку, как и первую, и, узнав то, что ему знать не

полагалось, снова свернул её и вручил брату Мартину, которому она предназначалась. Но слуга Божий, пророческим духом проведая о случившемся, сурово отчитал студента, сказав, что его глупое любопытство не удовлетворилось прочтением первой записки, которую он послал, но покусилось и на вторую, что была ему ответом. Студент пришёл в такое замешательство, видя раскрытой свою простительную шалость, что, оставив брата Мартина с запиской в руках и с неоконченной речью на устах, в смущении удалился.

Немало доказывает дар пророчества досточтимого брата и следующий случай. Когда преосвященный владыка бр. Сиприано был ещё хористом, он однажды вечером, после вечерней лекции, вместе с другими юношами своего возраста по общему сговору отправился в келью брата Мартина. Они, молоденькие студенты, стали просить его дать им чего-нибудь на полдник. Тот, приняв их со своей обычной любовью и сочтя их просьбу для себя лестной, ибо сердце его было полно милости, велел им подождать немного, пока он сходит и принесёт им угощение по своему усмотрению. Но поскольку непоседливость чрезвычайно свойственна этому возрасту, хористы не унимались, пока не обыскали келью и не открыли один ящик, откуда извлекли немного фруктов, коими и решили заморить червячка, пока не вернётся брат Мартин и не утолит их голод полностью. Один из иноков, найдя в том же ящике серебряный реал в восемь эскудо, вынул его и спрятал в башмак так, что другие студенты этого не заметили. А поступил юнец так, то ли зная о пророческом духе слуги Божия, то ли желая подшутить над ним.

Вернулся досточтимый брат, неся в руках какие-то сласти, что удалось ему собрать, и, отдав их хористам, сказал: «Ну что ж, дети мои, полдничайте». И продолжил: «Хорошо вы сделали, что съели фрукты, они для вас и предназначались». Затем, обратившись к хористу, что взял деньги, он сказал: «А ну-ка, положите сюда патакон², что вы взяли, ибо он не ваш и у него есть хозяин». Все были поражены случившимся, а тот, у кого были деньги, с притворным удивлением стал дерзко отрицать свою вину. Но слуга Божий, улыбнувшись, сказал ему: «Выньте патакон из башмака, ибо не подобает Кресту Иисуса Христа находиться в таком месте». Не в силах более отпираться, изумлённый студент тотчас вынул монету, чем и прочих поверг в глубокое изумление.

¹ Ср. св. Григорий Великий. Мысль, ставшая пословицей (*minus ferit, quod ante videtur*), часто встречается в его трудах, например, в «Беседах на Евангелия».

² Патакон (исп. *patacón*) — просторечное название крупной серебряной монеты, реала в восемь эскудо (*real de a ocho*), имевшей широкое хождение в испанских колониях.

ГЛАВА XVI. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ДАРЕ ПРОРОЧЕСТВА БРАТА МАРТИНА

Один бедный юноша-мирянин, слышавший о сострадательном сердце слуги Божия, почувствовав недомогание, отправился на его поиски, а найдя, попросил, чтобы тот пустил ему кровь в своей келье. Брат Мартин с несказанным милосердием исполнил его просьбу. Оставшись на короткое время один в келье и соблазнившись случаем, юноша решил отплатить досточтимому брату за его благочестие покражей нескольких простыней из рухальной. И чтобы человек Божий не заметил, что он

несёт, он поспешно спрятал добычу в штаны. Когда брат Мартин вошёл в келью, юноша, которому уже пустили кровь и который получил всё, что ему было нужно, простился со своим неблагодарностью оплаченным благодетелем и покинул келью. Но в тот же миг слуга Божий чудесным образом узнал, что тот унёс, вышел вслед за юношей и сказал ему: «Вернись в келью и положи на место простыни, что у тебя в штанах, ибо у больных в них большая нужда, а белья мало». Мирянин, огорчённый тем, что его поймали с поличным и что он попал в такую скверную историю, так и поступил.

Одна из сестёр брата Мартина, будучи замужем, велела сделать поддельный ключ от письменного стола своего супруга, чтобы взять оттуда немного денег, быть может, для покрытия тех нужд, на которые мужья не обращают внимания, а жёны порой пытаются восполнить их с немалым ущербом для своей чести. Сестра человека Божия хранила в тайне свой замысел, открыв его лишь своей дочери, которая и поведала об этом случае. Получив ключ, она на следующий день встретила своего брата, и тот, заговорив с ней, сказал: «Сестра моя, как же ты совершила такое злое дело — заказала поддельный ключ, чтобы брать деньги у своего мужа?» Он сурово укорил её за этот поступок, велел выбросить ключ и добавил, что, пока он жив, она всегда может обратиться к нему за помощью в своих нуждах. Сестра пришла в великое изумление, понимая, что брат никак не мог узнать её тайну.

Доктору дону Бальтасару Карраско де Ороско (которого человек Божий, уступив долгим его просьбам и настояниям, принял под своё отческое попечение) он обыкновенно давал спасительные советы по управлению хозяйством и всем домом, зная не человеческой силою, но по божественному устройению о тех размолвках, что случались у него в семье. Однажды, когда произошла ссора более значительная, чем обычно, тот отправился в монастырь Розария, что стоял напротив его дома, и, войдя в ворота с намерением отвлечься от гнева, встретил слугу Божия. Тот, взяв его за руку, отвёл в зал капитула и, указав ему на образ Христа распятого, словно чудесным образом зная о только что случившемся огорчении, сказал: «Как, по-вашему, достиг сей Господь славы и превознесения, коими Он ныне наслаждается, если не через страдания и муки на Кресте? Подражайте Ему в скорбях, если хотите разделить с Ним Его славу».

Чудесным было и следующее происшествие. Рехидор Хуан де Фигероа однажды доверительно беседовал со слугой Божиим, как он то обыкновенно делал, и поведал ему о своём намерении купить капеллу, усыпальницу и место в великолепной церкви прославленного монастыря Богоматери Милосердия в сём городе. На это досточтимый брат отвечал: «Место купите, а усыпальницу — нет, ибо мы с вами будем погребены здесь», — говоря о том месте в келье, где они находились. Рехидор так и поступил, ибо по опыту знал, сколь полезно следовать мнению столь превосходного мужа, чьи поступки были направляемы свыше.

Прошло около двух лет, и слуга Божий умер, о чём будет рассказано позже. А ещё через четырнадцать лет инок монастыря Розария решили устроить благочестивую капеллу в той самой келье досточтимого брата, дабы место, которое столь великий муж прославил своей жизнью и смертью, обрело более достойный вид, и дабы по смерти кости его покоились там, где он, как мы благочестиво веруем, обрёл вечный покой в небесном отечестве. Настоятелем монастыря в ту пору был отец-магистр бр. Гаспар де Сальданья. Зная о тесной дружбе, связывавшей брата Мартина с рехидором Хуаном де Фигероа, он подробно извещал его о замысле монастыря,

предложив ему и его наследникам патронат над капеллой и право на погребение в ней. Рехидор, вспомнив, что шестнадцатью годами ранее слуга Божий предсказал ему, что они оба будут погребены в этой самой келье, и изумившись, видя, что пророчество почти исполнилось, на опыте познал его истинность. Возблагодарив Бога и высоко ценя честь, оказанную ему монастырём, он принял предложение и тотчас велел начать работы за свой счёт, во всеуслышание поведав о тогдашнем своём разговоре со слугой Божиим.

Когда капелла была завершена, в неё перенесли тело досточтимого брата (о чём будет рассказано позже). А когда и рехидор, укреплённый заступничеством столь почтенного друга, отошёл от сей жизни, он был погребён в той же капелле, рядом со слугою Божиим. Ибо тех, кто любил друг друга при жизни, Бог не пожелал разлучить и по смерти.

О. бр. Фернандо Арагонес, страдая от опасной боли в боку, был охвачен скорбью и тревогой не столько из-за угрозы смерти, которая есть ужаснейшее из естественных зол, как говорит Аристотель, сколько из-за того, что находился в долине, где не было духовного врачевателя, который мог бы его исцелить. Лишённый помощи человеческой, он прибег к заступничеству божественному. Он воззвал к серафическому отцу нашему св. Франциску и к славному отцу нашему св. Доминику, которые, тронутые его мольбой, чудесным образом помогли ему, как о том свидетельствовал сам отец. Прибыв затем, уже оправившись от недуга, в сей город и войдя в великий монастырь, он, получив, как и подобает, благословение прелата, отправился в лазарет. Встретив там брата Мартина, он поведал ему об опасном недуге, постигшем его в пути. На это человек Божий тотчас отвечал: «К добрым заступникам прибегло Ваше Преподобие. Любите же отца нашего св. Доминика, ибо он — добрый друг, и исполните то, что вы ему обещали». Отец Фернандо пришёл в величайшее изумление, ибо тот напомнил ему об обете, о котором знал лишь один Бог.

В другой раз тот же о. бр. Фернандо Арагонес имел неприятность с одним прелатом. Полагая, что, сменив смиренное состояние светского брата на высокое достоинство священника, он заслужит больше уважения и будет иметь меньше огорчений, он размышлял, каким бы образом ему достичь священного сана. Когда он был поглощён этими мыслями, в келью его вошёл слуга Божий брат Мартин и, пророчествуя, сказал: «К чему тужить? Утешьтесь, ибо через четырнадцать лет вы избавитесь от этих забот». На это о. бр. Фернандо возразил: «Это будет потому, что к тому времени я уже умру». «Не в том причина, — отвечал слуга Божий, — а в том, что брат стремится к тонзуре и к тому времени достигнет желаемого. Но когда вы вернётесь, меня уже не будет на этом свете». Всё исполнилось так, как и предсказал слуга Божий: через четырнадцать лет он был рукоположен в священники в городе Сантьяго в провинции Чили, а когда вернулся сюда, застал человека Божия уже почившим.

Когда юноша, служивший брату Мартину, собирался отплыть на Материк¹, то, прощаясь с ним в порту Кальяо, услышал от него: «Прощай, сын мой, в этом мире мы больше не увидимся. А если и увидимся, то ты усомнишься в том, что видишь». Случилось так, как и сказал слуга Божий, ибо, когда брат Мартин явился ему после смерти, тот усомнился в том, что видел и что было у него перед глазами.

¹ Букв. «на Твёрдую землю» (*a Tierra firme*). В колониальную эпоху этот термин имел два значения: 1) официальное название испанских владений на материковой части Южной и Центральной Америки; 2) в более общем смысле — континент, метрополия (Испания), в противоположность колониям. Поскольку юноша, испанец, прощается в порту, готовясь к отплытию, здесь, скорее всего, имеется в виду возвращение на родину.

ГЛАВА XVII. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧУДЕСАХ ДАРА ПРОРОЧЕСТВА И ЗАВЕРШАЕТСЯ РАССКАЗ О НЁМ

Слуга Божий брат Мартин де Поррес был пророком не только будущего, но и настоящего, подобно тому как Моисей, по слову свт. Григория¹, был пророком прошлого, ибо во все времена Бог умеет прославлять Своих угодников, а ради того, чтобы удостоверить святость брата Мартина, Он зашёл так далеко, что тот проникал в самые сокровенные помыслы.

Отца-презентата брата Антонио де Ольмедо в поздний ночной час постигла в его келье жестокая боль в почках. Не зная, к кому обратиться в столь неподходящее время, он вдруг услышал стук в дверь. Это был человек Божий. Больной, поднявшись, чтобы отворить ему, увидел, что тот держит в руках на блюде именно то лекарство, которое было необходимо при его недуге. Выказывая милосердие, блаженный исцелил его, и больной, получив облегчение от мучившей его боли, был поражён до глубины души тем, что брат Мартин узнал о его страдании в тот час, когда он один в своей келье претерпевал его.

Поскольку женщинам столь свойственно желать нарядов и украшений, одна из племянниц брата Мартина чрезвычайно захотела надеть новый плащ на одно весьма торжественное празднество, что было в этом городе. Всего два часа спустя в двери её дома вступил темнокожий посыльный от брата Мартина, передал восемь плащей и от его имени велел, чтобы его племянница выбрала тот, что ей более по вкусу, да надела его на праздник. Племянница приняла дар не только с радостью, но и с изумлением, сочтя случившееся за чудо, ибо, поскольку она никому не сообщала о своих желаниях, то поняла, что брат Мартин их угадал. Без сомнения, Господь, Которому свойственно испытующе взирать в сердца Своих созданий (ср. Пс. 7:10), открыл их ему, дабы его прославить.

Когда бр. Франциск Креста, чьи обширные познания снискали ему славу и признание, занимал кафедру искусств в монастыре Розария в Лиме, он однажды утром вышел из своей кельи, страдая от невыносимой боли и сильной слабости в желудке, которую вызывают постоянные учёные занятия, столь губительные для здоровья. Размышляя, где бы найти облегчение своему недугу и подкрепить желудок, он подумал о масаморре из чуньо² — весьма питательном перуанском кушанье. И тут брат Мартин, встретив учёного инок в одном из клуатров, сказал ему: «Отче лектор, не угодно ли Вашему Преподобию отведать немного чуньо?» Тот, услышав это, застыл в изумлении, ибо брат Мартин прочёл его мысли, которые он не поверял ни единой душе.

Когда лицензиат дон Педро Кихано Севальос, пресвитер, пришёл навестить слугу Божия, тот явил ему радушный приём, какой, по своему благочестию, обыкновенно оказывал всем. Когда же гость, простившись, отошёл шагов на двадцать, человек

Божий окликнул его и, простёрши руку в сторону иезуитской коллегии Св. Павла, сказал: «Когда же мы увидим вас в бонете³?» Лиценциат не понял этой загадки, но, вспомнив позже, припомнил, что, будучи на смертном одре во время тяжкой болезни, он в сердце своём дал обет стать иноком Общества Иисуса, избрав сей святой орден как прибежище, дабы спастись от опасностей для души и не страшиться опасностей для тела. И поскольку он никому не открывал своих намерений, то понял, что Господь, проникающий в помыслы, открыл их брату Мартину, за что он вознёс Ему бесконечные благодарения, славя Его благодать.

Когда донья Бернарда де Сьерра, мать того самого дона Педро Кихано, привезла из порта Кальяо весьма больного сына, старшего из пяти, что у неё были, она велела позвать слугу Божия и настоятельно просила его молить Господа нашего о здравии её болящего чада. Брат Мартин обещал сделать это со всею охотой, но добавил, что воля Божия такова, чтобы все её сыновья умерли, и в живых остался бы по сокровенным судам Его лишь дон Педро Кихано. Спустя весьма недолгое время сыновья этой женщины один за другим стали умирать, и остался лишь младший, в точности исполнив пророчество.

Тот же дон Педро Кихано посещал в этом городе занятия в коллегии Общества Иисуса, где юношество с примечательным усердием обучают грамматике и добродетели, дабы из нежных побегов выросли могучие деревья, приносящие плоды в своё время. Казалось, от дона Педро нельзя было ожидать никаких плодов, ибо он посещал занятия с великой неохотой и без всякого усердия, что происходило от дурных знакомств — чумы для государств, гибели для добрых и конечного разрушения для добродетели. Но сия-то как раз и пленила его красотой своей, и, размыслив о дурных путях, которыми он ходил, дон Педро однажды, идя по улице мимо монастыря отца нашего св. Доминика, весьма печальный и задумчивый, укорив себя за блудную жизнь, которую вёл, положил в сердце своём исправиться. В тот же миг ему встретился брат Мартин, который его знал, подошёл к нему и, ударив его ладонью в грудь, сказал: «Больше усердия в учении, и с этими намерениями — вперёд, ибо это принесёт вам пользу». Лиценциат застыл в изумлении, видя воочию явленной ту мысль, что таилась в глубине его груди, и, по увещанию брата Мартина, привёл свои намерения в исполнение, прилежно отдавшись наукам, отчего и стал впоследствии человеком значительным.

Не меньшим свидетельством пророческого духа слуги Божия служит и следующий поразительный случай. Жил в сём Городе Королей один чужестранец из объединённых провинций и мятежных штатов Голландии, неверующий в сердце своём, хотя на людях и притворявшийся католиком. Но, без сомнения, он был вписан в книгу жизни, и Господь, исчисляющий множество звёзд, то есть predetermined, как говорит святой Августин (ср. Пс. 146:4), причислил его, как видно, к сонму избранных Своих. Настал для него неминуемый час смерти в приюте славного апостола святого Андрея в сём городе Лиме, где с великим усердием лечат больных испанцев, как в других местах — туземцев и свободных негров. Больной, к общему изумлению, три дня пробыл в агонии, чтобы вернуться к жизни; страдал, чтобы перестать страдать; и мучился, чтобы начать радоваться. В последний день, в полночь, в госпиталь вошёл слуга Божий брат Мартин, хотя никто не отворял ему дверей, словно ангел, посланный тем Божественным Пастырем, Который, оставив девяносто девять овец в пустыне небесной, сошёл на землю, чтобы спасти одну и вернуть её в Своё стадо (ср. Лк. 15:4-7). Брат Мартин тотчас

направился к приютскому служителю и сказал: «Что же это такое? Этот больной не крещён, а вы позволяете ему умереть?» И это была истина, ибо, как выяснилось позже, он не принял спасительных вод крещения. Слуга Божий взял на себя труд обратить его и говорил с ним, долго и вдохновенно, с таким пылом, что, при содействии божественной благодати, переменившей больного до глубины существа, тот в последний миг своей жизни обратился к истинной вере святой Католической Римской Церкви и, приняв с благоговением крещение, возродился к жизни духовной, оставив временную, дабы жить в вечной.

Всем этим он, после Бога, был обязан брату Мартину, который, без сомнения, сотворил в том случае три чуда: предсказал явную опасность для больного, вышел из монастыря, хотя ему не отворяли дверей, и обратил упорного грешника, что, по словам святых отцов, есть чудо большее, нежели сотворение неба и земли.

Столь щедро уделил Бог дар пророчества Своему слуге брату Мартину, что тот с самого начала недуга знал, кто из больных иноков умрёт, а кто — выздоровеет. И потому, хотя некоторых врачи, которые по-людски могут ошибаться, и оставляли больных, даже если человек Божий говорил, что они не умрут, опыт подтверждал его правоту. А когда другие врачи уверяли больных, что жизнь их вне опасности, они её лишались, если слуга Божий утверждал, что они умрут. Кроме того, когда умирал какой-нибудь инок, он знал, в каком состоянии тот пребывает в иной жизни, сообразно делам, которые тот совершил в этой. Иногда он говаривал, указывая, что усопший находится в чистилище, чтобы о нём молились Богу. В других случаях, внешне выказывая радость, не говорил ничего, давая понять веселием своего лица, что усопший не нуждается в молитвах, ибо уже наслаждается лицезрением Бога в блаженстве.

Знал он также по божественному откровению и о кражах, что совершались в рухальной, и кто их совершал, и в каком месте прятал украденное. Немалому числу людей он открывал то, что должно было с ними случиться в будущем. Много было и других случаев, в которых небеса явили миру дар пророчества Своего слуги, но, дабы избежать многословия, рассказа о них не последует.

¹ Ср. свт. Григорий Великий, «Беседы на пророка Иезекииля», кн. I, беседа 1. Мысль о том, что Моисей был пророком прошлого, поскольку описал сотворение мира, часто встречается в святоотеческой литературе.

² Масаморра из чуньо (исп. *tazamorra de chunyo*) — традиционное блюдо андского региона, своего рода кисель или пудинг из чуньо — вымороженного и высушенного особым образом картофеля.

³ Бонет (исп. *bonete*) — головной убор католического духовенства, биретта. В данном контексте, указывая на коллегию иезуитов, брат Мартин намекает на тайное желание священника вступить в Общество Иисуса.

ГЛАВА XVIII. О ДИВНОМ БЛАГОРАЗУМИИ СЛУГИ БОЖИЯ

Поскольку благоразумие есть царица нравственных добродетелей, по мысли святого Антония Великого¹, то праведники, руководствуясь им, совершают и произносят

речи, достойные того, чтобы их прославляли и чтобы им внимали все, кто желает преуспеть на пути добродетели. Так и слуга Божий брат Мартин, обладая величайшим благоразумием, многократно являл своё дивное рассуждение.

В один из постов досточтимый брат пребывал на хуторе Лиматамбо вместе с другими иноками, которые, выздоравливая, оставались там ради хорошего климата, дабы, обретя полное здоровье, вернуться к непрестанным трудам монастырской жизни. Однажды им принесли из сада несколько смокв и стали упрашивать брата Мартина отведать их, не помышляя о строгом долге поста. Но слуга Божий, послушный Церкви и внимательный к благочестию, благоразумно уклонился, сказав: «Уже поздно; мы не станем обедать, если позавтракаем сейчас». И то, что казалось заботой о том, чтобы не перебить аппетит, на деле было вниманием к тому, чтобы не нарушить заповедь.

Один инок, ревнующий о своём духовном преуспейании, обратился за советом к брату Мартину как к наставнику в столь сокровенном искусстве. Он спросил его, когда душа, отторгнутая от мира и соединённая лишь с Богом, почувствует в себе наибольший рост добродетели. На это брат Мартин мудро отвечал: «Когда она более всего растает в смирении». И это так, ибо, погружаясь в бездну своего ничтожества пред лицом безмерного бытия Божия, душа уготовляет себя к тому, чтобы Сам Господь посетил её Своими милостями.

Однажды в духовной беседе сошлись брат Мартин и один светский брат. Речь зашла о самопознании, и светский брат, не имея оного относительно своего призвания и состояния, произнёс по-латыни те краткие слова отца нашего св. Августина, которые обыкновенно повторял серафический отец наш св. Франциск: *Noverim te, noverim me* («Да познаю Тебя, да познаю себя»). Тогда брат Мартин с великой быстротой и рассудительностью сказал ему: «И это, брат, по-вашему, и есть самопознание?»

Другой инок, мало утверждённый в добродетели, однажды соблазнился, увидев другого брата в обуви, более прилежавшей к ноге, нежели то по чину его подобало. И словно бы ему, соблазнившемуся, и надлежало исправлять сие легкомыслие, он пошёл к брату Мартину, полагая найти в нём поддержку своему мнению, и с негодованием стал расписывать сей недостаток. Слуга Божий, который для всякого проступка находил оправдание — не потому, что не порицал зла, но потому, что сострадал немощи, — благоразумно сказал тому инок: «Отче, пекитесь о себе самом, и не будете пещись о других. И то, что вашим очам представилось соблазнительным послаблением, моим видится высочайшим провидением. Ибо кто знает, вдруг, войдя в церковь, некий мирянин, отягощённый грехами, не исповеданными, возможно, за многие годы, и встретив инок строгого вида, по одному лишь широкому покрою его обуви заключит о строгости его жизни и не осмелится поведать ему о своих недостатках, боясь получить от него не столько отпущение грехов, сколько укоризну? А увидев затем другого инок, менее строгого к себе самому, и заметив изящество его обуви, он, быть может, наберётся смелости, посчитав, что инок похуже окажется врачом лучше, и в итоге придёт к исповеди?»

С таким благоразумием и рассудительностью явил слуга Божий своё суждение в этом случае: не потакая небрежности того инок, но с великой мудростью прозревая высшие причины, как и подобает тому, кто глубоко постиг природу Бога, о Котором справедливо сказал св. Августин, что Он не был бы столь всеблаг, если бы из зла, попускаемого в мире, Его провидение не извлекало бы некоего блага².

¹ Автор жития вольно излагает учение св. Антония Великого, переданное св. Иоанном Кассианом в «Собеседованиях» (собеседование 2, гл. 4). Согласно ему, высшей добродетелью, их «матерью, хранительницей и управительницей», является «различение» (*discretio*), которое автор XVII в. называет благоразумием (*prudencia*).

² Ср. св. Августин, «Энхиридион Лаврентию о вере, надежде и любви», гл. 11.

ГЛАВА XIX. О СЛАВЕ И ПОЧТЕНИИ, КОТОРЫЕ, НЕ ИЩА, СТЯЖАЛ БРАТ MARTIN

Добродетель сама по себе столь любезна, что её почитает даже тот, кто сам противится ей своими пороками. Слава и уважение в миру так неразрывно с нею связаны, что Бог попускает, дабы даже лицемер, жаждущий тщеславия, снискал почёт за одну лишь личину благочестия, которую он носит. С тем бóльшим основанием угодно было небесам, чтобы брат Мартин, чья добродетель была истинной и чуждой всякого притворства, стяжал всеобщее почтение. И вот, невзирая на его низкое происхождение, но видя в нём лишь одну добродетель, все его так ценили, почитали и любили, что это вызывало изумление, хотя почитать доброго человека — дело обычное.

К нему, как к небесному оракулу, чьи ответы всегда отличались верностью, обращались за советом все: прелаты — в делах управления, учёные — в науках, люди духовные — в молитве, скорбящие — в поисках утешения, а бедные — за помощью, ибо он был для всех общим отцом.

Таким почётом он пользовался у знатных граждан и землевладельцев сего города, что, казалось, они сделали его полновластным господином своих имений. Столь щедро была милостыня, которую ему подавали, что в рухальной для больных при нём содержалось вещей на шесть тысяч песо, и оттуда его милосердие снабжало одеждой болящих иноков и многих бедных мирян. Выйдя однажды просить подаяние в помощь одной своей племяннице, он собрал такую значительную сумму, что, когда нужда её была утолена, на оставшиеся деньги он купил для служения общине чернокожего раба, а также изготовил много белья для лазарета.

Все почитали его за святого. И хотя слава о его добродетели была велика, сама добродетель превосходила эту славу, которой он пользовался у всех: великих и малых, простолюдинов и знати, духовных и светских лиц.

Весьма ценили его героические добродетели особы важные и высокого положения: Высокопреосвященный владыка Фелисиано де Вега, архиепископ Мехико, о коем уже упоминалось, и Преосвященный владыка Педро де Ортега Сотомайор, епископ Куско. Оба, состоя в большой дружбе со слугой Божиим, обыкновенно навещали его, почитая общение с ним за великое счастье. То же самое делали и многие судьи здешней Королевской Аудиенсии.

Но более всего свидетельствует о том почтении, каким пользовался человек Божий в миру, то, как высоко ценил и любил его сеньор граф де Чинчон, дон Луис Херонимо де Кабрера-и-Бобадилья, правивший в то время сим королевством. Он так высоко ставил брата Мартина, что считал за честь, когда тот, кто столь действительно испрашивал у Бога милости и благодеяния, обращался к нему с просьбой, и потому

давал ему всё, что тот просил для помощи бедным. И, зная о его пламенном милосердии, он, как государь весьма добродетельный и христианский, велел выдавать ему каждый месяц сто песо, дабы тот по своей воле раздавал их тем, кого сочтёт нуждающимся.

Почтение, которое этот государь оказывал слуге Божию, дошло до того, что, посетив его однажды в его смиреннейшей келье, он сел на ящик с бельём для больных, ибо другого сиденья не было, позабыв свой высокий сан и пренебрегши властью, дабы ещё более возвеличить брата Мартина. И всё сие — по внушению Господа, Который так чтит Своих друзей, что заставляет государей, императоров и королей почитать их при жизни и по смерти, склоняя короны к их стопам.

ГЛАВА XX. О ПОСЛЕДНЕЙ БОЛЕЗНИ, КОТОРУЮ СЛУГА БОЖИЙ ПРЕТЕРПЕЛ С НЕИЗРЕЧЕННЫМ ТЕРПЕНИЕМ

Нет сомнения, что, взирая на великую награду блаженства и на вечный покой в славе, друзья Божии с радостным ликом встречают скорби. А причисляя к оным и недуги, праведники переносят их с исключительным сокрушением. Будучи же таковым, брат Мартин в последней болезни, которую послал ему Бог, явил высочайшую чистоту своего дивного терпения, снося с несказанным спокойствием духа жесточайшие боли и подражая до самой смерти славному отцу нашему св. Доминику, который, страдая от жгучей лихорадки, являл лик радостный.

Господь наш призвал его к Себе, послав ему острый сыпной тиф, от которого он и умер, зная по божественному откровению, что это будет последняя болезнь, которую ему предстоит претерпеть. И потому в тот же день, как блаженный брат почувствовал себя сражённым недугом, сказал он одному почтенному инок, что пришло время его кончины, и что от этой болезни он умрёт, и никакое лекарство не в силах будет тому воспрепятствовать, ибо такова воля небес. То же самое он дал знать и врачу, который за ним ухаживал. И поскольку он считал свой уход неминуемым, то весьма сокрушался, когда для лекарств, которые ему давали, убивали каких-нибудь зверьков, говоря, что, раз они всё равно не помогут, зачем же губить этих тварей Божиих.

Видя, что с каждым днём болезнь усиливается, и вместе с болями возрастает и терпение, он попросил преподать ему как напутствие всесвятое Таинство алтаря, которое и принял с пламеннейшим благоговением, как тот, кто всю жизнь питал великую любовь к сей небесной пище. И дабы, лишившись чувств, не лишиться и того благоговения, с каким надлежит принимать таинства, он попросил преподать ему и святое елеосвящение, чтобы в тот час противостоять козням диавола, которые были ужасны, как о том будет сказано позже.

Попросив одного инок, ухаживавшего за ним, принести ему тунику, которой он обыкновенно умерщвлял плоть в добром здравии, дабы с этим утешением и умереть, и видя, что тот по неосторожности принёс её на глазах у всех присутствующих, он не захотел её надевать, опасаясь, как бы одежда, служившая ему для умерщвления плоти при жизни, не послужила тщеславию при смерти. И так, как свидетельствует Преосвященнейший владыка бр. Хуан де Истурисага из Ордена проповедников, епископ Санта-Крус-де-ла-Сьерра, когда владыка Педро де Ортега, бывший епископ Куско, находившийся с несколькими почтенными иноками в келье

больного, принёс брату Мартину тунику, он, выйдя из кельи, сказал во всеуслышание, так что и брат Мартин мог его слышать: «Слуги Божьи обыкновенно весьма дорожат орудиями, которые помогли им стяжать заслуги». И, оставив ему тунику, чтобы тот её надел, он увидел, что слуга Божий не только не захотел её принять, но и с презрением отверг, велел бросить её в самое грязное место. Случай этот вызвал немалое изумление у присутствующих, которые видели, сколь наглухо брат затворил врата для всего, что служило тщеславию и могло бы в тот час вскружить ему голову.

Избегая тщеславия и в столь опасный час, он настоятельно просил приора монастыря снять с него послушание, возложенное на него: поведать о милостях, которые в течение всей своей жизни принимал из щедрых рук Всевышнего, о чём уже было рассказано более подробно.

Но в то самое время, как слуга Божий скрывал дарованные ему небом милости, Бог пожелал почтить его в последние мгновения его жизни. Когда один близкий друг, ухаживавший за ним в его последней болезни, пришёл проститься с досточтимым братом, Мартин, высвободив руки, с такой силой стиснул его голову, что тот весь покрылся потом. И свидетель сей уверяет, что всё то время, пока брат Мартин держал его, он наслаждался столь нежным и небесным благоуханием, какого за всю свою жизнь обоняние его не знало. Но стоит ли дивиться, что тело его, готовое разлучиться с душой, которая, как мы свято веруем, должна была прославиться, источало такое благоухание, если и при жизни, подметая самые нечистые места в монастыре, он, как свидетельствовал почтенный инок и генеральный проповедник¹ брат Хуан де Очоа, источал небесное благоухание?

¹ *Генеральный проповедник (исп. Predicador general) — почётный титул в Ордене проповедников (доминиканцев), присваиваемый опытным и заслуженным проповедникам пожизненно.*

ГЛАВА XXI. О БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЕ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

Если бы непрестанные труды праведников, их суровые подвиги и строгости не имели бы верной награды на небесах, и если бы их упование на Христа в этой жизни было тщетно, то они, по слову святого Павла, были бы несчастнее всех человеков (ср. 1 Кор. 15:19). Но поскольку награда их верна в Боге, то по прошествии краткого мига жизни они с радостью встречают желанный час смерти.

Брат Мартин был вне себя от радости, видя, что приближается благословенный час, когда он, выйдя из темницы тела, уповая на Кровь Спасителя, уже не во тьме веры, что свойственно земной жизни, но в свете блаженства, сияющем в отечестве, узрит и вкусит высшее благо, коего всем сердцем жаждал. С этим живым упованием, по мере того как недуг с каждым мгновением усиливался, он радостно претерпевал жесточайшие боли, и ни единый стон не сорвался с его уст, ни тень неудовольствия не омрачила его лица.

Прожив после принятия святых Таинств долее, чем все ожидали, и видя, сколь измождено и истощено его тело, он казался скорее бездыханным трупом, нежели

живым человеком, хотя, к великому изумлению врачей, пульс у него всегда оставался ровным.

Диавол, видя, что брату Мартину осталось недолго, не захотел упускать времени и стал внушать ему ужасные помыслы против веры и надежды. Бог же попустил это в тот час, дабы с заслугами Его слуги возросла и награда, и чтобы он до самой смерти победно сражался со своим врагом.

Один отец-магистр, близкий друг досточтимого брата, заметил по его виду дьявольские наущения и мудро сказал ему: «Хитёр диавол, брат Мартин, не вступайте в прения с тем, кто много знает; но, храня твёрдую верность церковной истине, уповая на Кровь Иисуса Христа, умрите, исповедуя Его веру и надеясь на Его милосердие». На это человек Божий со смирением и благоразумием отвечал: «Отче-магистр, доводы — для учёных отцов. Пусть они их и опровергают, ибо как богословам, им, чтобы ответить на козни врага, требуется не менее чем ангельская глубина познаний. А перед донатом, перед невежественным цирюльником, горделивый сатана не станет утруждать себя хитросплетениями».

Другой инок, ухаживавший за слугою Божиим, видя, какой опасности подвергается душа, пока не выйдет из оков тела, сказал брату Мартину, чтобы тот призвал на помощь отца нашего св. Доминика, дабы тот помог ему, как сыну. На это больной отвечал, что нет нужды звать его, ибо он уже здесь, вместе с Пресвятой Девой, Владычицей нашей, с Её возлюбленным Супругом св. Иосифом, со св. Екатериной, девой и мученицей, и со св. Викентием Феррером, которые пришли укрепить его в сей час.

И вот, в час агонии, когда слуга Божий держал в руках образ святого Распятия — главное прибежище верных в столь опасное время, — отец-презентат бр. Франсиско де Паредес, видя его движения, и то, как лицо его покрылось смертным потом, а все члены тела содрогались, понял, что это следствие невидимой брани, которую человек Божий всё ещё вёл с сатаной. Тот же, без сомнения, видя, сколь короток оставшийся ему срок, вновь и вновь нападал на слугу Божию, и досточтимый брат так страшился этих козней, что от них покрывался потом и скрежетал зубами, хотя жизнь его и была столь образцовой.

Ибо праведники, имея столь глубокое познание о Боге, так высоко ценят Его и так хорошо знают, что значит вечно наслаждаться Его лицезрением или лишиться его на целую вечность, что трепещут и страшатся того мгновения, от которого зависит их вечное блаженство или вечное осуждение. Это и являл брат Мартин в той борьбе со страхом, через которую он ещё более утверждался в уповании. Ибо, как сказал св. Бернард, «вернейший способ обрести уверенность — это страшиться самой уверенности»¹. И если человеку никогда не следует считать себя в безопасности, то тем более — в неминуемой опасности смерти, от которой зависит вечная безопасность или вечная погибель. Весьма мудро поступал слуга Божий, обретая залог спасения в смертный час тем, что страшился в нём самой своей уверенности.

Когда инок, ухаживавший за ним, счёл, что час брата Мартина уже близок, он спросил, не подать ли знак, чтобы община, по обыкновению, пришла помочь ему достойно умереть. На это блаженный, поскольку речь у него уже отнялась, лишь покачал головой в знак отрицания. Но тот же инок, заметив после третьей схватки, которую, казалось, брат Мартин вёл с диаволом, что он снова покрывается холодным потом и с силой сжимает святое Распятие, вновь спросил его, не подать ли знак,

чтобы монастырь собрался ему на помощь. Тогда слуга Божий склонил голову, давая понять, что время пришло.

И вот, когда все иноки собрались и стали помогать ему общей молитвой, столь угодной Богу, он, вверив душу свою Творцу, предал её Ему, дабы, как мы свято веруем, вечно наслаждаться Его лицезрением, получив в награду за свои великие заслуги не что иное, как Самого Бога, по непреложному суду всей Троицы, принявшей его небожителем в вечные чертоги. Блаженное преселение его совершилось между восемью и девятью часами вечера, в третий день месяца ноября, в год от Рождества Христова 1639-й. Прожил он шестьдесят лет, из которых тридцать восемь — в иночестве, и все их провёл в служении Богу и на пользу и назидание ближним.

¹ Ср. св. Бернард Клервоский. Мысль *Vis esse securus? Time securitatem* («Хочешь быть в безопасности? Бойся [самой] безопасности») часто встречается в его трудах и стала крылатым выражением.

ГЛАВА XXII. О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОСЛЕ СМЕРТИ СЛУГИ БОЖИЯ, И О ПОЧЁТНОМ ПОГРЕБЕНИИ, КОТОРОГО ОН УДОСТОИЛСЯ

Столь велика на земле скудость праведников, и лишь ради них милосердие Божие терпит злых, что никакая скорбь человеческая не может быть соразмерна такой утрате. Невыносимой сочли иноки потерю брата Мартина. И если прежде они в обильных слезах и со многими покаянными подвигами молили Бога продлить жизнь слуги Своего, то, когда он покинул сей мир, сетования их не умолкали, в отличие от сетований Давида, прекратившегося по смерти чада, о чьей жизни он неотступно молил небеса (ср. 2 Цар. 12:22-23). Не утихал в лимском монастыре плач, сопровождаемый печальным звоном колоколов, и поистине всеобщим было горе среди знати и простолюдинов, духовных и светских лиц, мужей и жён, так что, окажись при сём общем плаче Исаия, он не нашёл бы причины, как в древности, сетовать, что, когда праведники уходят с земли, никто не сокрушается сердцем об их уходе (ср. Ис. 57:1).

И вот Господь изволил тотчас умерить скорбь, объявшую весь монастырь, сотворив по всемогуществу Своему дивные чудеса. Когда останки усопшего, тело, служившее благословенным вместилищем столь благородного духа, было положено в главной капелле церкви — в месте, где оставляют почивших иноков, пока, по совершении заупокойной службы, не отнесут их для погребения в зал капитула, — к покойному около трёх или четырёх часов утра подошёл преосвященный владыка бр. Сиприано де Медина. Движимый то ли любопытством, то ли благоговением, он прикоснулся к телу и обнаружил, что оно стало твёрдым и неподатливым. Изумлённый и убеждённый в его добродетели, а также по великой любви, которую он к нему питал, и по глубокому знанию его святости, он в присутствии многих иноков, бывших при нём, возвысил голос и сказал: «Как же так, брат мой Мартин, вы вдруг так быстро окоченели до неподатливости, когда приближается день, и весь город ждёт, чтобы увидеть вас и восславить Господа в чудесах Его? Попросите же Его, дабы Он, явив Своё могущество, соделал сие тело податливым и мягким, чтобы мы воздали Ему за это великую благодарность».

И случилось нечто, достойное всяческого удивления: довольно быстро тело его стало мягче, податливее и гибче даже, нежели при жизни слуги Божия, так что его поднимали и сажали, к изумлению присутствующих.

Утром весь город пришёл, во всеуслышание прославляя добродетель человека Божия. И когда несметные толпы народа хлынули, чтобы припасть к его облачению, то все не только осязали дивную мягкость и гибкость его тела, но и вдыхали исходившее от него небесное благоухание, которое превосходило все земные ароматы, повергая в людей восторг. То же самое испытала и одна женщина, которая, поднявшись спозаранку, чтобы увидеть и почтить останки слуги Божия, и не имея возможности войти, ибо двери церкви были затворены, приблизившись к ним, ощутила столь необычайный аромат, что ей показалось, будто он с небес нисходит. Другая женщина, по имени донья Урсула де Медина, утверждает, что в день погребения досточтимого брата, войдя на церковное кладбище, она ощутила столь нежное благоухание, что сочла его чем-то неземным. То же чудо изведаль и человек по имени Антонио де Аларкон, которому посчастливилось получить после смерти слуги Божия его куртку. Он заметил, что от неё исходит дивный аромат, в котором, без сомнения, запечатлелось благоухание его героических добродетелей. И многие другие люди утверждали, что ощущали то же нежное благоухание, когда тело находилось в церкви.

Народ, побуждаемый этим чудом и молвой о необычайной добродетели блаженного, благоговейно лобызал руки усопшего, а затем с таким рвением принялся разрывать на нём облачение, унося лоскуты как святыню, что инокам пришлось многократно переодевать покойного, дабы тело сохраняло благопристойный вид.

Решили похоронить его в тот же вечер, во избежание беспорядков. Итак, началась заупокойная служба с великой торжественностью, и сошлись на его погребение самые знатные и почтенные лица сего города: члены Аудиенсии, городского совета и иноки всех общин, пришедшие не по приглашению монастыря, но по зову благочестивых сердец своих и влекомые благоуханием, которое исходило бездыханное тело. А дабы почтить в свойственника брата Мартина, сеньоры из Аудиенсии предоставили место в своих рядах одному из шурьев слуги Божия, ибо тот был родственником того, кто, как мы свято веруем, восседал среди обитателей чертога небесного.

Большая часть города пришла, провозглашая брата Мартина другом Божиим, а когда настал час погребения, гроб с телом усопшего от церкви до зала капитула понесли на своих плечах высокопреосвященный владыка Фелисиано де Вега, архиепископ Мехико, преосвященный владыка Педро де Ортега Сотомайор, бывший епископ Куско, его превосходительство Хуан де Пеньяфьель, судья здешней Королевской Аудиенсии, и другие знатные особы, оспаривая друг у друга честь нести тело мужа, бывшего отцом нищих, — подобно тому как ангелы радовались, неся на лоно Авраамово душу нищего Лазаря, как о том рассуждал свт. Иоанн Златоуст¹. Так Господь наш пожелал возвеличить по смерти того, кто столь ревностно служил Ему при жизни.

Когда тело было с честью погребено в зале капитула, случилось так, что от великой давки народа носилки, на которых несли усопшего, сломались и разлетелись на куски, так что уже не могли послужить другому инок. И это, без сомнения, было особым провидением небес, ибо не подобало, чтобы носилки, служившие телу столь

великого мужа, послужили кому-либо другому. И не внове Богу так прославлять Своих рабов, ибо, когда в пустыне испустил дух прославленный авва Пафнутий, келья, в которой он жил, обрушилась до основания, ибо Бог не пожелал, чтобы приют, служивший столь великому рабу Его, послужил другому отшельнику.

¹ Ср. св. Иоанн Златоуст, «Беседы на Евангелие от Луки», беседа о богаче и Лазаре (Лк. 16).

ГЛАВА XXIII. О МНОГИХ ДРУГИХ ЧУДЕСАХ, КОТОРЫЕ БОГ СОТВОРИЛ ПОСЛЕ СМЕРТИ СВОЕГО СЛУГИ, ДАБЫ ЯВИТЬ СЛАВУ, В КОТОРОЙ ОН ПРЕБЫВАЕТ

Господь, Который в удостоверение добродетели Своего слуги брата Мартина творил редкие чудеса при его жизни, продолжил творить их и после его смерти и погребения, дабы дать нам понять (как мы свято веруем), что досточтимый брат в воздаяние за свои бдения и подвиги обрёл в Царствии Небесном награду святых.

В ночь блаженной кончины, ставшую для брата Мартина рассветом славного дня, одного инока в весьма чувствительной части тела постигла убийственная боль, сопровождавшаяся столь ужасными конвульсиями, что он стал издавать громкие крики, отчего несколько иноков, живших вдали от лазарета, где в ту пору находился больной, пришли узнать, в чём дело. Узнав о недуге, один почтенный инок убедил его воззвать о заступничестве к брату Мартину, ибо он только что почил и находится теперь совсем рядом, а в час кончины святого Господь чаще, чем когда-либо, являет Свои милости ради него. Больной внял сему благому совету и с великим упованием стал призывать человека Божия; затем быстро уснул, а боль вместе с прочими конвульсиями утихла и более никогда его не тревожила. Пробудившись здоровым, он вознёс Господу нашему благодарение за то, что Он исцелил его по действительному ходатайству брата Мартина.

Одна женщина по имени Мабель де Асторга страдала от мучительной и опасной двойной трёхдневной лихорадки¹, не имея надежды на избавление. На неё возложили тунику новопреставленного слуги Божия, и на следующий день приступ лихорадки не повторился. Она совершенно поправилась и встала со своего ложа в добром здравии.

Один темнокожий по имени Хуан Кристо, страдая от сильного жара и опасаясь, как бы по прошествии времени болезнь не укоренилась и не перешла в чахотку, развёл в воде немного земли с могилы брата Мартина и с великой верой выпил. В тот же миг жар у него прошёл, и он обрёл здравие по заступничеству человека Божия.

Одной женщине по имени Исабель Ортис де Торрес, которую брат Мартин чудесным образом исцелил от недуга ещё при жизни, он же даровал здравие и по своей кончине. Она страдала от жестокой лихорадки, и к ней присоединился другой приступ, от которого она лишилась чувств. Придя немного в себя, она велела принести ей изображение слуги Божия и, с великой верой обняв оное, сказала брату Мартину: «Отче мой, раз вы — небесный врач и уже не раз являли мне милость, даруя здравие, уделите мне его и на сей раз». В тот же миг женщина почувствовала облегчение, и оно было столь велико, что на следующий день, уже совершенно выздоровев, она возносила благодарения Богу и Его слуге брату Мартину.

В другой раз одна темнокожая рабыня той же доньи Исабель Ортис, страдая от жестокой лихорадки и будучи на последних месяцах беременности, почувствовала родовые схватки. От тяжкого недуга силы совершенно оставили её, а младенец расположился в чреве поперёк. Не находя в столь явной опасности помощи человеческой и взывая к божественной, её госпожа всем сердцем вверила рабыню свою новопреставленному брату Мартину и убедила больную также призвать его на помощь. И когда госпожа и рабыня некоторое время призывали имя слуги Божия, младенец занял должное положение, и она разрешилась от бремени, словно никогда и не была в опасности.

Также и донья Мария Бельтран мучилась в жестоких родовых муках с четырёх часов утра до десяти вечера и никак не могла разрешиться, ибо младенец лежал поперёк. По этой причине все, кто был при ней, отчаялись в её жизни и велели ей исповедаться, готовясь к смерти. И хотя к ней прикладывали многие мощи святых, она не могла родить, так что уже было решено прибегнуть к помощи ножа, что повергло в великую скорбь сердца всех присутствующих. В столь отчаянном положении мать больной вспомнила, что у неё хранится лоскут от хабита новопреставленного брата Мартина. Она приложила его к чреву дочери, вверяя её слуге Божией, и та без всякого иного усилия та в тот же миг родила живого младенца к изумлению и общей радости присутствующих, которые восславили Господа в Его слуге брате Мартине.

В городе Леон-де-Уануко другая женщина, также жестоко страдая в родах и долгое время не имея сил разрешиться от бремени, с великой верой и благоговением возложила себе на чрево изображение брата Мартина и тотчас избавилась от грозившей ей опасности, родив в то же мгновение.

¹ Двойная трёхдневная лихорадка (*исп. tercianas dobles*) — старинный медицинский термин, обозначавший тяжёлую форму малярии. При обычной трёхдневной лихорадке (*terciana*) приступы повторяются через день. «Двойная» же означала, что в организме присутствовали две независимые волны паразитов, из-за чего приступы случались ежедневно, чередуясь по силе.

ГЛАВА XXIV. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧУДЕСАХ, СОТВОРЁННЫХ СЛУГОЙ БОЖИИМ ПОСЛЕ ЕГО КОНЧИНЫ

Бесспорно, иноки, сыны великих патриархов, во все времена были и остаются для христианского общества великим облегчением, утешением и наставлением. Ибо, помимо того, что они возвеличивают его святостью, защищают своей кровью и прославляют мудростью, они непрестанно трудятся, поучая верных с амвона, увещевая их в исповедальне, утешая у алтаря, молясь о них Богу на хорах, облегчая их страдания в болезнях и пребывая с ними до самой смерти, дабы возвести их на небеса. Так, когда серафическая мать наша св. Тереза Иисусова однажды спросила своего Жениха-Спасителя, что Он думает об орденах, Господь отвечал ей: «Что стало бы с миром, если бы не было орденов?»¹ И помимо слов Самой Истины, Которая есть Иисус Христос, о том же на каждом шагу свидетельствует и опыт.

В городе Арекипе одна женщина, мучаясь в родах и уже расставшись со всякой надеждой на жизнь, ибо младенец лежал поперёк, была обречена на чревосечение. А

поскольку лечение это весьма опасное, позвали одного инокa, случайно проходившего по улице, чтобы он её исповедал. Исполнив для больной долг врача душевного, он попытался испросить для неё и здравия телесного. Инок этот был из ордена славного патриарха нашего св. Доминика и состоял в дружбе с братом Мартином. Он вынул письмо, которое слуга Божий ему написал, вкратце поведал страждущей женщине о его дивной добродетели и дивных делах, свершённых небесами на его прославление, и убедил её в сей тяжкий час от всего сердца ввериться досточтимому брату, который в ту пору уже почил. Он также возложил ей на чрево письмо от брата Мартина, и оно, без сомнения, принесло ей весть о чудесном здравии, ибо в тот же миг она без вреда для себя разрешилась от бремени, к изумлению всех, кто при том присутствовал. Они вознесли искреннее благодарение Господу и Его слуге брату Мартину, единодушно прославив его добродетели.

Донья Грасиана Фарфан де лос Годос, имев выкидыш на третьем месяце, не смогла извергнуть послед и оттого страдала от жгучей лихорадки и постоянных головокружений. Она была в великом изнеможении и скорби. Ей дали изображение слуги Божия, и она с великой верой и слезами вверилась ему, попросив у него молитв перед Богом. Тотчас она извергла послед, который носила в теле своём месяц и восемнадцать дней, — случай редкий и удивительный, ибо от него исходило такое зловоние, что невозможно было терпеть. В тот же миг у неё прошли и лихорадка, и головокружения; и врачи и все, кто знал о случившемся, сочли её исцеление чудом и прославили его с подобающим изумлением.

Донья Мария де Вильярроэль, которой, к великому её счастью, досталась туника человека Божия после его кончины, прибегала к ней: от прикосновения к сей реликвии она избавлялась от различных болезней и болей.

Многokратно небеса являли, сколь велики заслуги слуги Божия, ибо по его призыванию исцелялись болящие, разрешались от бремени женщины в тяжких родах и проходили различные недуги. Одна женщина по имени Мария де Рибера после опасного падения лечилась разом у четырёх врачей, самых известных в нашем городе, но, не чувствуя улучшения, непрестанно кричала от неутихающей боли, мучившей её. Когда врачи отчаялись в её исцелении, её пришёл навестить один инок из Ордена проповедников, бр. Антонио Хосеф де Пастрана, генеральный проповедник. Он рассказал ей о великой добродетели новопреставленного брата Мартина, о том, сколь сильны его молитвы перед Богом, и о тех милостях, которые Господь по его заступничеству дарует молитвенникам после его смерти. Несчастная женщина, проливая обильные слёзы, со всем благоговением, на какое только была способна, вверилась досточтимому брату. И столь действенна оказалась её ревностная молитва и заступничество слуги Божия, что, едва женщина воззвала к нему о помощи, как у неё прошла не только ужасная боль, которую она терпела, но и спала большая опухоль, что у неё образовалась. Врачи пришли в изумление и приписали её выздоровление явному чуду.

Немалым было и чудо, случившееся с Франсиско Бланко, нотариусом, ведшим дознание и процесс о жизни брата Мартина, в котором сам слуга Божий потрудился не только ради другого, но и ради собственной пользы. Из-за некоего несчастного случая у нотариуса образовалась язва на левой ступне, и она так распухла и болела, что он не мог надеть даже старую обувь. Боль распространилась и на ногу, а в других, скрытых частях тела, появились новые опухоли. Ему сообщили, что на

следующий день он должен будет допросить преосвященнейшего владыку бр. Хуана де Аргинао из Ордена проповедников, выдающегося сына сей провинции, известного своей добродетелью и учёностью, а ныне — архиепископа города Санта-Фе в Новом королевстве Гранада, который как раз собирался отбыть в свою епархию. Дом, где тот остановился, находился далеко от дома нотариуса, перед которым он должен был свидетельствовать о том, что знал о добродетелях и чудесах брата Мартина. И поскольку нотариус не мог сдвинуться с места из-за опухоли, а покой есть лучшее лекарство для ноги, как сказал Гиппократ, он оказался в великом затруднении, не зная, как поступить. Лишённый помощи человеческой, он был вынужден прибегнуть к заступничеству брата Мартина и, ложась в постель, обратился к нему с такими словами: «Ты хорошо знаешь, слуга Божий, что я не в силах сделать и шагу, чтобы пойти и допросить сеньора архиепископа, а ведь он — важнейший, неопровержимый свидетель в дознании о твоей дивной жизни. И поскольку дело это — твоё, испроси мне здоровья у Господа нашего, чтобы я мог двинуться с места и исполнить это поручение».

Произнеся лишь эти слова, он лёг спать, не применив никакого лечебного средства. И с того часа брат Мартин стал являть ему свою милость, ибо, не спав предыдущие ночи из-за ужасной боли, в эту ночь он проспал до самого утра. А пробудившись (то было свершение всемогущества Божия), больной обнаружил, что совершенно здоров: опухоль спала и на ноге, и в других местах, язва так подсохла, и всё пришло в такое хорошее состояние, словно у него и не было никакого недуга. Нотариус возблагодарил Господа нашего и тотчас отправился допрашивать сеньора архиепископа.

Испытала на себе милосердие Божие по заступничеству Его слуги и донья Мария Бельтран. Она страдала от весьма опасного, по мнению врачей, нарыва, и дело шло к тому, чтобы его вскрыть, для чего уже позвали хирурга. То ли из страха перед болью, которой она ожидала, то ли по необходимости и стыдливости, столь свойственной женщинам, она, вынув изображение слуги Божия и с любовью обратившись к нему, сказала: «Отче мой, брат Мартин, не допустите, чтобы кто-нибудь увидел мою плоть, и испросите мне у Господа нашего полного здоровья, устроив так, чтобы этот нарыв прорвался без ножа». Человек Божий услышал столь справедливую просьбу, и, не почувствовав никакой боли, больная, сидевшая в своём кресле, внезапно ощутила, как нарыв прорвался, и из него вышло обильное количество гноя, отчего она пришла в великое изумление и радость. Когда же явился хирург, она сказала ему, что в нём нет нужды и чтобы он уходил, что он и сделал. Притом небеса по заслугам брата Мартина оказались к ней так щедры, что не потребовалось даже накладывать пластыри, предписанные хирургией, потому что, прорвавшись, нарыв закрылся без всякого лекарства, к изумлению всех, кто об этом узнал.

Бр. Антонио де ла Вега, светский брат из Ордена проповедников, сорок дней кряду страдал от двойной трёхдневной лихорадки, вызванной большим нарывом в лёгком — недугом, который Гиппократ считает неизлечимым, ибо лёгкие находятся в постоянном движении. Больной этот страдал также от болезни мочевых путей и других докучных недугов, пребывая в великом унынии, ибо не имел никакой надежды на исцеление. Его пришёл навестить в болезни бр. Матфий св. Викентия, донат из того же монастыря, и, сжалившись над его страданиями, убедил его от всего сердца ввериться слуге Божию брату Мартину де Порресу, который в ту пору уже почил, и дал ему его изображение, чтобы ещё сильнее воспламенить в нём

благоговение. Больной принял столь спасительный совет и тотчас стал горячо молиться брату Мартину, с искренним чувством, которое внушала ему его болезнь, прося его испросить ему здравия у Господа нашего, если на то будет Его воля, и обещая, что, если его просьба будет исполнена, он будет с особым усердием служить больным в монастыре, сколько позволит послушание, в память о дивном милосердии, которое слуга Божий являл страждущим, и стараясь отчасти подражать его заботе.

Господь наш услышал молитвы Своего слуги и больного, ибо на следующий день, без какого-либо лечения, нарыв внезапно прорвался, опухоль и жар спали, и он обрёл совершенное здравие, испытав такой прилив сил и бодрости, что на третий день встал с постели, приписав своё неожиданное исцеление могущественному заступничеству брата Мартина.

¹ Ср. св. Тереза Авильская, «Путь к совершенству», гл. 1–3. Святая не приводит прямой цитаты, но подробно рассуждает о том, что монастыри являются оплотом Церкви и мира.

ГЛАВА XXV. В КОЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ И ЗАВЕРШАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧУДЕСАХ, СОТВОРЁННЫХ СЛУГОЮ БОЖИИМ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Лицензиат Диего де Севальос, врач по своему ремеслу, в нынешнем, 1673 году оказался сражён тремя тяжкими недугами: ангиной, дизентерией и гнилостной лихорадкой - - так что врачи отчаялись в его исцелении. Приняв в Вербное воскресенье святейшее таинство Евхаристии, он в Великий понедельник снова принял его как напутствие, ибо болезнь его явно вела к смерти, сопровождаясь столь нестерпимыми приступами, что он не мог ни уснуть, ни отдохнуть ни мгновения. Ему дали реликвию слуги Божия брата Мартина, и он, с великой верой и благоговением возложив её на грудь, попросил блаженного испросить ему у Бога здравия, если на то будет Его воля. И случилось нечто удивительное, и все сочли это чудом: он тотчас уснул и проспал восемь часов кряду, а пробудившись, обнаружил, что совершенно здоров, и не осталось и следа от трёх жестоких недугов, которыми он страдал одновременно. Врачи признали его исцеление чудом. На четвёртый день он встал с постели, чтобы возблагодарить Бога и Его слугу брата Мартина, и хотя он и прежде питал к нему благоговение, ныне возгорелся ещё большей любовью, распалённой благодарностью за спасение жизни.

Когда отец-проповедник бр. Антонио Гутьеррес, будучи хористом, ухаживал за братом Мартином в его последней болезни, он заразился тем же недугом, что унёс жизнь слуги Божия. Больной с благоговением принял святыне Таинства, готовясь умереть по-христиански. Однажды, почивая, он увидел во сне, как в его келью входит Царица Небесная, Пресвятая Мария, Владычица наша, отец наш св. Доминик, св. Екатерина, дева и мученица, и досточтимый слуга Божий брат Мартин. И они, дабы поклониться и почтить место, где пребывали не только стопы Господни, но и Его Тело в Таинстве, остановились перед алтарём. Брат Мартин же, подойдя к постели больного, с любовью сказал ему: «После этого посещения бр. Антонио уже будет здоров». В этот миг больной пробудился и не увидел никого из тех, кто явился ему во сне. Он тотчас снова уснул, погрузившись в столь глубокий сон, что не

пробуждался до следующего дня. Когда же пришёл врач навестить его, он нашёл его выздоровевшим от лихорадки. Улучшение шло так быстро, что на четвёртый день он встал с постели, благословляя Господа за своё здравие и приписывая его могущественному заступничеству брата Мартина.

Пребывая в городе Трухильо в королевстве Перу, о. бр. Хасинто де лос Оливос из Ордена проповедников страдал от непрерывной лихорадки, из-за которой оказался в великой опасности. В одну из ночей мучения его так усилились, что он уже не надеялся дожить до утра. Вспомнив о досточтимом брате и о пламенной любви, которую тот являл при жизни, он стал говорить с ним и горячо молить его о заступничестве в этой скорби, ведь другим-то он милость сию оказывал. Вот так, неотступно взывая о помощи, он словно бы задремал и тогда увидел досточтимого брата, стоявшего на коленях, словно бы в молитве перед Святыми Дарами. И он стал подниматься в воздух, пока не поравнялся с дарохранительницей Господней. Помолившись так изрядно времени, он снова опустился к подножию алтаря, с которого и встал на ноги, а затем, подойдя к больному, с любовью сказал: «Не скорбите, ибо Бог дарует вам здравие». Сказав это, он исчез, и Господь наш по заступничеству слуги Своего даровал больному то, о чём тот просил.

Продолжением рассказа о чудесах, сотворённых небесами после кончины брата Мартина, послужит следующий дивный случай. Преосвященный владыка бр. Сиприано де Медина, ещё до своего возведения в епископский сан страдал от смертельного недуга. Видя, что врачи отчаялись в его исцелении и что он стоит на пороге смерти, иноки скорбели о его безвременной кончине и, прибегнув к единственному — божественному — средству, убедили его со всем благочестием, на какое он был способен, верить человеку Божию, который, к тому времени уже почив, сменил временные труды сей жизни на вечный покой иного бытия. Магистр брат Гаспар де Сальданья послал брату Сиприано также розарий, который слуга Божий всегда носил на шее, и больной с великим благоговением возложил его на себя.

После этого, когда одной ночью недуг терзал его особенно люто, он, повернувшись к стене, воочию увидел блаженного брата Мартина, стоявшего в изножии его постели. Блаженный брат, хотя и почил уже, явился ему, сложив по своему обыкновению руки в рукавах хабита, и с улыбкой взирал на него. Больной, собравшись с силами, сколько мог, напряг голос и сказал досточтимому брату: «Где же ваша любовь, брат Мартин, и как вы могли так забыть меня? Неужели вас занимает лишь ваше блаженство с Богом в иной жизни и вы оставили меня в земной юдоли без помощи, когда я страдаю так, как вам ведомо, и мне не дают срока жизни более, чем до завтрашнего утра?» Тогда брат Мартин устремил на больного свой взор и, снова улыбнувшись, дал ему понять, покачав головой, что от этой болезни он не умрёт.

Иноки, ухаживавшие за ним и слышавшие, как он говорит с кем-то и с нежной любовью сетует, хотя, как им казалось, никто ему не отвечал, решили, что он бредит и что сила недуга лишила его разума. Но вскоре они избавились от своего заблуждения, ибо, когда больной проспал ту ночь, то у них на глазах два врача, пришедшие утром, засвидетельствовали чудесное улучшение, которое продолжалось до тех пор, пока болящий не обрёл полного здравия по заслугам брата Мартина, которого небеса прославили и другими чудесами, явив, как мы понимаем, ту славу, которой он удостоен в небесах.

Донья Луиса де ла Серда-и-Савала, которая жива и поныне, имея благочестивый обычай каждую пятницу в году возжигать свечу перед образом святого Распятия в память и почитание тех трёх часов, что Спаситель провёл живым на Кресте, в одну из пятниц поставила свечу на табурет, покрытый холщовой тканью для большего благолепия. Пока свеча горела, она была занята неотложными домашними делами. Тем временем искра от свечи упала на холст, и, поскольку материя была легко воспламеняема, огонь занялся, и пламя поднялось так высоко, что могло бы сжечь гравюру с изображением слуги Божия брата Мартина де Порреса, которая висела у подножия Распятия, на высоте полувары, куда и достигало пламя. Но оно не опалило и не закоптило образ человека Божия, хотя по законам природы было невозможно, чтобы оно его не сожгло. Женщина потушила огонь, не обратив на чудо внимания.

В другую пятницу, верная своему благочестивому обычаю, она, как и в первый раз, поставила свечу на табурет, покрытый другим куском холста, а сама отлучилась из комнаты. От свечи снова упала искра, огонь охватил ткань и, усилившись, подпалил табурет с обратной стороны. Пламя поднялось так высоко, что, достигнув изображения брата Мартина, чудесным образом прошло позади него, оставив место за ним закопчённым и обожжённым, но всепожирающая стихия так почтила лик слуги Божия, что не сожгла, не закоптила и не причинила ему ни малейшего вреда, к изумлению тех, кто видел случившееся и узнал о чуде. Без сомнения, Господь сотворил это не только для прославления Своего уже почившего слуги, но и к посрамлению мятежных еретиков-иконоборцев наших времён, лютеран и кальвинистов, которые со святотатственным нечестием хулят молитвенное почитание священных изображений, к коим не осмелился прикоснуться и огонь, утратив свою природную силу в защиту непреложной истины, которую исповедует наша Матерь, Католическая Римская Церковь.

В нынешнем, 1674 году небеса явили следующее чудо, дабы ещё более утвердить славу о добродетели брата Мартина. Одна женщина из нашего города послала ночью одну индианку, бывшую у неё в услужении, с неким поручением. Та, идя вслепую в темноте, споткнулась о камни у оросительной канавы. Она была на последних месяцах беременности, и от падения получила столь тяжкий и значительный вред, что из тела её, словно из источника, обильными ручьями хлынула кровь. Её отнесли домой, и, когда приступ усилился, младенец стал биться в утробе, а кровь не переставала обильно течь, хотя к ней и применяли лечебные средства. Женщина, безутешная, не зная, куда обратиться в своей скорби, взяла изображение досточтимого брата Мартина, которое у неё было, приложила его к животу служанки, призывая в сей тяжкий час заступничества слуги Божия. И случилось нечто поразительное: едва она с благоговением сделала это, как кровотечение у несчастной остановилось, боль утихла, и младенец успокоился. Все сочли этот случай чудесным и вознесли Господу нашему благодарение за сие знамение.

ГЛАВА XXVI. О ТОРЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ БРАТА МАРТИНА И О ЧУДЕСАХ, ЧТО ПРИ СЁМ СЛУЧИЛИСЬ

Поскольку слова Божии столь непреложны и нерушимы, что скорее прейдут небо и земля, нежели они не исполнятся (ср. Мф. 24:35; Лк. 21:33), а пророчества святых суть слова Самого Бога, то они так далеки от того, чтобы остаться тщетными, что никогда не преминут исполниться.

Угодно было Господу, чтобы настало время для перенесения досточтимых мощей Его слуги, дабы пророчество, сказанное им своему другу рехидору Хуану де Фигероа о том, что они будут погребены вместе в келье, где он тогда жил, пришло в исполнение. И сбывшееся предсказание брата Мартина стало подтверждением слова Божия, говорившего его устами. Для сего Он подвиг отца-магистра бр. Хуана де Барбарана, исполнявшего в то время должность генерального викария здешней провинции Перу. Тот, видя, что капелла, воздвигнутая в келье слуги Божия в честь благочестивого образа святого Распятия, уже завершена и готова — а украсил её позолоченной дарохранительницей капитан дон Иньиго Васкес де Акунья, кавалер ордена Алькантары и зять того самого рехидора, — повелел извлечь мощи досточтимого брата, которые столько времени покоились в зале капитула, в общей усыпальнице иноков. Он распорядился, чтобы, вновь отслужив по покойному заупокойную службу, сии кости перенесли в подземный склеп, устроенный для этой цели в той самой капелле при лазарете.

Перенесение было исполнено в точности [как он предписал], и небеса не преминули явить через чудеса великие заслуги того героического духа, что некогда обитал в сём уже бездыханном теле. Ибо при извлечении останков многие иноки увидели, что мощи были нетленны, с плотью и живой кровью, словно брата Мартина только что погребли, хотя досточтимый брат почил уже много лет назад. Свидетельствует также один светский брат по имени Томас Марин, что, копая могилу под землёй и извлекая тело, он взялся за череп, и в руках у него остался сгусток крови. Подумав, что это комок земли, он сжал его, и из него потекла живая кровь, что вызвало у присутствующих огромное изумление и трепет. Но и на этом знамения не закончились, ибо мощи источали благоуханнейший аромат, подобный розе, который уладил и привёл в восторг всех, кто, там находясь, обонял его.

Затем досточтимое тело положили на общие носилки, на которых выносят почивших иноков для погребения. И Бог продолжил Свои чудеса: хотя монастырь никого не приглашал, весь город пришёл в такое движение, что народ не вмещался в обители. Заупокойная служба была отслужена с великой пышностью и торжественностью, и на ней присутствовали сеньор граф де Сантистеван, бывший в ту пору вице-королём здешнего королевства, сеньоры из Королевской Аудиенсии, члены городского совета и трибуналов, множество иноков из всех орденов, кавалеры и бесчисленный народ всех сословий.

По окончании мессы тело досточтимого брата от церкви донесли на плечах самые знатные особы сего государства, причём пример в сём славном деянии подал сам сеньор вице-король с судьями, за которыми последовали чин за чином и другие трибуналы. Когда же они достигли новоустроенной капеллы, мощи слуги Божия были положены в устроенный там склеп при ликовании и волнении народа, громко прославлявшего его добродетель. Так к немалой славе человека Божия в точности исполнилось пророчество его о том, что он будет погребён в своей собственной келье. Ибо если Солон Лакедемонский¹, один из семи мудрецов Греции, счёл афинянина Телла счастливейшим из смертных за то, что тот был погребён на месте своих триумфов, то и брата Мартина небеса пожелали сделать столь же счастливым, устроив так, чтобы он был погребён в своей собственной келье — известном месте его побед, где он, как уже говорилось, многократно торжествовал над сатаной.

¹ Автор ошибочно называет афинянина Солона «лакедемонянином» (спартанцем). История о беседе Солона с царём Крезом и о счастливейшем из смертных Телле изложена у Геродота («История», I, 30).

ГЛАВА XXVII. О ЯВЛЕНИЯХ СЛУГИ БОЖИЯ ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ

Завершив повествование о дивной жизни, героических добродетелях, блаженной кончине и торжественном перенесении мощей сего дивного мужа, я счёл уместным рассказать и о сём редком происшествии, дабы из него можно было заключить, что, по-видимому, не так уж далёк тот час, когда Католическая Церковь, как мы уповаем, явит нам честь прославления брата Мартина, ибо сами небеса столь явно явили ему своё благоволение, сотворив чудо его двукратного явления.

Несколько лет назад, когда Хуан Васкес де ла Парра давал показания для процесса и сбора сведений о жизни досточтимого брата, он рассказал, что ему тогда вспомнилось как очевидцу дивных деяний человека Божия. Но поскольку он поведал не всё, что испытал, с ним и произошёл сей чудесный случай.

В тот самый день, когда свидетель этот давал показания, он находился в своём доме, что стоит напротив монастыря босоногих монахинь св. Иосифа в Городе Королей. Незадолго до вечерней молитвы, держа на руках своего сына, он слышал, как его дважды ясно и отчётливо позвали по имени. Он вышел за дверь и увидел рядом двух иноков нашего славного отца св. Доминика, но, поскольку они с ним не заговорили, он вернулся в дом, не придав тому значения, решив, что зов был лишь игрой его воображения. Но едва он вошёл, как его снова окликнули по имени. Выйдя с той же опаской, что и в первый раз, и спросив иноков, не они ли его звали, он слышал от одного из них: «Хуан Васкес, ты не узнаёшь меня?» Тогда свидетель, приглядевшись, понял, что говоривший с ним был слуга Божий брат Мартин де Поррес, почивший уже много лет назад. Но хотя он и видел его перед собой, однако усомнился в том, что видел, как и предсказывал ему прежде брат Мартин. И хотя, уже веруя, что это — досточтимый брат, он, естественно, сперва испугался, но затем набрался мужества, ибо небеса укрепили его, так как то было важно.

Тогда слуга Божий сказал ему, что он был краток. Не поняв ни цели, ни причины этих слов, тот переспросил, в каком деле он оказался краток. На что человек Божий повторил: «Расскажи всё, что ты видел и знал за то время, что был со мной». Сказав это, он велел ему вернуться в дом, что тот и исполнил, с одной стороны, растроганный, а с другой — потрясённый тем, что говорил гостем из иного мира, и что видел перед собой и другого инока, уже почившего священника, которого, по его словам, также узнал.

Но и этого очезримого явления брата Мартина не хватило, чтобы исполнилось повеление слуги Божия, ибо свидетель этот, по особому провидению Божию, как то стало ясно из последствий, совершенно обо всём забыл. Много времени спустя после случившегося до меня дошли сведения, что, поскольку Хуан тот служил человеку Божию в течение четырёх лет, он мог бы многое поведать о его добродетелях и чудесах. Я послал за ним, чтобы он засвидетельствовал, что ему из этого времени вспомнится. И когда он пришёл в наш доминиканский монастырь Пресвятой Девы Марии Розария в Лиме, где я подвигаюсь, и входил в церковь через врата нижнего хора, в один из дней февраля 1671 года, в восемь часов утра, ему снова явился тот же

слуга Божий брат Мартин де Поррес с тем же спутником, что и прежде. И он сказал ему: «Как же ты мог оказаться столь упрям и непослушен! Отчего не пожелал исполнить, что тебе было поручено? Иди немедленно и рассказывай всё, что знаешь!»

Без сомнения, слуга Божий повелел это потому, что житие его уже писалось, дабы быть напечатанным не только мёртвыми буквами в типографии, но и в живых сердцах верных в поучение им и на удивление перед столь дивным мужем, чьи чудеса не все остались в памяти из-за загадочного молчания, которое он всегда хранил при жизни. И теперь, будучи, как мы свято веруем, в безопасности от греха тщеславия и живя на небесах, куда не достигают суетные впечатления, он дважды сходил на землю, чтобы явиться усердным ходатаем в своём собственном деле. И это, как кажется, подтверждает нам, что Бог и впредь прославит Своего слугу, объявив его святым Своей Церкви.

ГЛАВА XXVIII И ПОСЛЕДНЯЯ. О СОСТОЯНИИ ДЕЛА О БЕАТИФИКАЦИИ СЛУГИ БОЖИЯ БРАТА МАРТИНА ДЕ ПОРРЕСА

Героический подвиг его добродетелей, дивная его жизнь, пламенное благочестие, а также всенародная хвала и почитание от людей, громко взывающих к его заступничеству, — всё это служит достаточным свидетельством той славы, которой удостоился на небесах брат Мартин. Если бы в наши века было в обычае, чтобы простой народ, движимый Богом, провозглашал святых, или епископ — в своей епархии, как то было в древности¹, то, без сомнения, брат Мартин уже удостоился бы этой чести. Но поскольку Вселенская Церковь около восьмисотого года по уважительным причинам постановила, чтобы о добродетелях, жизни и чудесах мужей и жён, отмеченных святостью, проводилось юридическое дознание и процесс, — и первым святым, канонизированным таким образом, был св. Свитберт, епископ Верденский², — и никого нельзя почитать святым, пока зримый глава Церкви не объявит его таковым, то со времени блаженного преставления досточтимого слуги Божия брата Мартина де Порреса прилагаются все возможные усилия для его беатификации.

И чтобы стало ясно состояние сего важного дела, я приведу здесь вкратце доклад и отчёт о жизни и чудесах слуги Божия, который сделал Его Высокопреосвященство кардинал Видони на первом подготовительном заседании Конгрегации. В переводе на кастильский язык и в сокращении он гласит следующее:

«В Западных Индиях родился досточтимый слуга Божий брат Мартин де Поррес. Отцом его был дон Хуан де Поррес, кавалер ордена Алькантары, а матерью — Анна Веласкес. Воспитав дитя после животворящей купели крещения в страхе Божиим и христианском благочестии, они уже в раннем его возрасте увидели немалые признаки той превосходной добродетели и высочайшего совершенства, которых он со временем должен был достичь. Он принял смиренное облачение терциария в ордене Проповедников, где, явив дивный пример добродетелей, благочестия, скромности, набожности, суровости жизни и молитвы, привлёк к себе внимание всех иноков. Как истинный сын св. Доминика, он подражал его житию в кровавых подвигах, каждую ночь подвергая себя трём жестоким бичеваниям тремя железными цепями, коими он покорял тело, заставляя его служить разуму. Он постоянно умерщвлял плоть грубыми власницами и соблюдал столь строгое воздержание, что обычной пищей его были лишь хлеб и вода.

Когда послушание возложило на него обязанности больничника, в нём так просияла любовь, что её испытали на себе не только люди — иноки, миряне, индейцы, метисы и темнокожие, — но и неразумные животные, которых он чудесным образом исцелял. И небеса даровали ему ради помощи всем им столь чудотворную силу, что лекарства, которых не доставало больным, он доставлял посредством чуда. И Богу оказалось так угодно его милосердие, что Он воочию уделил ему на земле те редкие дары быстроты и тонкости, что свойственны прославленному телу. Ибо много раз, то пролетая по воздуху, то проникая сквозь запертые двери к больным и в новициат, он чудесным образом узнавал о нуждах, которые страждущие терпели в полночь, и с величайшей любовью спешил им на помощь.

Ангелы небесные рукоплескали его добродетелям, ибо, когда брат Мартин поднимался от молитвы перед образом Богоматери, все иноки видели, как, пока он шёл на хоры, ему освещали путь с зажжёнными свечами два прекраснейших юноши, которые не могли быть никем иным, как блаженными духами. А в другой раз, когда он бичевал себя, идя по клуатру, ему светили четыре горних ангела. Отсюда и происходило то почтение и благоговение, которое питали к нему все иноки и настоятели, дивясь брату Мартину — зеркалу любви, живому примеру иноческой жизни и совершеннейшему образцу уставного соблюдения.

Настал желанный предел жизни, когда он должен был, оставив смертное тело, насладиться бессмертной наградой в [небесном] отечестве. Притом, словно бы грехи его были огромны, он столь часто и горячо изъявлял сокрушение, что приводил в умиление и изумление присутствующих. Небеса укрепили его надежду, явив ему славного отца нашего св. Доминика и св. Викентия Феррера, на которых он указывал перстом. В тот час, когда разрушается состав человеческий, он источал столь благоуханный аромат, какой обыкновенно источал и при жизни, постоянно находясь среди отвратительных нечистот больных и в грязных помещениях монастыря. И, приняв с благоговением спасительные Таинства, он предал свой чистейший дух в руки Создателя, оставив иноков в изумлении пред его смертью, с ревностью о его блаженстве и готовыми возвещать о его добродетелях.

Всё это подтверждается показаниями шестидесяти шести свидетелей в ходе процесса, проведённого властью ординария. Законными прокураторами по делу этой беатификации были отец-магистр бр. Лоренсо Муньос из Ордена проповедников и дон Клаудио Буиллод, попечитель того же дела³.

Были также поданы чрезвычайно весомые ходатайства о беатификации и канонизации слуги Божия: пять — от Католического Короля Испании Филиппа IV блаженной памяти папе Александру VII; от преосвященнейшего архиепископа Лимы владыки Педро де Вильягомеса; от кафедрального капитула той же митрополии, сиречь Города Королей; от вице-короля королевства Перу; от того же города Лимы в лице его капитула; от Королевского университета Города Королей; от ордена серафического отца нашего св. Франциска; от ордена отца нашего св. Августина; от ордена Богоматери Милосердия Искупления пленных; от Общества Иисусова; от ордена св. Иоанна Божия; от провинциального капитула, состоявшегося в Лиме в 1641 году; от генерального капитула в Валенсии в 1647 году и от генерального капитула в Риме в 1656 году. Помимо этих, поступают новые ходатайства от католических королей и от генерального магистра ордена св. Доминика, от прокураторов различных провинций ордена Проповедников в Восточных и Западных Индиях».

Таков отчёт. И, вняв ему, а также жизни, добродетелям и чудесам досточтимого брата и столь многократным ходатайствам знатных особ, капитулов и славных орденов, Святейший Отец наш Папа Климент X издал ротул и ремиссориалы для пленарного процесса⁴.

И дабы наконец стало ясно, что жизнь сего дивного мужа от начала до конца была одним сплошным чудом, я напоследок поведаю о том, что сотворил Господь наш с самими этими ремиссориалами, которые были отправлены из Рима для ведения сего святого дела. Отец-магистр бр. Лоренсо Муньос из Ордена проповедников, прокуратор слуги Божия, свидетельствует, что, находясь в Римской курии с ходатайством о ротуле и получив его, запечатанным и скреплённым, как то принято при папском дворе, он отправил его в сии королевства. Но по устройению Божественного провидения в порту Генуи затонул корабль, на котором везли бумаги. По прошествии девяти или одиннадцати дней, насколько он помнит, из воды извлекли ящик, в котором находился ротул вместе с другими бумагами. Последние, хотя их и сушили на солнце четыре дня, пришли в негодность, к тому же испуская нестерпимое зловоние, ибо истлели.

Лишь свёрток с ремиссориалами, или ротулом, слуги Божия брата Мартина, который находился в папке из лужёного железа вместе с другими бумагами, достали из воды в таком хорошем состоянии, без малейшего повреждения или ущерба, что он лишь немного отсырел в ознаменование того, что побывал в воде, тогда как сопутствовавшие ему бумаги пришли в негодность. Это вызвало немалое изумление у всех, кто при том присутствовал. И когда отец-магистр, находясь в Риме, получил известие об этой потере, он, полагая, что ротул либо погиб при кораблекрушении, либо пришёл в негодность, получил дубликат, чтобы восполнить утерянное.

Из сего видно, сколь усердствует Господь в прославлении брата Мартина чудесами, ибо, хотя стихии ополчаются на других, они, кажется, вступают в общий сговор, чтобы явить почтение человеку Божию: огонь не смеет коснуться его изображений, воздух повинуется ему, земля за один день производит растения, а воды не дерзают повредить его ротул. Знамения эти достаточно ясно указывают, что Вселенская Церковь прославит брата Мартина во славу Божию, в удостоверение святости его слуги, на духовную пользу верным и к чести моего святого ордена.

¹ Ср. св. Фома Аквинский, *Сумма теологии*, II-II, q. 9, a. 2.

² Автор жития, вероятно, опирается на неточные исторические сведения. Первой формальной папской канонизацией считается прославление св. Ульриха Аугсбургского папой Иоанном XV в 993 году. Св. Свитберт жил в VIII веке, а папа Лев III (795–816) не проводил канонизаций в современном смысле этого процесса.

³ Попечитель дела (исп. *Patrón de la causa*) — официальный светский покровитель и спонсор процесса беатификации. Его роль заключалась в финансовой поддержке, а также в использовании своего влияния для продвижения дела в светских и церковных инстанциях.

⁴ Ротул и ремиссориалы (*Rotulo y Remissoriales*) — официальные документы Святого Престола, разрешающие начало второй, апостольской, стадии процесса беатификации, так называемого «пленарного процесса».

Перевод: Константин Чарухин
Корректор: Ольга Самойлова
Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin
или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW

**БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ
КОНСТАНТИНА ЧАРУХИНА**